

РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ
Институт археологии и этнографии НАН РА

ДЕМИРХАНЯН АРА ГРАЧИЕВИЧ

СЕВЕРО-ВОСТОК ЕРЕВАНА В ЭПОХУ АРТАШЕСИДОВ

**МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ
КУЛЬТУРА ПО ДАННЫМ АНТИЧНОГО
ПОСЕЛЕНИЯ В АВАН-АРИНДЖЕ
(II в. до н.э. – начало I в. н.э.)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук по
специальности 07.00.03. «Археология»

ЕРЕВАН 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. СТРАТИГРАФИЯ	11
Глава II. ХОЗЯЙСТВО И РЕМЕСЛО.....	18
Керамика	18
Орудия труда и продукты ремесленного производства	46
Материальное свидетельство кузнечного дела	67
Животноводство и охота: анализ остеологического материала	69
Виноделие.....	70
Глава III. МАТЕРИАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ	74
Захоронения.....	74
Статуэтки (идолы) из фаланговых костей конечностей мелкого и крупного рогатого скота	79
Геммы	93
Колокольчики	98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	100
БИБЛИОГРАФИЯ	107
Список таблиц	118
ТАБЛИЦЫ	

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена результатам археологического изучения античного поселения Аван-Ариндж в северо-восточной части Еревана.

Армения в эпоху Арташесидов (ветви династии hАйказун-Ервандидов) переживает резкий социально-экономический и культурный подъем. При Арташесе I и, в особенности, Тигране II Великом она превращается в сильнейшую державу Передней Азии в ряду высокоразвитых государств античного мира и на основе своей традиционной культуры, единого армянского языка¹, творчески воспринимает материальные и духовные импульсы эллинистического периода.

Столица Великой Армении Арташат, как и другие города и поселения, расположенные вдоль международных торговых путей, проходящих через страну, иллюстрируют тип памятников, в культуре которых заметны черты материального и духовного синкретизма, характерные в той или иной мере для стран эллинистического мира. К данному типу памятников и относится предмет настоящего исследования.

На современном уровне археологического изучения таких памятников, как Армавир, Ервандашат, Арташат, Тигранакерт в Агдзнике, Тигранакерт в Арцахе, Двин (столицы и крупные города); Мохраблур, Шамирам (большие поселения или городища), Карчахпюр (царское поселение со специализированными чертами в экономике), Бениамин (региональный центр), Охмик (крупный храмовый центр), и другие, обнаружение и осмысление каждого нового памятника актуально для создания обширной и объективной историко-культурной панорамы эпохи.

На территории Еревана ранее были обнаружены отдельные следы культуры античной эпохи, представляющие большую историческую ценность (Кармир-Блур, hУшаблур, Эребуни, Цицернакаберд, территория театра оперы и балета). Однако,

¹ Strabo, XI, 14, 5

изучение Аван-Аринджского памятника, в силу объективных обстоятельств, дает наиболее полную картину исторического прошлого на территории современного Еревана, отражая, в особенности, черты эллинистического периода.

Основной задачей и целью настоящего исследования является фиксация и создание систематизированной картины материальной культуры памятника, выявленной в результате раскопок и сбора подъемного материала. На основе археологической информации реконструирование отдельных элементов духовной жизни поселения. Приоритетами работы являются:

- описание строительных остатков,
- описание и анализ погребальных сооружений и инвентаря,
- изучение обнаруженных артефактов, – орудий труда и различных продуктов ремесленного производства и, в особенности, такого массового инвентаря, как керамический материал /классификация, типологизация полученных данных, анализ орнамента и выявление функционального назначения предметов.
- анализ остеологического материала,
- установление четкой стратиграфии и определение хронологических рамок изученной части поселения,
- изучение артефактов культового характера и анализ их культурной эволюции.

Основой изучения выявленного раскопками и археологической разведкой материала является сравнительно-типологический метод исследования.

Вводится в научный оборот новооткрытый памятник Армении античного периода. Данная работа представляет первую попытку обозначить хронологически связующее звено между расположенными на территории Еревана памятниками (Эребуни, hУшаблур, Кармир-Блур и т.д.) Ванского царства, Ервандидской эпохи, с одной стороны, и позднеантичного времени, с другой. Оно

может стать научной основой для выявления культурно-исторической преемственности на территории Еревана.

Впервые в научной практике рассматривается генезис артефактов субкультурного (отприродного) происхождения, созданных из кости мелкого и крупного рогатого скота, основой для которой послужили фаланговые кости нижних конечностей. Причем, как показывает анализ, находки таких предметов нередко при раскопках памятников Армении начиная с эпохи неолита до античности. Предполагая их культовый характер, конкретная семантика долгое время в антиковедении продолжала оставаться загадочной. Согласно же нашим выводам, эти предметы отнесены к определенной группе памятников искусства в предложенной автором для этой цели классификации древней пластики, и обозначены как образное воплощение «архетипа обновления жизни», воспринимаясь древними как магический гарант возрождения солнечного светила, как иллюстрацию космогонических гимнов.

Найденная в поселении многогранная гемма из двухслойного халцедона с изображением собаки, как и другие геммы с зооморфными мотивами, относящиеся к эпохе эллинизма, ранее однозначно связывались исследователями с культом Митры. Этот вывод рассматривается автором критически. В связи с этим прослеживается генезис культа собаки, как психопомпа, символа – проводника души праведника в древнейших верованиях армян. Этот образ является важнейшим звеном в сценах охоты, одной из центральных тем в наскальных рисунках. Эти композиции петроглифов олицетворяли метафору спасения души, сохраняясь и в последующие эпохи, подтверждая тем самым историко-культурную преемственность, актуальную на протяжении многих тысячелетий.

В работе подчеркивается, что изображение собаки, будучи первым дополнительным мотивом в митраистических композициях, связан здесь только с т.н. «западным Митрой». Это характерно, как известно, для ареала римской

культуры в первые века новой эры (для Армении это II-III век н.э., период пребывания здесь римских легионеров). Поэтому, рассматриваемая гемма Аванского поселения, датируемая эллинистическим периодом, к культу Митры не относится. В то же время, сцена тавроктонии рассматривается автором независимо от культа Митры, имея свою богатую предысторию. Указывается на генетическую связь иконографии тавроктонии с солярным культом государства Митанни².

Результатом исследования стало издание богато иллюстрированной монографии «Северо-восток Еревана в эпоху Арташесидов», являющейся документом, впервые подтверждающим непрерывность культурно-исторического развития региона.

Выявленный в результате раскопок, изученный и датированный археологический материал, лег в основу экспозиции Музея истории города Еревана, посвященной периоду от эпохи эллинизма – до начала поздней античности, когда страна развивалась в рамках позднеервандидского и Арташесидского царств Великой Армении.

Поселение эпохи Арташесидов было выявлено в 1980 году на северо-востоке Еревана, на территории современного квартала Аван, в границах ранее располагавшегося здесь одноименного села.³ Известное по раннесредневековым источникам, это село впервые упоминается армянским историком VII в. Себеосом как местонахождение резиденции противопрестольного католикоса Ована Багаранци (591-602)⁴, находившегося под юрисдикцией Византии. В этой части Армении, попавшей после раздела страны во владение императора Маврикия (582-602), Византия основывает в Аване противопрестольный каталикосат, в то время как в Двине (в персидской части Армении) продолжает находиться престол

² Ср. с работой Л.А. Лелекова «К семантике и типологии храмовых сооружений армянского язычества», ИФЖ, Ереван, 1974, № 1, с. 58-64

³ А. Р. Демирханян, Эллинистическое поселение на территории г. Еревана // Археологические открытия, 1980 г. Москва, 1981, с. 424-425.

⁴ Պատմութիւն Սեբեոսի (աշխատասիրութեամբ Գ.Վ. Արզախյանի), Երևան, 1979, ԺԹ, ԼԳ:

католикоса Армянской Апостольской церкви. Здесь, в Аване, католикос Ован Багаранци в 591г. возводит свой знаменитый кафедральный собор – древнейшее известное центральнокупольное сооружение в армянском раннесредневековом зодчестве.⁵

О былом значении Авана и его окрестностей говорят разнообразные, сохранившиеся на этом участке Котайкского плато древности, подтверждающие богатство предыстории свидетельства раннего средневековья, в свою очередь несущие на себе отголоски предшествующего времени. В эту эпоху здесь работают мастера, «сыгравшие выдающуюся роль в творческом становлении архитектурной и инженерной мысли Армении. Возникают «первенцы» разнообразных решений церковных композиций, определивших дальнейшее развитие армянского зодчества».⁶ Особую роль в историко-культурном значении этого удивительного уголка армянской земли сыграл также и расположенный вблизи Авана и Аринджа монастырь Дзагаванк – «один из значительных научно-просветительных и культурных центров гавара Котайк ашхара Айрарат».⁷

Культурное значение Авана и его окрестностей в эпохи, предшествующие строительству собора, подчеркивают расположенные здесь памятники раннесредневекового искусства – мемориальные стелы на ступенчатых основаниях, некогда увенчанные украшенными художественными рельефами капителями (две из них сохранились) со свободно стоящими «процветшими» крестами (V-VI вв.), четырехгранные стелы с изображениями Даниила во рву львином (V в.), характерные резные рельефы с изображением равноконечного креста в медальоне (V в.) и т.д.

В Аване, с примыкающим к нему селением Ариндж, прослеживается непрерывное развитие истории и культуры начиная с эпохи ранней бронзы (III тыс.

⁵Т. А. Марутян, Храм Аван, Ереван, 1976, с. 174-176.

⁶Н. М. Токарский, Джрвеж II, Вохджаберд, Ереван, 1964, с. 70.

⁷Ռ. Գալստյան, Չափավորի համալիրը և նրա փմագրերը // Պատմա-բանասիրական հանդես, 2007, N 1, էջ 198-217:

до н.э.) вплоть до античности и средних веков включительно (табл.1).

Важнейшее хронологическое звено в историческом развитии региона образует античное поселение, которому посвящено настоящее исследование.

Эллинистический памятник первоначально занимал территорию небольшого холма в северо-западной части Авана, северный пологий склон которого спускался к левобережью реки Гетар (Гетару). В настоящее время холм застроен жилыми кварталами, а подножие его, примыкающее к долине Гетар, пересечено с запада на восток искусственной насыпью проспекта им. маршала Бабаджаняна (табл. 7, 8). Археологическому исследованию доступны около 15га первоначальной территории поселения, охватывающие пространство к северу от насыпи проспекта до русла реки Гетар (табл. 2, рис. а, б; табл. 3).

Возникновению поселения в гаваре Котайк – области Великой Армении Айрарат могли способствовать ряд обстоятельств. Выгодное географическое расположение в окружении четырех холмов – Гетаргел (восток), Ариндж (север), Аван (юг) и западный холм, граничащий к северу с аринджским холмом, создавало удобное, хорошо защищенное природой пространство удобное для проживания и развития земледелия и скотоводства – плодородную долину реки Гетар.

Это подтверждают находки многочисленных и разнообразных зернотерок, жаровен для выпечки хлеба, следов винодельческого хозяйства (характерного чана для сбора виноградной выжимки), костей мелкого и крупного рогатого скота. Большое значение должны были иметь благоприятные условия для рыболовства и охоты, в том числе и на благородных оленей (как показало изучение остеологического материала). Процветанию поселения должно были способствовать и наличие природных ресурсов, ведущих к развитию всевозможных ремесел, в частности, знаменитой аванской глины, и сегодня еще незаменимой для изготовления печей-тониров, ставшей основой для гончарного производства, вероятная доступность сырья для железоплавильного и кузнечного дела – найдены многочисленные остатки руды со следами обработки.

Значение имела и несомненная близость к международному магистральному торговому пути»⁸, ведущего с одной стороны к столице Великой Армении Арташату, связываясь с Партавом в провинции Утик восточных краев Армении, а с другой, разветвляясь на севере – через Гугарк, Фазис, Диоскурию-Себастополис к Северному Кавказу и далее к Северному Причерноморью и Боспорскому царству. Как указывает акад. Я.А. Манандян в своем труде «О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен» – «Рассмотренная нами дорога из Арташата в Диоскурию-Себастополис ...имела выдающееся военное и торговое значение...через которую южно-русские степи имели общение с культурными странами древнего Востока»⁹. С.Т. Еремян подчеркивает, что Ереван был древнейшим центром где скрещивались пути международной торговли.¹⁰ Определенное значение для развития Авана могла сыграть здесь и близость дороги, ведущей в традиционную летнюю резиденцию армянских царей – в Гарни.

Благоприятные условия послужили предпосылками для освоения этих мест еще в III тыс. до н.э. – в эпоху ранней бронзы. О заселенности в последующие эпохи свидетельствуют находки артефактов, относящиеся к разным периодам эпохи бронзы и раннего железа. Особенно интересен холм Гетаргел, на склонах которого прослеживаются погребения эпохи средней бронзы. Здесь же просматриваются следы кромлеха диаметром в несколько десятков метров,¹¹ одного из самых крупных в Армении. Холм, несомненно, считался священным местом, сохраняя свое значение на протяжении тысячелетий, о чем говорит и

⁸Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, Ереван, 1954, с.159.

⁹Ук. соч., с. 159

¹⁰С. Т. Еремян, Эребуни-Ереван на путях международной торговли // Вестник общественных наук, 1969, N 12, с. 18-21; См.также в этой связи и работу Амаяка Оганесяна «На великом шелковом пути», Ереван, 1998. Автор считает своим долгом выразить благодарность академику С. Т. Еремян за обсуждение данной темы.

¹¹Согласно сообщению и фотоматериалам краеведа Геворга Геворгияна.

возникновение здесь уже в средние века христианских культовых сооружений – монастыря Дзагаванк и церкви Сурб Ншан.

Следует также отметить, что упомянутые выше четыре как бы охватывающие античное поселение возвышенности – холма, расположение которых соответствовало ориентации по странам света, могли придавать местности особую сакральную значимость. Как известно, такие ориентиры соответствовали устройству мира еще с глубочайшей древности – они могли воспроизводить то идеальное состояние пространства, которое приписывалось небесным сферам и их обитателям – богам. Ориентацией по странам света определены, например, строительные принципы этрусков – они предшествовали строительству храма, как и строительству города. Подобное природное обстоятельство не могло не быть замечено древними обитателями этих мест и, возможно, создавало определенные предпосылки для заселения территории, представляясь земным воплощением небесного мира.

Глава I. СТРАТИГРАФИЯ

Археологическое изучение памятника выявило два основных культурных наслоения с общей мощностью свыше трех метров, хронологически отражающих различные периоды заселения (табл. 9). Нижний слой, мощностью в 0,5 м, залегающий на материке с трехметровой отметки от современной поверхности, представляет судя по данным стратиграфических шурфов последний этап раннебронзовой культуры Армении. Слой содержит разнообразные обсидиановые орудия – вкладыши составных серпов, ножевидные пластины, нуклеусы, а также фрагмент двурогой очажной подставки, связанной с культом быка и огня. Особенно выразителен вкладыш серпа овальной формы с плоской ретушью, характерный для III тыс. до н.э., встречающийся и во II тыс. до н.э. Керамический материал, отмеченный, в частности, характерным фрагментом толстостенного чернолощеного сосуда с коричневой подкладкой, помимо датируемой началом II тыс. до н.э. очажной роговидной подставкой коричневого цвета, с нелощеной поверхностью, интересен и находками фрагментов плоскодонных переносных очагов с соотношением вертикальных бортов к диаметру дна – 1:3, традиции изготовления которых прослеживаются вплоть до античной эпохи. Найдена также и круглая дисковидная пастовая бусина белого цвета диаметром 3, 1 мм. Мощность данного культурного слоя, нарастая к берегу реки Гетар постепенно убывает у подножия склонов холма.

Культурный слой, датируемый II в. до н.э. – I в. н.э., достигающий местами мощности свыше двух метров, отделяется от вышеупомянутых раннебронзовых наслоений небольшой стерильной прослойкой. Вместе с тем, на основных раскопах, заложенных в северной, южной и западной части исследуемого участка поселения, были обнаружены строительные остатки сооружений, сопровождаемые характерным для данного времени богатым археологическим материалом.

В первом – «северном» раскопе площадью в 250 кв. м, было раскрыто два строительных горизонта. В позднем из них были выявлены остатки фундамента стены, сложенной из нескольких рядов рваных камней (базальт и туф) и скрепленных глиняным раствором по принципу «мидис» с двухпанцирной кладкой, т.е. основания стены с двусторонней облицовкой с промежуточной забутовкой (табл. 4, рис. а, б; табл. 10, 11). Стена была проложена с севера на юг, причем раскопан хорошо сохранившийся юго-западный угол, где она поворачивает под прямым углом на восток. Протяженность раскрытой части стены с севера на юг более 30 метров. Не исключено, что над основанием возвышалась стена из сырцовых кирпичей. Сохранившаяся высота основания составляет около 1 м, толщина – 0.8 м. На южном конце этой стены ближе к углу постройки был раскрыт небольшой проем прямоугольной формы, перекрытый длинным плоским камнем, служивший, вероятно, для отвода сточных вод по направлению вниз к реке (табл.6, рис. а, б.). С запада параллельно к этой длинной стене позднее была пристроена вторая стена. Пространство между двумя параллельными стенами было заполнено массой из земли и мелких камней. Местами эта более поздняя стена или пристройка образована как минимум двумя горизонтальными рядами базальтовых камней, лицевой части которых пытались придать прямоугольную форму, что характерно для строительных традиций античной эпохи в Армении. Далее к югу стена переходит в один горизонтальный ряд из более крупных камней – массивных обломков базальта и тяжелого красноватого туфа, высотой в 0,5 м и в отдельных случаях шириной более метра, сохраняя т.о. общую высоту северного участка фундамента. Можно предположить, что внешняя поздняя кладка служила подпоркой для раннего сооружения, или же таким образом был расширен фундамент для новой – более плотной стены. Опора, укреплявшая сооружение с его внешней стороны, могла быть ориентирована на встречную волну частых разливов реки Гетар, прослеживаемых здесь по прослойкам песка и мелкой гальки.

На северо-западном углу раскопа, в 4-5 метрах от описанной выше сложной стены была раскрыта другая стена, сложенная из камней средней величины. Эта стена по уровню находилась ниже, чем предыдущая, т.о. можно предположить, что она была построена на следующей, более низкой террасе склона, плавно спускающегося к берегу реки. По технике исполнения и размерам камней эта стена перекликается с верхней, более ранней. Однако она ориентирована иначе, чем две верхние стены – с северо-запада на юго-восток, что практически исключает их синхронное функционирование. Видимо, перед нами остатки наиболее ранней структуры, перекрытой сверху поздними постройками, частью которых являются две вышеописанные параллельные стены. В пользу этого говорит и выявленное здесь кувшинное захоронение, вложенное в проделанную для него выемку в фундаменте стены.

Выявленная на контакте нижнего слоя и материка стеклянная бусина каплевидной формы находит аналоги в Арташате и Двине с датировкой II – I вв. до н.э. По материалам Северного Причерноморья такие бусы за пределы I в. до н.э. не попадают, бытуя в промежутке III – I вв. до н.э.¹²

Впущенное в нижний строительный горизонт кувшинное захоронение, согласно монете – парфянской драхме конца 80-х – перв. пол. 70-х гг. до н.э., датируется не ранее этого времени.

Археологический материал обоих строительных горизонтов, представленный в основном фрагментами керамики и строительными остатками, отличается однородностью, что говорит об относительно узком хронологическом отрезке (II-I вв. до н.э. – первая половина I в. н.э.), объединяющем периоды застройки. Следует подчеркнуть, что подобная однородность керамического материала характерна для многих памятников Армении этой эпохи, что осложняет более точную датировку слоев. Г. А. Тирацян подчеркивает это в связи со

¹² Е.М. Алексеева, Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. Свод археологических источников Г1-12, Москва, 1978, с.62, табл. 33 (69).

стратиграфией Армавира: «Наблюдаемая уже неоднократно однородность и однотипность археологического материала от верхних горизонтов эллинистического слоя до нижних делает такую задачу очень сложной».¹³ Подтверждением тому могут служить различные точки зрения по поводу определения и датировки одного керамического типа (пергамской керамики), имеющего малоазийское происхождение, с относительно точной датировкой его появления в Армении – (начала I в. до н.э.). Для уточнения стратиграфии важное значение имеют также и местные подражания этой привозной краснолаковой керамике в технике красного лощения, период их возникновения и распространения в Армении.¹⁴

Второй раскоп площадью в 450 кв. м был заложен в южной части изучаемого участка поселения, в 20 м от искусственной насыпи, пересекающей основание холма (табл. 12). Культурный слой античной эпохи здесь убывает, достигая мощности около метра.¹⁵ Раскопки культурных наслоений данного периода выявили фундаменты стен, ориентированных с ю-з на с-в, сложенных из грубо околотых туфовых и базальтовых обломков, мощностью в 80 см и с промежуточной забутовкой, идентичных первому ряду фундаментов «северного» раскопа. Фундаменты сохранились до первого ряда кладки в высоту около 30 см. На с-в к ним примыкают фрагменты вымостки площадью около 50 кв. м, сложенной из галечника и небольших обломков чистотесаных базальтовых плит.

На этом же участке раскопа были обнаружены три торовидные базы,

¹³ Г. А. Тирацян, Культура древней Армении. VI в. до н.э – III в. н.э. (По археологическим данным), Ереван, 1988, с. 85.

¹⁴ А. Демирханян, Об одной группе подражаний «пергамской керамике» // Научная конференция, посвященная итогам полевых археологических исследований в республике Армения (1989-1990), Тезисы докладов, Ереван 1991, с. 96-98; А. Демирханян, Северо-восток Еревана в эпоху Арташесидов, Ереван, 2010, с. 27-29); Gerda v. Buelow, Technologische Verfahren und Organisation der roemischen Keramikproduktion // Das Altertum, Heft 1, 1977, Bd. 23, S. 20-28; ժ. Դ. Խաչատրյան, Ա. Գ. Կանեցյան, Արտաշատի VIII բլրի շերտագրությունը // Լրաբեր (հասարակական գիտություններ), 1974, հ.9, էջ 76-91

¹⁵ Нижний строительный уровень не прослеживается. Наслоения раннебронзового времени представлены эпизодическими находками обсидиановых артефактов, непосредственно на контакте с материком, что объясняется морфологией местности.

изготовленные из оранжевого туфа, выходы которого наблюдаются в правобережной части долины Гетара, в 800 м от поселения. Одна из баз отличается аккуратностью отески и правильными пропорциями (табл. 13). Небольшой торус, снабженный верхней узкой полочкой, опирается на квадратный плинт со стороной в 0,5 м и высотой 0,3 м. Такая же база, выполненная, однако, менее аккуратно, была выявлена вблизи первой в вывернутом положении на участке, поврежденном земляными работами. Торовидные базы данного типа начиная со II в. до н.э. находят широкое распространение на территории Армении. Они известны по раскопкам в Арташате, Армавире, Двине, Мохраблуре, Ширикаване, Бениамине и др. памятниках.¹⁶ В северо-западной части поселения на разрушенных участках были найдены еще несколько баз торовидного типа, отличающихся от упомянутых выше находок грубостью обработки поверхности и материалом – туфом темных тонов. Там же были найдены и базы упрощенного типа – в виде грубо околотого дисковидного торуса со слабо выраженным валом.¹⁷

Третий, западный раскоп общей площадью в 100 кв. м был заложен вблизи левого берега высохшего русла реки у самой кромки нынешнего пруда. В этой части памятника хорошо просматривалась линия фундамента стены, пересекавшей ее с севера на юг. Остатки этой стены, выявившиеся в результате смыва почвы водами пруда, уровень которого часто изменялся (в связи с количеством осадков и сливом воды из насосной станции), прослеживались на протяжении более 50 метров. Местами сохранившаяся ширина фундамента достигала 1, 2-1, 3 м, сужаясь до 0,7 м и несколько отклоняясь от строгой прямой

¹⁶ Г. А. Тицацян, Культура древней Армении, Ереван, 1988, с. 121. Ժ. Խաչատրյան, Արտաշատի VII քրիի 1973-1975 թթ. պեղումների արդյունքները // Լրաբեր հասարակական գիտությունների, 1978, N8, էջ 71, Գ.Գ. Քոչարյան, Դվին III. Դվինը անտիկ դարաշրջանում, Երևան, 1951, էջ 44-45. Յ. Խաչատրյան, Բենիամինի անտիկ դաստակերտի հեղինակական ժամանակաշրջանի ճարտարապետությունը, Գիտական աշխատություններ, III, Գյումրի, 2000, էջ 33-35, աղ. I, 1-2:

¹⁷ О торовидных базах см. И. Пичикян, Традиции Востока в древнеармянской архитектуре // Второй международный симпозиум по армянскому искусству, Сборник докладов, Ереван 1981, т.1, с.258-261; Его же, Торовидные базы (происхождение, хронология) // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье, Москва 1979, с. 57-61.

линии. Поблизости от стены, как и по всей территории памятника, разбросано множество крупных и мелких валунов и рваных каменных обломков, представляющих собой вымытые из почвы фрагменты разрушенных строительных остатков. Четыре раскопных квадрата были заложены у южного окончания просматриваемой линии стены.

Раскопки выявили поврежденные развалы фундаментов и богатый керамический материал. Мощность культурного слоя составила около 1 метра. Стерильная поверхность фиксируется на глубине 1,2 м. Слой раннебронзовой эпохи на этом участке памятника не выявлен. Верхняя прослойка современной поверхности здесь фактически отсутствует в результате смыва почвы. Культурный слой античной эпохи прослеживается непосредственно от современной дневной поверхности, приобретая на глубине 0,2 м характер керамического развала и резко отличаясь по уровню насыщенности керамическим материалом от наслоений южного и северного раскопов, не отличаясь при этом по характеристике самого материала (всевозможные типы столовой, кухонной и хозяйственной посуды). Этот слой мощностью в 1 м убывает к отметке 1,2 м, образуя плотную, как бы спрессованную смесь керамических остатков, остеологического материала и речного песка.

Полученный материал позволяет сделать ряд предварительных выводов о характере раскопанной части поселения, его архитектуре и планировке. Выявленные раскопками фундаменты стен, подъемный архитектурный материал, а также общие наблюдения, сделанные на всей сохранившейся площади поселения, просматриваемые повсеместно, особенно на разрушенных участках, следы строительной деятельности указывают на сплошную застройку территории. Продольные линии фундаментов, преимущественно ориентированные с севера на юг, наблюдаются на разных участках памятника. К основным стенам могли примыкать жилые помещения, имевшие, очевидно, плоские и ступенчато-сводчатые деревянные перекрытия. Кровля покоилась на деревянных опорах-

столбах, стоявших на базах торовидного и упрощенного дисковидного типа. Построенные методом двухпанцирной техники, т.е., с двухсторонней облицовкой, основания стен могли нести кладку из сырцовых кирпичей, или же иного строительного материала с глиняной обмазкой, представляя собой традиционные приемы строительного дела. В основаниях фундаментов проделывались дренажные выходы в виде проемов прямоугольной формы для вывода сточных вод. Отдельные основания усиливались с внешней стороны вторым рядом каменной кладки, служившей, скорее всего, защитой от наводнений.

Глава II. ХОЗЯЙСТВО И РЕМЕСЛО

Керамика

Материальная культура, обнаруженная во время раскопок, представлена богатой коллекцией разнообразной керамики, анализ которой указывает на формы, характерные для памятников Армении эпохи эллинизма. Это набор хозяйственной, столовой и кухонной посуды – различных **карасов, фляг, кувшинов, чаш, пиал, мисок, блюд, сосудов с выступающими сливами, горшков, плоскодонных жаровен-очагов, светильников и т.п.** (табл. 29).

Располагаясь на перекрестке торговых путей, Армения попадает в среду взаимопроникновения разных культур, оставивших свои следы на яркой и глубоко традиционной местной культуре региона. Сохраняя свойственный ей ход развития, эта культура воспринимает встречные инновации, образуя синтез местных и привозных идей и формируя, т.о., феномен местного, локального «эллинизма». Отражаясь, по-видимому, на разных уровнях духовной и материальной деятельности общества, это явление отчетливо прослеживается и на керамическом материале, добытом при раскопках Аванского античного поселения.

К древневосточным формам керамики восходят **фляги**, которые как керамический тип получают в эллинистической ойкумене повсеместное распространение (табл. 39). Эти сосуды имеют округлое, приплюснутое или, позднее, шаровидное тулово. Поверхности фляг светлых тонов бывают расписаны, как правило, темными и яркими концентрическими окружностями. По своей форме, принципам росписи, наконец, в хронологическом отношении фляги Аванского поселения сходны с аналогичными сосудами, обнаруженными во всех без исключения эллинистических поселениях Армении (Армавир, Арташат, Ацаван, Новый Армавир, Ошакан, Мохраблур, Карцахпюр, Двин, Мартуни, Шира-

каван, Бениамин и др.). В Армении фляги с плоским и приплюснуто-округлым туловом бытуют до половины I в. н.э. включительно. В первой половине I в. н.э. появляются также и фляги с шаровидной формой тулова, поверхность которых покрыта густым красным ангобом и хорошо вылощена, которые сохраняются и во II в. н.э.¹⁸ Коллекция фрагментов фляг Аванского поселения представлена флягами обоих типов. Одновременное бытование этих двух типов фляг в верхних горизонтах памятника подчеркивает хронологические рамки бытования поселения.

Особым разнообразием отличаются реконструируемые формы кувшинов, выявляющие различие и в обработке поверхности (табл. 40, табл. 41). Коллекция фрагментов кувшинов Аванского поселения представлена практически всеми типами сосудов, известных по другим хронологически синхронным памятникам Армении, образуя одну из наиболее обширных керамических групп – от великолепных расписных образцов, составляющих принадлежность столовой посуды состоятельной социальной прослойки, до простой грубой кухонной керамики средних и бедных слоев населения.

К столовым образцам относятся крупные кувшины – **ойнохои**, горловины которых имеют венчики со сливами в форме трилистника, имеющими округлую или заостренную форму (табл. 40, рис. 4, 5). Выявленный раскопками фрагмент горла ойнохои свидетельствует о тщательности формовки и высоком качестве образца, ярко-красная лощеная поверхность которого придает ему праздничный характер. Второй фрагмент принадлежит ойнохое со светло-коричневой, лощеной поверхностью. В специфике оформления этих сосудов вновь ясно прослеживаются основные направления, характеризующие материальную культуру Армении античного периода – традиционное и эллинистическое. В частности, в керамике периода Ванского царства ведущее место занимают самые

¹⁸ ժ. Դ. Խաչատրյան, Արտաշատ II. Անտիկ դամբարանադաշտեր, Երևան, 1981, էջ 121-123; Ф. И. Тер-Мартirosов, Фляги как торговая тара // Проблемы античной истории и культуры, т. 2, Ереван, 1979, с. 409-414.

разнообразные одноручные кувшины с продольно-выемчатыми ручками, венчиком в виде трилистника и шаровидным туловом. Эти сосуды послужили основной развития данного типа керамики в Армении до позднего средневековья. Так, небольшие кувшины с венчиком, оформленным в виде трилистника имеются в коллекции Джрарата, датируемой ахеменидским периодом.¹⁹ Наиболее ранние экземпляры таких же кувшинов, датируемые эллинистическим периодом, представлены в Гехадире и особенно в Армавире и Арташате.²⁰ В Арташате и при раскопках близ села Геташен Мартунинского р-на, находки аналогичных сосудов относятся также и к I-II вв. н.э.²¹ Средневековые аналоги вышеупомянутых форм выявлены во время раскопок Двина и Гарни.²² В Аване, в верхних горизонтах поселения, в частности, обнаружен фрагмент слива маленькой ойнохой, украшенного дисковидными налепами в двух точках изгиба венчика, возможно, в подражание металлическим образцам (табл. 40, рис. 5). Типологическая параллель была выявлена в Гарни.²³ Это сосуд с коричневой, вылощенной поверхностью, украшенной широкой красной полоской в верхней половине тулова. От известных краснолощенных образцов, аванская ойнохоя отличалась серым цветом поверхности черепка. Следует отметить, что украшение слива ойнохой небольшими круглыми налепами характерно только для малых сосудов подобной формы, в крупных ойнохоях этот элемент декора нам неизвестен. Поиски типологических параллелей приводят нас к керамике Крита IX-VIII вв. до н.э., где эта особенность декора знаменательным образом характерна также только для небольших ойнохой, близких по размерам и форме аванскому образцу.²⁴

Как известно, в Закавказье ойнохой получают наибольшее распространение

¹⁹ Г. А. Тирацян, Древнеармянская керамика из раскопок Армавира (опыт классификации и датировки) // Историко-филологический журнал, 1971, N 1, с.216.

²⁰ Там же, с. 217-218; Ժ. Դ. Խաչատրյան, Հնագիտական հայտնագործություններ Փեղադիրում // Լրաբեր (հասարակական գիտություններ), 1966, N 1, էջ 83-93:

²¹ Ժ. Դ. Խաչատրյան, Արտաշատ II, էջ 127:

²² Ա. Ա. Քալանթարյան, Դվինի նյութական մշակույթը IV-VIII դդ., Երևան, 1970, աղ. XXX, 5-6:

²³ Ж. Д. Хачатрян, Гарни V, Античный некрополь, Ереван, 1976, Табл. XXIII, 1.

²⁴ Ю. А. Савельев, Кипрские сосуды из коллекции ГММА // Культура Античного мира, Москва, 1966, с. 224-227, рис. 2 (3).

именно в античную эпоху. В греческом мире этот тип керамики широко бытует начиная еще с VII в. до н.э., восходя, как мы видим, к керамике Крита IX-VIII вв. до н.э. За пределами его, вместе с привозными образцами появляются и местные подражания. Исследователи усматривают греческое влияние в тех образцах ойнохой Армении, сливная часть венчика которых имеет округлую форму.²⁵ В тех же образцах, которые обладают остроконечным сливом, усматривается влияние прототипа периода Ванского царства. Очевидно, что венчики в виде трилистника ойнохой эллинистического периода более совершенны, искуснее и тщательнее оформлены, чем более ранние. Именно таковы обнаруженные в Аване кувшины-ойнохой, иллюстрирующие сочетание глубоких традиций Армении и влияния греческого мира.

К коллекции кувшинов, найденных при раскопках Аванского поселения, можно предположительно отнести и фрагмент стенки тулова крупного закрытого сосуда, светло-коричневая поверхность которого была хорошо отшлифована, выложена и покрыта богатой росписью (табл. 66). Пространство между охватывающими тулово горизонтальными поясами, образованными ярко-красными полосами (толщиной в 1 см), имеющими с одной стороны тонкую черную окантовку, заполнено разнообразными узорами в виде концентрических овалов, группы которых бывают охвачены красно-черными полукружиями. Один из поясов дополнен двурядным сетчатым орнаментом. Подобная роспись пока что не находит аналогий среди других памятников Армении. Определенную близость к ней проявляет лишь полихромная роспись на фрагментах сосудов из Армавира.²⁶ Не менее интересен и другой фрагмент расписного сосуда, роспись которого несет на себе следы уже иной художественной традиции. Серо-коричневая лощеная поверхность украшена сплошной росписью из чередующихся белых и буровато-красноватых, заходящих друг на друга клинообразных узоров.

²⁵ Г. А. Тирацян, Культура древней Армении, с. 119.

²⁶ А. А. Мартиросян, Аргиштихинили, Ереван, 1974, рис. 23а.

Форма расписных сосудов, представленных вышеупомянутыми фрагментами, пока не реконструируется, однако предположительно их можно отнести к крупным кувшинам с выступающими сливами, выявленным в Арташате, Двине и других памятниках.

Интересен и фрагмент толстостенного закрытого сосуда (кувшина), отличающегося по росписи поверхности, покрытой светлой желтоватой обмазкой, сохранившей элемент нанесенного светло-коричневыми линиями елочковидного орнаментального пояса.

В типологическом отношении выделяется фрагмент чернolощеного кувшина с прямой шейкой, переходящей к горизонтальным плечикам с отходящей от горла широкой уплощенной ручкой, нижний, отогнутый под прямым углом край которой как бы прилеплен к поверхности плечика. Подобная форма ручки свидетельствует о подражании металлическим образцам. Такой же вывод можно сделать и о форме крупного кувшина, фрагмент горловины которого с отогнутым, Г-образно профилированным венчиком сохранил следы красноангобированной лощеной поверхности. О подражании металлическому образцу говорит массивный треугольный в профиле выступающий валик, опоясывающий горло сосуда.

Отдельную группу образуют крупные двух- или одноручные кувшины с ярко-оранжевым черепком и поверхностью, покрытой желтовато-зеленоватой обмазкой (табл. 40, рис. 1-3). Яйцевидное тулово сосуда, которое украшают два широких охристых пояса, переходит в овальное дно без специально смоделированного поддона. Очевидно, подобные кувшины имели специальные подставки²⁷ и особое предназначение. По характеру обработки поверхности эти сосуды относятся к позднему периоду бытования памятника, что подтверждается находками фрагментов в верхних горизонтах поселения. Они находят аналоги в Арташате, где датируются началом новой эры.²⁸ Следует отметить, что находки подобных

²⁷ Подобные полые подставки биконической формы были найдены при раскопках Арташата -
ժ. Դ. Խաչատրյան, Արտաշատ II, տախտ. XVI, 6:

²⁸ ժ. Դ. Խաչատրյան, Արտաշատ II, տախտ. XI, 1:

сосудов достаточно редки – в Арташате целый сосуд был обнаружен при раскопках VII холма, где датируется I-II в. н.э., а также, фрагментарно, в кувшинном кремационном погребении 12, датируемом I в. н.э. В Аване также выявлены фрагменты двух сосудов, один из которых несколько крупнее другого. Третий сосуд, типологически близкий к двум первым, отличается наличием двух симметрично расположенных уплощенных ручек, непосредственно отходящих от венчика. Внешняя уплощенная поверхность ручки покрыта росписью тонкими красными линиями. Фрагменты подобных сосудов выявлены в античном поселении Коша.²⁹ Относительная редкость находок, необычный ярко-оранжевый цвет черепка могут говорить в пользу их неместного происхождения, указывая на какой-то определенный центр производства. Особо следует отметить наличие общего признака – двух небольших отверстий, проделанных в стенке сосудов, как и в поселении Коша. Фрагмент стенки крупного сосуда с отверстием, (не являющемся следами ремонта) был выявлен и в Аванском поселении. Следует подчеркнуть, что хотя размещение двух или трех отверстий в стенке сосуда, в верхней трети его объема, свойственны погребальным урнам, в частности, урартского и доурартского периода,³⁰ следы погребения в них пока не были зафиксированы. Не исключено, однако, и хозяйственное предназначение сосудов. Определенная типологическая близость к ранневизантийским амфорам, находки которых зафиксированы на магистральном пути, ведущем с Причерноморья в Армению через перевалы Лазистанского хребта может говорить о традиционном функциональном предназначении этого типа сосудов, как тарной керамики для транспортировки оливкового масла.

В коллекции керамики аванского поселения определенное место занимают фрагменты маленьких изящных кувшинчиков, отличающихся тщательностью изготовления и высоким качеством лощения поверхности. Выделяются

²⁹ Յ. Ա. Օհանյան, Շամիրամի անտիկ ժամանակաշրջանի խեցեղենը // Բանբեր Երևանի համալսարանի, 1989, N 2, էջ 217, աղ. VII, 7:

³⁰ Г. Г. Аветисян, Биайнская керамика из памятников Араратской долины, Ереван, 1992, с. 93-94.

фрагменты горловин двух тонкостенных кувшинчиков со сложно профилированным венчиком, один из которых имеет красную, а другой – чернолощеную поверхность (табл. 63, рис. 7).

Два фрагмента принадлежат светло-коричневым кувшинам с вытянутой шейкой, украшенной мелкоребристой профилировкой поверхности (канелюрами) (табл. 63, рис. 5). Еще один фрагмент представляет небольшой кувшин с прямой вытянутой шейкой и отогнутым округленным венчиком. Поверхность этого кувшина покрыта светло-розовой обмазкой (табл. 63, рис. 6). Следует добавить, что качество черепка здесь резко отличается от общего уровня, выделяясь своей звонкостью, особой плотностью, твердостью и качеством выпечки. Найдены также и несколько фрагментов стенок закрытых сосудов с такой же характеристикой черепка. Черепки покрыты тонким слоем светлой беловатой обмазки. Все они принадлежат к верхним хронологическим горизонтам бытования памятника. Подобная керамика, возможно, относится к привозным образцам и связана с новой технологией керамического производства. На изменение цветовой гаммы поверхности керамических гончарных изделий, произошедшей на рубеже новой и старой эры, указывает и Ж. Хачатрян.³¹

В разнообразии приемов и форм обработки поверхности кувшинов и их орнаментации выделяются два фрагмента стенок сосудов, орнамент которых был выполнен методом лощения – местной технологией, имеющей в Армении глубокие традиции – нанесение лощенного орнамента было широко распространено еще в эпоху поздней бронзы (табл. 71, рис. 1-3). На одном из фрагментов, орнамент в виде волнистых линий, образованных лощением, обтекающих несколькими рядами тулово сосуда, помещен между рядами рельефных, округлых в профиле поясов шириной в 9 мм. Поверхность этого сосуда черного цвета и тщательно вылощена до блеска. Другой фрагмент со светло-коричневатой хорошо сглаженной поверхностью украшен сетчатым орна-

³¹ Ճ. Դ. Խաչատրյան, Մոմշատ II, էջ 141:

ментом, также выполненным в технике лощения. Интересен и фрагмент кувшина, светло-коричневая поверхность которого орнаментирована штриховкой косыми параллельными слегка вдавленными линиями, примыкающими к неглубокой кольцевидной бороздке.

Определенную информацию о приемах орнаментации предоставляют и ручки кувшинов (табл. 62). На одной из их орнамент в виде чередующихся косых штрихованных отрезков нанесен на поверхности, в другом случае, орнамент семечковидного типа помещен в углублении – на дне бороздки, проходящей по внешней поверхности ручки. Глубина бороздки – 0,5 см при ширине ручки в 2,5 см.

Особо следует оговорить находку, удостоверяющую факт традиционности клеймения керамики в Армении, засвидетельствованного со времен Ванского царства (табл. 62, рис. 1). Это ручка небольшого кувшина коричневого цвета на которой имеется оттиск прямоугольной печати с изображением собаки.

Отдельную группу хозяйственной керамики Аванского поселения образуют **карасы**, которые условно подразделяются, в основном, на три типа (табл. 32; табл. 33-35; табл. 69), выявляя, однако, разнообразие в мощности черепка, размерах горловины и формы венчиков и составляя разнообразные промежуточные варианты. Карасы первого типа представлены крупными, толстостенными сосудами, имеющими вздутое (особенно в плечевой части), нередко яйцевидной формы тулово, завершающееся небольшим плоским дном, короткую шейку и массивный венчик. Венчики таких сосудов бывают округлыми в профиле, достигая иногда 3,5 см в диаметре, или уплощенно-удлиненными с овальным краем, отстоящими под углом к тулову караса. В одном случае такой венчик вместо округло-выпуклой имеет овально-вогнутую профилировку края. Большая часть карасов обоих вариантов первого типа представляет собой добротные сделанные, но в целом, грубые сосуды, обычно без следов орнаментации и тщательной обработки поверхности. Один из многочисленных фрагментов крупных карасов с толщиной стенки тулова в 2 см был украшен

рельефным поясом с вдавленным орнаментом. Высота таких карасов колеблется в пределах 100-110 см, диаметр горловины составляет 50 см, диаметр тулова в большей части обхвата – 80-90 см, диаметр днища – 15 см. Толщина стенок доходит до 2-2,5 см. В Аванском поселении карас такого типа был использован в качестве погребального сосуда. Не вызывает сомнения, однако, основное предназначение их для хозяйственных целей – как место хранения продуктов, имеющее в Армении давние традиции. Судя по форме сосудов, имеющих раздутое тулово при относительно маленьком днище, их для удобства использования, вероятно, наполовину закапывали в землю. Вследствие этого, повидимому, не было нужды в особой обработке внешней части и украшения поверхности. Карас, использованный в Аване для кувшинного погребения, выделяется своей хорошо сглаженной светло-коричневой поверхностью, имеющей приятный розоватый оттенок, и яйцевидной формой тулова. Высота его составляет 102,5 см, диаметр горла в узкой части – 43 см, по краю – 47,2 см, диаметр тулова – 78 см, днища – 18 см, толщина стенок достигает 2 см.

Ко второму типу карасов можно отнести сосуды, близкие по форме к первому, толщина стенок которых также доходит до 2 см, но имеющие несколько меньшие размеры и отличающиеся разнообразием в профилировке венчиков и обработке поверхности. Выделяются фрагменты караса со светло-коричневой ангобированной лощенной поверхностью, слегка уплощенной сверху, округлой профилировкой выступающего наружу венчика, диаметром горловины в 14 см, и толщиной стенок в 1,5 см. Поверхность их бывает покрыта иногда коричневым или красным ангобом со следами лощения. Встречаются фрагменты с ярко-красной обмазкой наружной поверхности караса. В одном случае стенка караса толщиной в 1,4 см расписана сеткой красных полос в 0,5 см по хорошо вылощенной поверхности коричневого цвета. Отдельные фрагменты принадлежат карасам с ярко-оранжевым в изломе черепком, имеющим светлое, беловатое, желтоватое или желто-зеленоватое покрытие, аналогичное описанным выше кувшинам с

овальным дном и широкими охристыми орнаментальными полосами, несомненно относясь к одному и тому же производственному центру.

Наконец, карасы третьего типа представляют собой относительно небольшие сосуды высотой в 40-60 см и толщиной стенок около 1 см, диаметром горла – 22-25 см и диаметром дна в 14-15 см. Тулово их имеет шаровидную или яйцевидную форму. Низкое горлышко завершается отогнутым наружу венчиком, нередко с округлым или уплощенным краем. Встречаются венчики и иной профилировки, например, Г-образной формы с сужающимся окончанием. Стенки таких сосудов часто красноватого или коричневатого оттенков со следами лощения. Функционально подобные карасы предназначались для хранения продуктов. Два подобных караса были открыты при зачистке основания фундамента «северного» раскопа поселения. В днищах обоих карасов имеются сквозные отверстия. Отсутствие костных остатков, погребального инвентаря или иных признаков захоронения, в частности, каменной обкладки, подчеркивает хозяйственное предназначение сосудов. Отверстия могли при этом способствовать более длительной сохранности хранящихся в карасах продуктов.

Первый карас высотой в 40 см, шириной горловины по краю – в 22 см, с отогнутым, уплощенным краем, венчиком и диаметром дна – 14 см, имеет несколько вздутое яйцевидное тулово с красновато-коричневой лощеной поверхностью. Рядом с центральным донным отверстием диаметром в 0,8 см, сделано еще одно – диаметром в 0,5 см. Тулово второго караса также имеет яйцевидную форму, но более вытянутые пропорции. Высота – 52 см, ширина горла по краю – 23 см, окончание отогнутого венчика имеет закругленную форму, ширина дна – 14 см, диаметр донного отверстия – 0,5 см. Поверхность серо-коричневого цвета, нелощеная. Толщина стенок обоих карасов не превышает 1 см.

Отдельно следует упомянуть находку фрагмента крупного коричнево-глиняного двуручного караса, (толщина черепка 1,3 см), вздутое шаровидное

тулово которого было окрашено в красный цвет, со следами лощения. Оно украшено широким орнаментальным поясом в виде повторяющихся по кругу групп из трех, как минимум, вписанных красно-линейных шевронов, опущенных вниз вершиной и примыкающих вверху к опоясывающей полосе красного цвета толщиной в 1 см, красиво выделяясь на светло-коричневом неокрашенном фоне поверхности сосуда (табл. 32). Горизонтально примыкающие к тулову ручки аванского сосуда имеют оригинальную форму с характерной линией изломов уплощенных граней. Типологически сосуд предположительно можно отнести к расписному карасу из Гарни, вертикальные ручки которого имеют, однако, иную форму.³² Как в аванском, так и в гарнийском образцах орнаментальная полоса охватывает наиболее широкую часть сосуда, начинаясь непосредственно под ручками обоих карасов.

Особое место в керамическом материале исследуемого поселения занимает ручная **маслобойка**, использованная вторично как сосуд для ингумационного захоронения (табл. 30, рис. 1; табл. 31, рис. 2).³³ Маслобойка представляет собой карас с яйцевидным несколько вытянутым туловом. Горловина утрачена на уровне основания шейки. Сравнение с аналогом позволяет предположить, что этот сосуд имел шейку высотой в 4 см, несколько расширяющуюся кверху, с отогнутым венчиком Г-образной формы и диаметром горла по краю в 14, 5 см и высоту в 62 см. Сохранившаяся часть маслобойки имеет сл. размеры: высота – 56 см, диаметр шейки у основания – 12,5 см, диаметр днища – 14,5 см. На высоте 37,5 см от уровня днища имеется сквозное отверстие, оформленное небольшим выступающим кольцевидным сливом диаметром в 4 см, отступающим от поверхности сосуда на 1 см, предназначенным для проверки готовности масла и слива жидкости, образовавшейся в результате сбивания. Наружная поверхность слива окрашена красной краской. На расстоянии 18 см от края слива заметны

³² Г. А. Тирацян, Культура Древней Армении, с. 125, рис. 28-2.

³³ Захоронения в маслобойке крайне редки как в Армении, так и на территории Закавказья вообще (см. А. И. Нонешвили. Погребальные обряды народов Закавказья, Тбилиси, 1992, с. 77).

следы петлевидной горизонтальной ручки с диаметром сечения в 2 см. Длина ручки предположительно 18 см. Поверхность аванской маслбойки светло-коричневого цвета, хорошо сглаженная и вылощенная. Основание короткой шейки украшено охватывающей ее узкой кольцевидной бороздкой шириной 3 мм. Толщина черепка не превышает 1 см.

В Армении эллинистической эпохи фрагменты ручных маслбоек были найдены в Арташате во время раскопок I и VII холмов, с датировкой II в. до н.э. – II в. н.э., а также в Армавире, Ошакане, Мохраблуре и Гарни.³⁴ На Армянском нагорье ручные маслбойки, как показали раскопки памятников, были известны с конца эпохи бронзы, продолжая бытовать и в последующее время.³⁵ Форма этих сосудов представляет собой один из наиболее консервативных керамических типов, не претерпевая почти никаких изменений на протяжении нескольких тысячелетий. Только внешнее их оформление согласуется с традициями современного им керамического производства. По этнографическим данным, ручные маслбойки аналогичной формы используются в сельской местности и в настоящее время, как в Армении, так и в соседних регионах.

В Аванском поселении, как упоминалось выше, маслбойка была обнаружена на «южном» раскопе в качестве погребального сосуда для захоронения, в котором вместе с остатками истлевшего костяка был выявлен разнообразный инвентарь. Характер инвентаря – бусы и детский браслетик позволяют сделать вывод о том, что в маслбойке были захоронены останки маленькой девочки. Сосуд был уложен вертикально в непосредственной близости от фундамента стены в западной части раскопа. Погребение в ручной маслбойке, обнаруженное также и на античном могильнике Ошакана в близком по форме и размерам сосуде, позволило реконструировать недостающие

³⁴ Ժ. Ղ. Խաչատրյան, Մոսաշատի VII բլրի 1973-1975 թթ. պեղումների արդյունքները, էջ 61-62, տախտ. I, 12: С. А. Есаян, А. А. Калантарян, Ошакан I, Основные результаты раскопок 1971-1983 гг., Ереван, 1988, табл. XL VI, 1.

³⁵ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, Ереван, 1954, табл. X1X., с.89.

фрагменты аванской маслобойки. Имеются лишь небольшие различия во внешнем оформлении – в аванском варианте у основания шейки проходит узкая орнаментальная бороздка, которая в ошаканском сосуде отсутствует, кроме того, нет указаний на окраску слива.

Значительное число выявленных во время раскопок керамических фрагментов относится к **горшкам** как кругового изготовления, так и вылепленным от руки (табл. 36-37; 70-71). Часть сосудов украшена врезными орнаментальными мотивами волнистого, гребенчатого или семечковидного типа. Эти получившие наиболее широкое и активное применение в быту и в хозяйстве сосуды, которые на протяжении веков в типологическом отношении были наиболее консервативны, в эллинистическую эпоху, тем не менее, выступают в характерном для времени внешнем оформлении. Встречается разнообразие оттенков как светлых, так и темных тонов. Найдены два целых сосуда, относящихся к столовой посуде и функционально предназначенных, очевидно, для хранения растительного масла. Первый горшочек, со светло-коричневой лощеной поверхностью, украшен двумя, помещенными симметрично по обе стороны шаровидного тулова, небольшими коническими выступами. Высота его – 9 см, диаметр горла по краю – 7,5 см, днища – 5 см. Второй горшочек, тулово которого имеет биконическую, несколько округлую в широкой части форму, украшен тремя рядами орнаментальных поясов в виде врезных косых штрихованных и ломаных зигзагообразных линий. Внешняя поверхность нелощеная, красновато-коричневого цвета. Высота кувшинчика – 11 см, диаметр горла по краю – 10,5 см, днища – 8 см.

Особую группу составляют **сосуды со сливным носиком**, которые принято считать сосуда для молока (табл. 38; табл. 64, рис. 1). Как правило, они имеют вздутое тулово с широким горлом и утолщенным, отогнутым наружу венчиком. Носик с оформленным в виде трилистника краем прикреплен под самим венчиком сосуда. Диаметр горла таких сосудов достигает до 26 см. К ним примыкают одноручные кувшины со сливом в форме трилистника, слитым с горловиной.

Поверхность бывает разных оттенков от красного до желтовато-коричневого, обычно она покрыта ангобом и выложена. В Аване был обнаружен фрагмент подобного кувшина с ярко-красной, лощеной до блеска поверхностью, укрупненных размеров, близкий к известному сосуду из Армавира.³⁶ Один фрагмент принадлежит сосуду из ярко-оранжевой глины с шероховатой нелощеной поверхностью. В античных памятниках Армении (Арташат, Армавир, Гарни, Двин, Карцахпюр, Мохраблур, Джрарат и др.) обнаружены многочисленные разновидности рассматриваемых сосудов, имеющие разнообразную форму горшков, кувшинов, мисок или чайников. Трехлепестковые носики при этом также отличаются разнообразием формы – бывают трубчатыми, тянущимися прямо или слегка свисающими, закрепленными вертикально или в горизонтальном положении. Описанные выше сосуды генетически связываются с переднеазиатской и, в особенности, с иранской керамикой.³⁷ Отдельные образцы восходят непосредственно к традициям ахеменидской эпохи. Эллинистический период накладывает на сосуды со сливным носиком, характерные для Армении еще с VI-IV вв. свой отпечаток. Приобретая характерную форму – в частности, носики с трехлепестковым краем, они расписываются и окрашиваются в различные яркие цвета именно в эту эпоху.

В Армении, к глубоко традиционным формам керамического производства, уходящим в эпоху Ванского царства, следует отнести **пиалы** с широким отогнутым наружу краем (табл. 46-47; 54; 72-74). Чаши-пиалы Ервандидского и Арташесидского периодов являются характерной формой армянского керамического производства, встречаясь в широком круге исследуемых памятников (Джрарат, Берд, Норашен, Джуджеван, Атарбемян, Аргиштихинили, Карцахпюр, Ацаван, Ошакан, Гарни, Армавир, Арташат, Двин и т.д.).³⁸ В Аванском

³⁶ Г. А. Тирацян, Культура древней Армении, табл. XXXVII.

³⁷ Там же, с. 121.

³⁸ Ի. Ս. Շարափետյան, Հայաստանի նյութական մշակույթը մ.թ.ա. VI-IV դդ., Երևան, 2003, էջ 40, աղ. 26: Г. А. Тирацян, Культура древней Армении, с.12.

поселении чаши-пиалы также представляют собой один из наиболее распространенных типов столовой посуды. Отогнутые наружу высокие борта этих сосудов резким подчеркнутым переходом соединяются с шаровидным донцем. Размеры обнаруженных пиал колеблются. Так, диаметр горловины по краю – 6-19 см, а высота борта – 2,5-5 см. В основном пиалы тонкостенные (толщина стенок – 3-6 мм), хорошо обожжены и тщательно вылощены. Общий фон покрытия колеблется от светлого (желтоватого, коричневатого) до темного (черного, темно-коричневого). Часто встречаются ярко-красные образцы, выделяющиеся, как и черные, высоким качеством лощения поверхности. Некоторые образцы расписаны у края, чаще изнутри, а иногда и снаружи, черными концентрическими овами по красному фону (табл. 67). В отдельных случаях овальный узор заменяется растительным орнаментальным поясом. Многие образцы пиал имели изнутри небольшой овальный выступ в центре днища – т.н. омфалос, возможное сакральное осмысление которого сочеталось здесь с функциональным значением – опорой для среднего пальца руки – удобством для устойчивого положения пиалы в ладони. Омфалосы характерны и для последующей группы пиал.

Также традиционны, ориентируясь на великолепные металлические образцы предшествующих эпох, черные и темно-коричневые чаши-пиалы с рельефным дном в виде многолепестковой розетки, фрагменты которых выявлены при раскопках Аванского поселения. Аналоги этим сосудам известны в Гарни, Арташате, Армавире и в Двине. В Грузии, в поселении Самадло, также были найдены сосуды близкой формы с рельефными ложковидными розетками днища, но датируемые более ранним временем.³⁹ Как керамические, так и металлические образцы чаш-пиал с рельефным оформлением днища аналогичной формы известны еще по урартским памятникам (Кармир-блур, Арин-берд, Аргишти-хинили).⁴⁰ Ложковидные углубления – лепестки аванских образцов варьируют по

³⁹ Ю. М. Гагошидзе, Самадло, Тбилиси, 1979, табл. XII, рис. 247-249.

⁴⁰ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, с. 231, рис. 273; А. А. Мартиросян, Аргиштихинили, Ереван, 1974, рис. 21, 25а.

глубине вдавления, иногда просматриваясь только с внутренней стороны и имея более уплощенную форму.

Функционально, очевидно параллельно предшествующей, также, одной из наиболее распространенных форм столовой посуды в Аванском античном поселении являются полушаровидные чаши – т.н. мегарского типа – сочетающие в себе заимствование формы с местной традицией обработки поверхности (табл. 55, рис. 2). Чаши в основном покрыты полихромной росписью темными концентрическими овами по светлому фону, группы которых бывают охвачены двойными полукруглыми поясами черного и красного цвета. Роспись, как правило, наносилась изнутри по светло-коричневой лощеной поверхности, снаружи же чаша имела красноангобированную лощеную поверхность. Овы сочетаются с растительным мотивом, который встречается и самостоятельно, полностью вытесняя предыдущий. Встречаются отдельные образцы с внутренней росписью солярным орнаментом. Чаши украшаются также и решетчатыми орнаментами, покрывающими иногда и наружную сторону сосуда. Нередки экземпляры и с нерасписанной поверхностью, как правило – светлого (коричневого или красного) лощения. Два фрагмента чаш выделяются необычной цветовой гаммой росписи. В одном случае – простой овальный орнамент у края выполнен темно-коричневыми красками по белой полосе, окантованной тонкими светло-коричневыми линиями, к которым снизу примыкает более усложненный орнамент, состоящий из сочетающихся овальных и волнистых узоров. В другом случае поверхность покрыта беловато-желтоватым ангобом, по которому, у края чаши, проходит орнаментальный узор из последовательно чередующихся, вписанных ов и одиночного растительного мотива. По некоторым признакам – по необычной цветовой палитре и небрежности росписи, а также по плотности черепка можно предположить более поздний этап бытования данного типа расписной керамики. Полушаровидные чаши мегарского типа, как и чаши-пиалы с отогнутым наружу краем, также характерны для многих археологических

памятников Армении эпохи эллинизма.⁴¹ Отдельную группу образуют чаши яйцевидной формы, богато украшенные полихромной росписью внешней поверхности (табл. 55, рис. 1). Аванские находки дополняют известные коллекции данных керамических типов, внося свои самобытные черты в элементах росписи. В то время как чаши-пиалы с отогнутым краем представляют собой по форме тип сосудов, имеющих древневосточные истоки, воспринявший характерные для эпохи традиции внешнего оформления, в частности, роспись поверхности, – полушаровидные чаши мегарского типа, будучи функционально близким типом керамики, являются, скорее всего, продуктом греческого мира, попавшим в поле местной традиции керамического производства – красный, черный и коричневый лак здесь сменяется традиционной лощеной ангобированной поверхностью, а рельефный орнамент – моно- и полихромной росписью.

Расписная керамика Аванского поселения, представленная чашами-пиалами, чашами полушаровидного, «мегарского» типа, флягами и кувшинами, а также и другими сосудами разных типов и форм, существенно дополняет коллекцию расписной керамики эллинистической Армении, внося в нее новые самобытные черты.

К одному из наиболее распространенных типов столовой керамики в Аванском античном поселении относятся также и **миски**, отличающиеся разнообразием и размерами (табл. 46-54; 75-79). Форма самих сосудов, как и моделировка края и венчика, выявляет связи как с местными традициями, так и с чертами, характерными для всего эллинистического мира. По размерам миски можно разделить условно на две группы – крупные глубокие миски и малые неглубокие, имевшие, очевидно, функционально различное назначение. Первая группа более консервативна и содержит несколько основных образцов, отличающихся в основном формой края и борта. Одна из таких мисок была полностью восстановлена – это крупный глубокий сосуд высотой в 10,5 см и

⁴¹ Г.А.Тирацян. Культура древней Армении, с. 120; Ճ. Ռ. Խաչատրյան, Մրտաշատ II, էջ 99-100:

диаметром горла по краю – 20,5 см. Поверхность его покрыта ангобом светлорычного цвета и хорошо выложена. Невысокие борта, имеющие овальное окончание, отогнуты наружу, образуя резкий переход к закруглению тулова, знакомый нам по чашам-пиалам с отогнутым краем. Второй реконструируемый сосуд близкой формы покрыт чернорыщенной поверхностью, имеет более тонкий черепок, а высокий борт с заостренным окончанием немного сдвинут вовнутрь. Высота сосуда также – 10,5 см, а диаметр горла – 21,5 см. Третий образец близок двум предыдущим, но имеет несколько меньшие размеры (высота – 9,2 см, диаметр по краю – 20 см, диаметр плоского днища – 9,5 см). Короткий, слегка сдвинутый вовнутрь борт имеет несколько иную форму – он постепенно утолщается кверху, завершаясь округлым каплевидным в профиле венчиком. Поверхность чернорыщенная. Раскопками выявлены многочисленные фрагменты подобных мисок, отличающихся формой венчика и цветом поверхности. Форма края борта варьирует от округлой – до заостренной и уплощенной в окончании. Иногда край борта бывает развернут вовнутрь сосуда. Поверхность бывает рычной, черной или ярко-рычной и великолепно выложена. Встречаются и образцы серого или серовато-бурого цвета.

Наряду с описанными выше мисками, связанными с глубокими традициями формообразования местного керамического производства, встречаются и такие, форма которых непосредственно заимствована у греческого гончарного производства. Раскопками были выявлены фрагменты такого сосуда, позволившие полностью реконструировать его форму. Это – изящная глубокая чаша-миска, имеющая полушаровидное тулово с кольцевым поддоном, переходящее вверху плавным изгибом в невысокие борта с извилистой моделировкой и округлым, слегка загнутым вовнутрь окончанием венчика (табл. 48, рис.1). Снаружи линия перехода тулова в венчик отмечена неглубокой кольцевой бороздкой. Черепок в изломе ярко-оранжевого цвета. Поверхность была покрыта ярким рычным ангобом или обмазкой, видимо, подражающей и напоминающей краснорычное покрытие

греческой керамики. Окраска поверхности неустойчива и сохранилась лишь фрагментарно, резко отличаясь по качеству от традиционного красноангобированного лощения. Форма миски-чаши заимствована из греческого керамического производства III-I вв. до н.э. Аналогии известны, например, среди краснолаковой керамики Северного Причерноморья III-II вв. до н.э.⁴² Сосуды такого типа были обнаружены и в Северной Бактрии.⁴³ Высота аванского сосуда – 9,4 см, диаметр горла по краю – 23 см, диаметр кольцевого поддона (выпуклой формы) – 8 см, толщина черепка – 0,5 см. Был выявлен еще один фрагмент миски-чаши подобной формы, но более крупного размера, с массивным черепком толщиной в 0,8-1 см (также оранжевого цвета), со следами плохо сохранившейся красной обмазки. Был найден также и фрагмент аналогичного сосуда несколько меньшего размера – судя по сохранившемуся кольцевому поддону, диаметром 6,3 см, имеющему выпукло-коническую профилировку дна. Здесь вновь следует обратить внимание на происхождение оранжево-глиняной керамики (ее, вероятно, привозной характер), резко выделяющейся среди общего керамического материала поселения цветом самого черепка, а также качеством окраски и расцветкой его поверхности (значительное число фрагментов принадлежит сосудам со светло-желтоватой и зеленовато-беловатой поверхностью). Близкие по форме миски известны нам по материалам раскопок в Арташате.⁴⁴ Найденные в Аване фрагменты позволяют дополнить реконструкцию арташатских образцов.

Один фрагмент принадлежит глубокой миске, имеющей две петлевидные ручки. Помимо описанных выше мисок с отогнутыми краями большая группа фрагментов представляет сосуды с вогнутой формой борта. Формы венчиков здесь также варьируют, принимая иногда Т- или Г-образные очертания,

⁴² Археология СССР, Античные государства Северного Причерноморья, Москва, 1984, табл. СХХХVII, рис. 61.

⁴³ Археология СССР, Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, Археология СССР. Москва, 1985, табл. СІХ, рис. 16.

⁴⁴ Ժ. Ռ. Խաչատրյան, Մոմշատ II, նկ. 28, 9, նկ. 37, 1:

характерные и для сосудов с отогнутыми краями. Меняется также форма и профилировка днища – от простого плоского до профилированного, с кольцевым поддоном.

Ряд фрагментов относится к глубоким мискам пиаловидной формы. Размеры их превышают чаши-пиалы примерно в полтора раза. Это – полушаровидные миски, украшенные росписью, идентичной росписи полушаровидных чаш-пиал «мегарского» типа. Стенки мисок вытянуты и плавно расширяются кверху. К расписным вариантам мисок относятся и сосуды, тяготеющие к форме пиал с отогнутым краем, расписанные аналогичным образом.

Вторая большая группа рассматриваемых сосудов представлена малыми неглубокими мисками, отличающимися значительным разнообразием формы и моделировкой венчиков. Характерны в том числе и миски с Т- и Г-образной формой венчиков. Отдельно следует указать на миски-чаши с уплощенным вверху Т-образным венчиком, горизонтальная поверхность которого, окрашенная в светлые, беловатые тона, покрыта косой штриховкой тонкой черной линией. В некоторых случаях эта поверхность расписана косой штриховкой тонкими черными линиями непосредственно по краснолощеной поверхности (табл. 52). Как правило, такие миски снаружи имеют краснолощенное покрытие, а изнутри – коричневато-красноватое. В одном случае внешняя поверхность украшена овальным орнаментом, обычным для расписной чаши-пиалы. Одна целая миска найдена в разрушенном кувшинном погребении. Поверхность чернолощенная. Г-образный венчик загнут вовнутрь. Высота миски – 4,8 см, диаметр по краю – 14,5 см, диаметр плоского дна – 6 см, толщина черепка – 0,5 см. У второго реконструируемого сосуда с коричневатой, лощеной поверхностью, черепок несколько толще – 1 см. Отличается и профилировка верхней трети объема – образуя на внешней поверхности линию излома, переходящую в несколько отвисающий отогнутый наружу Г-образный венчик. Изнутри сосуд имеет гладкую поверхность. Высота – 4,5 см, диаметр по краю – 14 см, диаметр плоского днища

– 8,5 см.

Особый интерес представляет **фрагмент расписного сосуда**, аналоги которого крайне редки в керамическом материале античной Армении (табл. 55, рис. 3). До настоящего времени известно было лишь семь образцов. Из них – два целых сосуда и четыре фрагмента найдены в разное время при раскопках Армавира.⁴⁵ Фрагмент такого сосуда выявлен также в Арташате.⁴⁶ Все находки датируются раннеэллинистическим временем. Г. Тирацян, впервые опубликовавший все известные образцы, описывает их как плоскодонные сосуды с равномерно расширяющимися стенками, удлиненным туловом, низкой, не широкой шейкой и чуть отогнутым венчиком. Высота – 24 см, диаметр тулова одного из сосудов – 10 см, другого – 24 см. Сосуды толстостенные, неравномерного характерного обжига, изготовлены из плохо отмученной глины, имеющей примесь песка и мелких камешков. Это массивные тяжелые сосуды, напоминающие по форме вазу для цветов, примечательные своей двухцветной росписью. Поверхность покрыта густым слоем темно-красной краски. На плечиках идут параллельные горизонтальные пояски, выполненные желтовато-беловой краской. Снизу к пояскам примыкают свисающие шевроны, острые концы которых заходят далеко на нижнюю поверхность тулова. После нанесения росписи сосуды подвергались тщательному лощению. Как считает Г. Тирацян, указывая при этом лишь на типологические истоки, сосуды подобной формы показывают некоторое сходство с древневосточными формами, в том числе с глиняной керамикой додинастического Египта. Последнее обстоятельство особенно знаменательно и носит загадочный характер. Сосуды (грубые красные сосуды с белой росписью шевронами) совпадают не только по форме, но и по характеру обработки поверхности и элементам росписи. В археологии Египта их принято считать

⁴⁵ Г. А. Тирацян, Об одной группе расписных сосудов из Армавира (Армения) // Советская археология, 1971, 2. с. 246-249.

⁴⁶ Նախշարյան Ա. Ֆ. Հայաստանի հելլենիստական ժամանակաշրջանի գունազարդ խեցեղենի զարդամոտիվները / Թեկնածուական ատենախոսություն, Երևան, 2003, էջ 52:

сосудами для масла.⁴⁷ Аванская находка представлена фрагментом бортовой части тулова с сохранившимся отрезком нижнего пояса, выполненного желтовато-беловой краской. С пояса вниз свисает левая сторона шеврона, обозначенного более тонкой полосой того же цвета. Вся поверхность покрыта густым слоем темно-красной краски и вылощена. По росписи аванский сосуд близок к двум армавирским образцам, украшенным простыми шевронами, в отличие от усложненных, вписанных друг в друга. Состав глины содержит значительные примеси песка и мелких вкраплений известняка. Обжиг неравномерный, черепок в изломе черного цвета, рыхлой консистенции. Фрагмент выявлен при исследовании третьего, западного раскопа. Находка данного фрагмента позволяет продлить бытование сосудов рассмотренного типа с IV-III вв. до н.э. (Армавир, Арташат) до II-I вв. до н.э. Имея, по всей видимости, культовое предназначение, находка в Аванском поселении, возможно, свидетельствует о его определенных связях с Армавиром и Арташатам. Г. Тирацян не исключает возможности использования такого типа керамики, как посуды для цветов, что также может говорить в пользу культового характера сосуда.

Один фрагмент принадлежит тонкостенному **амфориску**. Найдено его донце с заостренным окончанием. Поверхность лощеная, светло-коричневого цвета (табл. 63, рис. 8).

Фрагмент ручки с характерным выступом у края принадлежит небольшому сосудику типа **канфара** со светло-коричневой вылощенной поверхностью.

Многочисленны и разнообразны находки простых лепных **светильников** светлого, коричневатого, красноватого и темного, коричневого, бурого и черного цвета (табл. 61, табл. 84). Один фрагмент покрыт коричневым ангобом с лощением, остальные имеют простую неангобированную поверхность. Все

⁴⁷ И. Л. Снегирев, Ю. П. Францов, Древний Египет, Ленинград, 1938, с. 53.

светильники круглые, плоскодонные, небольшого диаметра (от 7 до 9 см), с невысокими вертикальными бортами (до 1 см), имеющими выемку для укладки фитиля, сохранившую иногда следы копоти.

Особо следует остановиться на одной группе столовой керамики, датировка которой отражает разные точки зрения. Это отдельная группа сосудов, представленная довольно обширной коллекцией широких плоскодонных блюд с низким кольцевым поддоном и невысоким выпуклым снаружи бортиком (табл. 56). Поверхность блюд покрыта ангобом красно-коричневого цвета с последующей обработкой техникой лощения. Они изготовлены из хорошо отмученной глины на гончарном круге (диаметр блюда колеблется от 30 до 36 см, общая высота – от 2 до 3-4 см, высота поддона – 5 мм, его диаметр – 12 см). Изящество формы, высокое качество обработки поверхности, яркость ее расцветки, вызывающие ощущение праздничности, несомненно удовлетворяли вкусам отдельных слоев общества. Закономерны поэтому находки блюд в важнейших центрах античной Армении – в ее столицах – Армавире и Арташате, в летней резиденции армянских царей Гарни, в ряде населенных пунктов (Мохраблур, Двин, Ширакаван и Аван-Ариндж), расположенных вблизи важнейшего международного торгового пути⁴⁸. Прототипом исследуемых сосудов явились привозные малоазийские образцы, связанные с первоначальным центром изготовления красно-лаковой керамики, предположительно локализуемом в Юго-Восточном Средиземноморье. Производимые здесь изделия, характеризующиеся особенностью форм и техникой обработки поверхности, покрытые в несколько слоев ярким красно-коричневым лаком, вытесняют в эллинистических центрах Малой Азии бытовавшую здесь ранее чернолаковую керамику. Они получают общее распространение со второй половины II в. до н.э. в Антиохии на Оронте, Александрии, Самарии, Делосе и Дуре-Европосе. Города материковой Греции продолжают в это время пользоваться чернолаковыми изделиями, в том числе и Афины, где подобная

⁴⁸ Ժ. Դ. Խաչատրյան, Մոսկով II, էջ 110-111, նկ.37,8, 9,14,15. Գ. Գ. Քնչարյան, Դվին III, էջ 48:

краснолаковая керамика впервые была обнаружена в хранилищах конца II – начала I в. до н.э. Исследователь этой керамики Ф. Вааже, условно именует ее т.н. «пергамской», или эллинистической группы «Б», противопоставляя ее характерным для всего эллинистического мира черно- и краснолаковым изделиям континентально-греческого, в большей части, аттического происхождения. Согласно Ф. Вааже, в эпоху Августа (конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.) как в Антиохии на Оронте, так и в других центрах распространения рассматриваемой группы краснолаковой керамики, происходит внезапное изменение ее традиционных форм. В течение первой четверти I в. н.э. все привычные формы быстро сменяются типичными раннеримскими, скопированными с популярных итальянских образцов. Как предполагает исследователь, керамические производства, ранее выпускавшие эллинистические, т.н. «пергамские» изделия, продолжают теперь уже выпускать ту же продукцию, но уже подвергшуюся воздействию итальянских форм, в первую очередь, так называемой аретинской керамики – Terra Sigillata Italica, имевшей уже не круговую, а штампованную технологию производства. В частности, интересующие нас красно-лаковые плоскодонные блюда претерпевают существенные изменения формы. Вертикальные бортики, ранее имеющие только выпуклую снаружи и строго вертикальную внутри сосуда форму приобретают более сложную, разнообразную конфигурацию. Общее очертание блюда – плоское горизонтальное днище и кольцевой поддон при этом сохраняют свою прежнюю форму. Препными остаются в основном и общие размеры сосуда, в том числе, и высота борта.⁴⁹

Как уже отмечалось ранее, общее распространение рассматриваемых форм т.н. «пергамской» керамики из первоначальных центров ее возникновения приходится на конец II – начало I в. до н.э. В это же время интересующие нас

⁴⁹ F. O. Waage, Hellenistic and roman tableware of North Syria // Antioch on Orontes, IV. p. I (Ceramics and Islamic coins), Princeton, 1948. F. O. Waage, Pergamene ware // M. Rostovtzeff, Social and Economic History of the Hellenistic World by v. III, Oxford, 1959, p. 1639-1642, fig. 12. Enciclopedia dell'Arte Antica Classica e Orientale, Roma, 1985, Tav. CXVI. Jan Bouzek, Studies of Greek Pottery in the Black Sea Area, Prague, 1990, p. 79, Fig. 23.

блюда начинают появляться в центрах Северного и Юго-Восточного Причерноморья.⁵⁰ В частности, ввоз ее в Колхиду, как считает Н. Матиашвили, полностью прекращается уже в первой половине I в. до н.э. в связи с войнами Митридата Евпатора с Римом и римской блокадой Южного и Восточного Причерноморья.⁵¹

В Армении привозные краснолаковые блюда «пергамского» типа выявлены пока что только в Арташате и в Гарни. Ввоз ее также можно предположить на рубеже II-I вв. до н.э. Это могло происходить разными путями – как через важнейшие торговые магистрали, так и непосредственно из центров ее производства. Не исключено и проникновение «пергамской» керамики в Армению по международной торговой магистрали из Колхиды, где подобная керамика фиксируется в массовом количестве, а также и непосредственно через горные перевалы Трапезундского (Лазистанского) хребта – из Амиса и Синопы.

При царском дворе в Арташате гармонично развивается эллинистическая культура во всех ее духовных и материальных проявлениях. Поэтому можно с достаточной степенью уверенности предположить, что привозные краснолаковые образцы вышеупомянутых блюд впервые копируются местными, в первую очередь придворными мастерами синхронно их появлению в Армении, т.е. не позднее начала I в. до н.э. и не выходя, во всяком случае, за пределы эпохи Августа, которая знаменует собой, как было сказано выше, появление новых италийских образцов, вытеснивших с мировых рынков предшествующие типы эллинистической керамики. Все это не исключает продолжения производства ранее ассимилированных форм и в I в. н.э. Имеется целый ряд памятников, где исследуемые местные подражания «пергамской» керамике сопутствуют в культурных отложениях четко датированной II-I вв. до н.э. расписной керамике,

⁵⁰ Н. И. Сокольский, Таманский толос и резиденция Хрисалиска, Москва, 1976, с. 97, рис. 50, 2-3; Ю. Н. Воронов, Об Эшерском городище // Советская археология, 1973, 1, с. 110-112, рис. 6(24); А. Демирханян, В. Логинов, Новые археологические находки античного времени на территории г. Сухуми // Сборник работ молодых специалистов и ученых Абхазии, Сухуми, 1980, с. 18-31.

⁵¹ Н. Н. Матиашвили, Из экономической истории городов Колхиды III-I вв. до н.э., Тбилиси, 1977, с. 122-123.

сохраняясь и в I в. н.э. Это – Двин, Ширакаван, Мохраблур и Аван-Ариндж. Указанные датировки подтверждают тезис о синхронном с привозными появлением в Армении вышеупомянутых ассимилированных образцов.⁵²

Значительное место в керамическом материале Аванского поселения занимают также и фрагменты крупных массивных **переносных жаровен-очагов**, имеющих плоское днище и широкие вертикально отстоящие борта (табл. 58-59; 80). Материал часто замешивался на соломе, создавая пористость и легкость черепка, важные, очевидно, для действенной функциональности. Сформованные очаги просушивались на соломе или реже на плетеной циновке, четко отпечатавшейся на днище, что создает возможность ее реконструкции. На Армянском нагорье подобные очаги известны начиная с III тыс. до н.э. Возможно, они использовались для обогрева жилищ.⁵³ Однако полное отсутствие копоти на внутренней поверхности скорее указывает на их использование в качестве противней для выпечки хлеба типа «карехац».⁵⁴ Очаги-жаровни имели круглую (овальную) или прямоугольную форму. Толщина днища, как правило, – 2,5-3 см, в отдельных случаях – 1,8 см. Высота борта от днища колеблется от 9-10 см до 5-6 см, внутренняя высота борта – от 3 до 7 см. Толщина борта – от 2 до 3,5 см, иногда сужаясь кверху до 1 см. Форма борта или строго вертикальная, равномерная, с горизонтальным срезом края, или слегка загнутая вовнутрь с утончающимся закругленным вверху окончанием. Переход от нижней поверхности днища к стенке борта чаще всего закруглен, но в одном случае края днища выровнены. Поверхность может быть красновато-кирпичного, коричневого или бурого цвета. В одном случае на светло-коричневой поверхности заметны следы лощения внешней стороны жаровни.

⁵² О датировках местных подражаний привозным «пергамским» блюдам – I-III вв. н. э. см. также: (Մ. Զ. Զարդարյան, Հելլենիստական ավանդույթները և Հայաստանի տեղական խեցեղենի արտադրությունը, «Հայկական ՍՍՀ-ում 1975-1976 թթ. դաշտային հնագիտական աշխատանքների արդյունքներին նվիրված գեկուցումների թեզիսներ», Երևան, 1977, էջ 27-28; Археология СССР, Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, табл. XXXV, рис. 18, 19, 22).

⁵³ Ի. Ա. Կարապետյան, Հայաստանի նյութական մշակույթը մ.թ.ա. VI-IV դդ., էջ 42-43, աղ. 29, 5:

⁵⁴ Բ. Ի. Тер-Мартirosов, Керамика эллинистической Армении как исторический источник, Автореферат диссертации кандидата исторических наук, Ереван, 1984, с. 15.

Отдельно следует упомянуть фрагмент строго горизонтальной подставки для обжига керамики, толщиной черепка в 0,8 см. Нижняя сторона поверхности буро-коричневого цвета, нелощеная, верхняя – темная, закопченная. Фрагмент сохранил две конусовидные ножки высотой 0,5 см, расстояние между которыми – 6 см. Днище имеет сквозное отверстие диаметром 0,6 см, отстоящее от ножек на 5 и 4,5 см.

Один фрагмент с Г-образной формой борта, повернутого вовнутрь закраины, по-видимому, представляет собой верхнюю часть керамической печи – **тонира**. Поверхность светло-коричневого цвета, внутри немного темнее, чем снаружи.

Толщина стенок – 1,5 см. Ширина горизонтально-уплощенного края венчика – 2,5 см.

Два фрагмента выделяются особой плотностью и как бы каменной твердостью черепка, сформованного из хорошо отмученной, мелкозернистой глины. Первый предмет, сохранивший часть вертикальной и горизонтальной поверхности, представляет собой отбитый угол массивной прямоугольной подставки-основания. Поверхность покрыта толстым слоем ярко-красного ангоба и хорошо отполирована. Размеры фрагмента – 5 x 4, 5 x 3 см. С определенной долей вероятности можно предположить, что описанный предмет является фрагментом донной части массивной шкатулки. Шкатулки прямоугольной формы встречаются в материальной культуре позднеэллинистического времени, как, например, среди предметов известной Сисианской гробницы. Второй фрагмент – часть предмета, имеющего кольцевидную форму с треугольным сечением (2, 5 x 1, 3 см), внутренняя сторона которого уплощена. Поверхность светло-коричневая, вылощенная. В изломе заметны крупные и мелкие вкрапления черного цвета. Сохранившаяся длина – 6 см. Возможно, это деталь скульптуры.

Подводя общие итоги изучения керамического материала из раскопок Аванского античного поселения, можно вновь подчеркнуть, что представленная коллекция предметов гончарного производства иллюстрирует преобладание в

развитии армянского керамического искусства на протяжении тысячелетий, вскрывая, с одной стороны, традиционную местную основу, а с другой – изменения, привнесенные в период эллинизма, – вывод, неоднократно отмеченный исследователями. Как уже упоминалось, в этом отношении керамику можно условно разделить на несколько групп. Это в первую очередь изделия, сохраняющие свои традиционные типы и формы с присущим им оформлением внешнего вида – орнаментацией и техникой обработки поверхности. Здесь следует упомянуть разнообразную простую кухонную посуду – всевозможные горшки, простые кувшины, карасы и т.д. Отдельно укажем на т.н. алабастрон – расписной культовый сосуд, аналоги которого зафиксированы еще в раннеэллинистическую эпоху. К этой группе относятся и чаши-пиалы с нерасписанной поверхностью, имеющие раннюю предысторию.

Далее следуют изделия, сохраняющие свой традиционный тип и формы, но приобретающие характерное для эллинистического времени оформление поверхности, в первую очередь – элементы росписи, а также и покрытия, напоминающие красно- и чернолаковую окраску привозных образцов. В этом ряду помимо большой группы разнотипной керамики можно указать и на ручную маслобойку – сосуд, форма которого не менялась в течение тысячелетий. Аванский экземпляр, сохраняя традиционную форму, приобретает характерное для времени светлое красочное покрытие поверхности и элементы росписи – окраску слива. Определенную группу составляют сосуды, форма которых синтезирует традиции местного керамического производства и заимствованные инновации, как это мы наблюдали, например, на ойнохоях, где традиционная форма сосуда приобретала изменения в оформлении венчиков. Наконец, это сосуды, типы и формы которых полностью заимствованы, в частности, из греческого мира, но подверглись при этом ассимиляции в традициях местного производства – в первую очередь в оформлении поверхности, где красный лак, например, сменяется привычным красноангобированным лощением. Яркой ил-

люстрацией этого типа сосудов могут выступать описанные выше широкие плоскодонные блюда с низкими вертикальными бортиками и кольцевидной ножкой или же глубокие чаши – миски, с изящной профилировкой венчика. Не вызывает сомнения, что многие образцы были продукцией местного гончарного производства. Предпосылкой к его процветанию, как уже упоминалось выше, должно было явиться наличие местных природных ресурсов – превосходной глины и речного песка, необходимых для изготовления качественных изделий.

Орудия труда и продукты ремесленного производства

Раскопками выявлены орудия труда гончара – **каменные лощила** для выравнивания и обработки поверхности изделия на гончарном круге (табл. 86). Они разнообразной – круглой, продолговатой, треугольной формы, разных размеров и из различного материала – туфа, галечника, песчаника, известняка.

Ряд находок иллюстрирует наличие другого вида ремесленного производства – ткацкого дела. Это разнообразные и многочисленные круглые **глиняные пряслица** – головки от деревянных стержней – веретен, для пряжи шерстяной нити (табл. 85, рис. 2). Они биконической или дисковидной, цилиндрической формы с отверстием в центре для веретена. Диаметр колеблется от 1,7 до 2,7 см. Цвет глины темный, черный или буро-коричневый или же светлый коричневатый. Один типологический близкий предмет, несколько большего диаметра, орнаментирован нанесенными штампом полуovalными узорами (возможно, это застежка для одежды).

Пряжа служила для выделки ткани. Для этой цели использовались вертикальные ткацкие станки, **грузила** (подвески) которых обнаружены при раскопках поселения (табл. 85, рис. 1). Найдены два типологически различных грузила – треугольно-пирамидальной и круглой, дисковидной формы. Первое

сделано из красноватого песчаника. Оно призматической формы – со сторонами в виде прямоугольного треугольника и сквозным отверстием в вершине. Размеры треугольных граней – 5 см, 4,5 см, 3,2 см и боковых трапециевидных граней – 1 см, 5 см, 2 см, 5 см и 1 см, 5 см, 1,6 см, 5 см. На очертания этого грузила могли оказать влияние характерные для греческого мира глиняные грузила строго пирамидальной формы. Второе грузило сделано из оранжевого туфа. Оно дисковидное, слегка сужающееся к краю. Отверстие проделано в центре диска. Диаметр – 6,3 см, толщина в центре – 1,6 см, по краям – 0,8 см. Диаметр отверстия – 0,5 см. Форма, очевидно, отражает местные традиции. Интересно отметить, что параллельное существование подвесок для ткацких станков двух типов – пирамидальной и дисковидной формы характерно и для памятников Северного Причерноморья в античную эпоху, например в Мирмекии.⁵⁵ Как уже упоминалось ранее, на днище глиняного очага-жаровни отпечаталась деталь тканой циновки, что позволяет реконструировать один из видов ткацкого ремесленного производства Аванского поселения.

В Аванском поселении найдены каменные мельничные приспособления – **зернотерки**, с помощью которых производился помол зерна для получения муки (табл. 83, рис. 1-3). Основным типом мельницы, используемой жителями поселения, были т.н. ладьевидные зернотерки, выявленные как целыми, так и фрагментарно. Классическая зернотерка такого типа, найденная в поселении, сделана из пористого базальта и состоит из массивного нижнего камня, имеющего слегка вогнутую, овальную форму, напоминающую ладью (отсюда и принятое наименование предмета) и верхнего камня – терочника, также овальной формы, с уплощенной нижней и выпуклой верхней поверхностями. Стоя на коленях, протирали зерно верхним камнем, который следовало двигать, опираясь на него и захватив двумя руками вдоль уплощенной, рабочей поверхности нижней

⁵⁵ В. Ф. Гайдукевич, Античные города Боспора, Мирмекий, Ленинград, 1987, с. 94, рис. 123, 124.

ладьевидной основы, на которую засыпалось зерно. Зернотерки подобной конструкции характерны для широкого круга древних обществ и использовались в течение многих тысячелетий. Известна статуэтка с изображением процесса помола зерна, найденная при раскопках памятников династического Египта. В Армении каменные зернотерки применялись с древнейших времен вплоть до конца первого тысячелетия до н. э. Форма основы – нижнего камня, не была консервативна, мог использоваться и любой пригодный обломок пористого базальта, имеющий удобную поверхность для выравнивания. Во время раскопок Аванского поселения найдены нижние камни зернотерок как классической, ладьевидной, так и упрощенной формы. В поселении была обнаружена зернотерка также и другого типа, отражающая процесс эволюции усовершенствования этого древнейшего приспособления, приводимая в движение при помощи рычага. Как указывает Б. Н. Аракелян, такие зернотерки появляются в Армении в IV-III вв. до н.э., бытуя параллельно с архаичными.⁵⁶ В верхнем камне зернотерки продельвалась продольная выемка для крепления горизонтального деревянного рычага, приводимого в движение одной рукой (табл. 83, рис. 3). При этом увеличивалась и рабочая поверхность основы, по которой можно было перемещать верхний камень по дуге в пределах полукруга. Это приводило к заметному облегчению трудового процесса, лучшему качеству помола и увеличению производительности труда. Позднее такая эволюция приводит к появлению высокопроизводительного орудия для размала зерна – кругового жернова,⁵⁷ Жернова, как и зернотерки ладьевидной формы и зернотерки с рычажным управлением, аналогичные аванским находкам, были найдены, например, при раскопках Арташата. Характерны они и для других памятников Армении

⁵⁶ Б. Н. Аракелян, Арташат 1, Ереван, 1982, с. 30-32; Ժ. Խաչատրյան, Երկանքի առաջացումը ևս Գառնիի պեղումներից հայտնաբերված նյութերի // Պատմա-բանասիրական հանդես, թիվ 1, էջ 264-274:

⁵⁷ Согласно Б. Н. Аракеляну, круглый жернов появляется в Армении уже во II-I вв. до н.э., знаменуя переворот в мельничном деле.

эллинистического периода.⁵⁸ Зернотерка с продольным желобом для рычага из Аванского поселения обнаружена при изучении южного раскопа, в помещении, пол которого был покрыт вымосткой из мелкого галечника и обломков отесанных базальтовых плит, в котором была открыта база торовидного типа. Части зернотерки, которая разбилась ранее на две половины, были уложены среди камней вымостки в качестве строительного материала. Зернотерка полностью восстанавливается и реконструируется. Представляет собой камень (пористый базальт) продолговатой прямоугольной формы с закругленными углами, длиной в 38 см, шириной в 13 см и толщиной в 8 см. Продольный желоб проходит по всей длине зернотерки. Его ширина – от 5 до 4,5 см, глубина – 2 см. На одном краю желоба проделано сквозное отверстие, наискось пересекающее торцовую грань зернотерки, на выходе которого имеется небольшое уплощение – полочка (размер полочки – 4x2 см, диаметр отверстия – 0,8 см). Следует отметить, что на некоторых типологически близких предметах это отверстие отсутствует. Интересно разработана противоположная сторона зернотерки. Поверхность дна желоба переходит здесь в поперечную канавку (упор) размером в 4 x 1 см. Наружная часть торца зернотерка имеет горизонтальный выступ с кольцевидной бороздкой. Как поперечная канавка желоба, так и выступ с бороздкой предназначались, очевидно, для укрепления деревянного рычага, при помощи которого верхний камень перемещался по поверхности основы.

К устройствам, предназначенным для переработки продуктов сельскохозяйственного производства, возможно относится также и предмет из пористого базальта в виде усеченного конуса с небольшим центральным углублением в верхней плоскости (диаметры, соответственно, 25 и 30 см, высота – 24 см, диаметр углубления – 7, 5 см, глубина – 11 см), который мог бы использоваться как **ступка** для шелушения и толчения зерна и для других хозяйственных целей

⁵⁸ ժ. Խաչատրյան, Երկանքի առաջացումը ըստ Գառնիի պեղումներից հայտնաբերված նյութերի // Պատմա-բանասիրական հանդես, 1964, թիվ 1, էջ 264-274:

(табл. 60, рис. 1-2; табл. 83, рис. 4). Не исключены и другие функциональные назначения данного предмета (опора вертикального гончарного круга или база колонны, что требует детального исследования). Предмет был найден на участке вблизи северного раскопа, разрушенном при выборе земли.

Готовая продукция – зерно и мука, могли храниться в крупных и средних карасах, в стенках или днище которых, для сохранности продуктов проделывались вентиляционные отверстия. Для выпечки хлебных лепешек могли использоваться плоскодонные жаровни-очаги. Хлеб выпекался и в глиняных тонирах, фрагмент одного из которых найден во время раскопок.

Одним из важных ремесленных промыслов поселения было кузнечное дело, продукция которого была выявлена в процессе раскопок, как и многочисленные находки отходов производства. Это в первую очередь предметы из железа, представленные в основном коллекцией разнообразных **ножей**. Коллекция **ножей** представлена пятью фрагментами и двумя целыми предметами. Первый сохранившийся экземпляр имеет длинное треугольное лезвие с одной режущей стороной. Реконструируемая длина лезвия – 9,1 см, длина черенка рукоятки – 1,6 см, ширина основания треугольного лезвия – 2 см. Форма второго ножа отличается от первой. На расстоянии 3 см от черенка спинка лезвия, имея ломаный перегиб, постепенно сужается к острию. Лезвие прямое. Реконструируемая длина его – 8 см. Ширина лезвия в точке перегиба спинки – 2 см. Сохранившаяся длина лезвия – 7 см. Кончик обломан. Два других фрагмента принадлежат ножам принципиально иной формы. При общей прямой форме лезвий – окончание их приобретает овальный переход к острию, кончик которого слегка приподнят. Ширина первого фрагмента в точке перехода к сужению – 2,5 см, второго – 1,8 см. Третий фрагмент принадлежит ножу с прямым лезвием, имеющим округлое завершение. Четвертый фрагмент относится к ножу, предположительно имевшему форму лезвия в виде немного приподнятого кверху прямоугольного треугольника. Заметен ломаный переход вверх примерно под

углом в 30°, прямой режущей линии лезвия, на расстоянии 1 см от черенка. Пятый фрагмент не реконструируется. Следует сказать, что близкие по форме ножи найдены, в частности, при раскопках античного Гарни.⁵⁹ Они также отличаются типологическим разнообразием. Многие аванские образцы находят здесь прямые аналогии.

Найдены также **ножницы, стержни и фрагмент гвоздя** (табл. 81). К бытовым предметам, изготовленным из железа, следует отнести фрагменты **ножниц** (табл.81, рис.2). Первый предмет найден в разрушенном кувшинном погребении, к которому относится находка серебряной драхмы Александра Македонского. Длина сохранившейся части – 9,3 см. Лезвие имеет округлую форму. Окончание не имеет острия и также закруглено. Максимальная ширина его – 3,5 см, ширина в сужающейся части – 2 см, в переходе к ручке – 1,5 см, толщина спинки – 0,4 см. В Армении находки близких по форме ножниц относятся к первым векам до н.э. Все они принадлежат к инвентарю кувшинных захоронений, открытых в Гарни, Арташате и др. памятниках. Следующий фрагмент железных ножниц выявлен в культурном слое и отличается от первого формой лезвия, имеющего прямую спинку, округлую режущую сторону и заостренное окончание. Максимальная ширина лезвия – 2 см, реконструируемая длина его вместе с черенком – 8 см. Кончик острия обломан.

К коллекции железных предметов относятся два стержня, один из которых – с квадратным сечением (0,32 см) и сохранившейся длиной в 6,6 см (табл. 81, рис. 1). Стержень имеет небольшое сужение в начале и заостренное окончание. Второй стержень также четырехгранный, квадратный в сечении, со стороной в 0,43 см, реконструируемая длина – 8,6 см. Окончание его также заострено. Скорее всего – это черенки стрел или дротиков. Отметим, что железные стержни с квадратным сечением характерны для черенков этого вида оружия. Длинные черенки стрел были выявлены в памятниках Ервандидской эпохи. Например, в

⁵⁹ Б. Н. Аракелян, Гарни II, с. 47-48, рис. 12а, 12б.

поселении Норашен были найдены стрелы (дротики) с длиной черенка в 7,5 см.⁶⁰

Найден также **железный гвоздь**. Шляпка имеет круглую, выпуклую форму. Диаметр шляпки составляет 2 см, стержень, круглый в диаметре, сохранился до длины 1,5 см.

К коллекции изделий из железа относится также **кольцевидный предмет** диаметром 2,5 см, круглый в сечении. Концы его сужены и находят друг на друга. Очевидно, кольцо служило украшением, возможно серьгой.

Все вышеописанные предметы из железа выявлены при изучении культурных наслоений поселения и представляют собой ремесленные изделия местного кузнечного производства. О развитии в поселении этого вида ремесла свидетельствуют многочисленные находки железных шлаков и отходов обработанной железной руды (табл. 82). Все упомянутые находки не исключают и наличия собственного железоплавильного дела.

В отличие от железных предметов, многие из которых найдены во время раскопок помещений вблизи фундаментов стен, изделия из бронзы обнаружены в основном в инвентаре захоронений. Коллекция их представлена разнообразными простыми женскими украшениями и предметами туалета – **браслетами, кольцами, серьгами, заколками** для волос. Найдены также – **бронзовая фибула** и маленький бронзовый колокольчик (табл. 26-27).

Бронзовый браслет с вогнутой спинкой относится к инвентарю детского кувшинного захоронения, для которого использовался сосуд-маслобойка. Размеры продольного и поперечного диаметров браслета составляют 3 и 4 см. Сохранившийся край браслета приплюснут и обнаруживает поперечные декоративные насечки. Как видно, окончания браслета были стилизованы под змеиные головки. Внутренняя поверхность браслета для удобства ношения слегка уплощена. Судя по небольшим размерам, браслет принадлежал ребенку. Говоря о типологии браслетов с вогнутостью посередине, следует указать на их

⁶⁰ Ի.Ա. Շարափեղյան, Հայաստանի նյութական մշակույթը մ.թ.ա. VI-IV դդ., աղ. 40:

предысторию. Такие браслеты очень характерны, как указывают исследователи, для памятников Армении и Закавказья ахеменидского времени. Прототипами таких браслетов принято считать золотые браслеты с выгибом, бытовавшие в ахеменидском культурном мире. Браслеты с выгибом продолжают бытовать в Закавказье и в последующие века, часто встречаясь в погребениях эллинистического времени (Гарни, Гехадир, Ахбаш, Кармир-блур и т.д.).⁶¹ Браслеты с центральным прогибом характерны для античных памятников Северного и Северо-Восточного Причерноморья, в частности, античной Диоскурии III-I вв. до н. э., где приобретают чередующиеся утолщения с насечками. Оформление окончаний браслета в виде змеиных голов связано с ранней традицией ювелирного производства древней Армении начиная с I тыс. до н.э.

Второй детский браслетик из того же погребения имеет более упрощенную форму – он круглый, без прогиба в спинке, со слегка заходящими друг за друга окончаниями. Браслет выполнен из квадратной в сечении, тонкой бронзовой проволоки. Размеры браслета в поперечном и продольном диаметре – 2,8 и 3 см.

Третий бронзовый браслет представляет находку в помещении с торовидной базой в культурных наслоениях южного раскопа. Он выполнен из круглой в сечении бронзовой проволоки диаметром в 0,3 см и имеет правильную круглую форму. Один край утрачен. Реконструируемый диаметр браслета – 5,9 см. Как внутренняя, так и внешняя поверхность немного уплощена. Сохранившееся окончание браслета более уплощено и заострено, со следами продольной насечки, что можно считать попыткой подражания змееголовым браслетам. В пользу этого говорит и орнаментация поверхности всего браслета, украшенной кольцевыми бороздками, придающими ей сходство со змеиной чешуей.

Как видим, найденные браслеты отражают в основном самобытные особенности местного производства, продолжая в то же время древневосточные

⁶¹ Г. А. Тирацян, Культура древней Армении, с. 143-144.

традиции ювелирного дела.

То же можно сказать и о небольшой коллекции **бронзовых серег**.

Серьга из тонкой бронзовой круглой в сечении проволоки (диаметром в 0,2 см) также выявлена в упомянутом выше детском кувшинном погребении. Имеет круглую форму, с немного вытянутыми по вертикали пропорциями и разомкнутыми краями.

Там найдена и другая серьга, выполненная на этот раз из квадратной в сечении, скрученной четырехгранной бронзовой проволоки. Серьга имеет более вытянутые по вертикали пропорции, чем предыдущая. Размеры ее – 2,6 и 1,3 см, диаметр проволоки – 0,2 см, концы разомкнуты. Кроме бронзовых в поселении найдены также и серьги из серебра, принадлежавшие к инвентарю захоронения в крупном карасе.

В том же захоронении найдено **бронзовое колечко** (разомкнутого типа) с плоским дисковидным щитком. На плоскости щитка, несомненно, имелось ранее какое-то врезное изображение, которое было утрачено в процессе реставрации. Диаметр кольца – 1,5 см, щитка – 0,8 см, толщина щиткового цилиндра – 0,25 см.

Бронзовые булавки, предназначены для украшения волос и одежды, выявлены при раскопках помещений северного и южного раскопов. Найдены три предмета. Они идентичны друг другу. Изготовлены из бронзового стержня круглого сечения. Диаметр стержня постепенно увеличивается к головке заколки (от 0,22 до 0,25 см), окончанию которой придана выпукло-закругленная форма. Длина целого экземпляра – 7,5 см. У второй булавки утрачено острие. Длина сохранившейся части – 7,5 см. К окончанию стержня заметно небольшое уплощение с двух сторон, на одну из которых нанесена поперечная насечка. Третья булавка также сохранилась не полностью (до 6,4 см) – острие ее отломано. Булавки, найденные в Аванском поселении в целом идентичны находкам на других памятниках Армении, выявляющим иногда различия в оформлении окончаний. Следует сказать, что помимо металлических применя-

лись и костяные заколки с профилированными головками. Подобная **костяная булавка** была обнаружена также и в Аванском поселении во время раскопок помещений южной части исследуемого участка (табл. 26, рис. 7).

Там же была найдена и **бронзовая фибула** – застежка в форме лиры (табл. 26, рис. 1). Фибула имеет полукруглую форму с широкой спинкой – уплощенным овальным щитком. Край, к которому крепился язычок (он не сохранился), оформлен в виде шарика диаметром в 0,3 см (диаметр дужки по линии язычка – 2 см, длина щитка 1,5 см, его ширина – 1 см). Согласно Ж. Хачатрян, фибулы можно считать определенным социальным показателем, поскольку они служили принадлежностью одежды горожан, как застежки для закрепления накидок – хламид.⁶² Они использовались и рядовыми жителями поселений городского типа наряду с пуговицами-застежками. Бронзовые фибулы встречаются в ряде памятников Армении эпохи эллинизма, однако находки их относительно редки. Фибулы с листовидным овальным щитком характерны и для Ервандидской эпохи.⁶³ Близкая по форме фибула была найдена, в частности, в поселениях Карцахпюра и Макарашена (VI-IV вв. до н.э.). Бытование фибул фиксируется в Армении с IX-VIII вв. до н.э. В античную эпоху фибулы сохраняют преемственность формы, но число находок гораздо реже.

Предметы из серебра представлены двумя **серьгами в форме лунниц** (табл. 26, рис. 2). Они идентичной формы, но разных размеров. Большая серьга имеет условный диаметр в 2,5 см, меньшая – 2 см. Серьги принадлежат инвентарю парного кувшинного захоронения, выявленного у одного из фундаментов северного раскопа. В том же инвентаре была найдена серебряная монета – парфянская драхма 80-70 гг. до н.э.

К предметам туалета относятся две **каменные пуговицы**, функционально близкие к описанным выше фибулам (табл. 26, рис. 4). Пуговицы-застежки

⁶² Ж. Д. Хачатрян, Гарни V, Античный некрополь, Ереван, 1976, с. 117-118.

⁶³ Ի. Ա. Կարապետյան, Հայաստանի նյութական մշակույթը մ.թ.ա. VI-IV դդ., էջ 79-80, աղ.51, 8-9:

нередки в погребениях античного времени. В античном мире они составляли часть одежды и служили для закрепления накидок у плеча. Обе пуговицы найдены в культурном слое поселения. Первая пуговица-застежка сделана из камня светло-серого цвета (галечника) и имеет полушаровидную форму со сквозным отверстием в центре (диаметр основания – 2 см, высота – 1,7 см). На выпуклой поверхности помещены декоративные орнаменты в виде трех врезных окружностей с обозначенным центром. Вторая пуговица имеет форму усеченного конуса (с трапециевидным сечением) с центральным отверстием (высота – 0,8 см, диаметры верхнего и нижнего оснований, соответственно. – 0,8 и 1,8 см). Материалом для ее изготовления послужил камень черного цвета с плотной структурой. Поверхность хорошо отшлифована.

Изделия из кости представлены несколькими предметами, среди которых – костяная булава с профилированной головкой, бусины каплевидной формы – из зуба благородного оленя и амулеты – обереги, сделанные из фаланг конечностей мелкого рогатого скота.

Костяная заколка (типа «стиль») была частью убранства головы, могла служить для закрепления высокой прически. Круглый в сечении стержень (диаметром в 0,4 см) увенчан художественно профилированной головкой в виде фигурки биконической формы, расположенной между двумя дисковидными основаниями диаметром в 0,5 см. Окончание с острием утрачено. Сохранившиеся размеры – 4,5 см. Согласно Б. Аракеляну, длина костяной заколки составляла от 8 до 14 см. Аванская находка имела, судя по диаметру стержня, скорее всего размеры, не превышающие 10 см.

Костяные заколки найдены во многих античных памятниках Армении, например, в Гарни, в материалах погребений I-II вв. н.э., выявляя многообразие в оформлении наверший.⁶⁴ Подобные предметы были широко распространены в эллинистической ойкумене. Они характерны, в частности, для памятников

⁶⁴ Б. Н. Аракелян, Гарни II, с. 76, рис. 43.

Кушанской культуры. Множество вариантов мы находим, например, в материальной культуре Северной Бактрии, в частности, в комплексах зартепинского типа.⁶⁵ Нередки находки их и в погребениях Ближнего Востока.

Особым разнообразием отличается **коллекция бус**, представленных в основном инвентарем кувшинных погребений, находя обширные аналоги в памятниках Армении эпохи эллинизма (табл. 20-24). Бусы Аванского поселения разнообразны по материалу, из которого они изготовлены. Найдены бусы из сердолика, агата, оникса, черного камня (гагата), стекла, разнообразных по составу и цвету стеклянных и глиняных паст, а также из кости, – зуба благородного оленя. В производстве бус использовалась тончайшая золотая и серебряная фольга. Разнообразна и форма бус – шаровидная, бочонковидная, призматическая, овальная, цилиндрическая, биконическая, круглая – дисковидная, каплевидная и др. Встречаются и бусы в форме многогранника и скарабеоида.

Бусы из сердолика также отличаются многообразием форм и размеров. Они могут быть продолговато-бочонковидные, округлые или шаровидные, трубчатые, дисковидные или в форме чечевицы и скарабеоида. Размеры бус колеблются от 0,2 до 1,5 см. Разнообразны расцветки камня – от густого, красного до розового. Сердолик занимал особое место в производстве бус древней Армении, как это показывают раскопки памятников эпохи бронзы и железа, являясь обязательным атрибутом женских украшений на протяжении тысячелетий. Сакральное значение его было чрезвычайно велико. В Шумере сердолик был равноценен другому священному камню – лазуриту, восторженно упоминаясь в старовавилонском тексте глиняных табличек о Путешествии Энки в Ниппур.

Владыка Абзу, царь Энки,

Энки – владыка, решающий судьбы, ...

⁶⁵ Археология СССР, Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, с. 400, табл. СХII, 1-10.

Твое основание сердолику уподобил!

Лазуритовый заговор заботливо произнес он!⁶⁶

Шумерский герой – царь Урука, Энмеркар, требует от правителя Аратты, горной страны, расположенной к северу от Урука, дань в виде сердолика и лазурита.⁶⁷

Мхитар Гераци (XII век) упоминает о значении сердолика в своем труде «О драгоценных камнях и их лечебных свойствах», считая, что этот камень успокаивает и помогает при кровотечениях и лечит больные зубы. К. Патканов описывает сердолик как спасительное средство от развалин (во время землетрясения), который также облегчает роды, изгоняет злых духов, защищает от врага. Известны и описания сердолика как средства для лечения ран и опухолей (X век). В. И. Марковин посвящает сердолику отдельное исследование, называя его «камнем счастья».⁶⁸ В оценке свойств сердолика не последнюю роль должна была играть и цветовая символика. Красный цвет был цветом рождения, цветом крови и огня. В армянском космогоническом гимне – «Песнь о Ваагне», фактически посвященном рождению солнца – «рыжеволосого (т.е. красноволосого – А.Д.) юноши» с солнечными глазами, красный, пурпурный цвет характеризует в то же время первозданный океан – НАЧАЛО, подчеркивая здесь порождающую функцию Хаоса при переходе к организованному Космосу. В красном океане рождается красный тростник – универсальный и канонический на Древнем Востоке символ умирающего и воскресающего божества, организующего к тому же космическое пространство. Здесь красный цвет становится признаком присутствия Великого женского божества – Богини-матери (в Армении это Анаит или Астхик). В то же время не вызывает сомнения и то, что красный цвет мог быть цветовым олицетворением солнца, что находит параллели в индоевропейской традиции. Космогонический гимн «Песнь о Ваагне» посвящен рождению

⁶⁶ Путешествие Энки в Ниппур / Перевод с новошумерского В. В. Емельянова по изданию: Al-Fouadi A.-H.A. Enki's Journey to Nippur: The Journeys of the Gods. Ann Arbor, 1969, p. 69-76, <http://ud-gal-nun.narod.ru/translations/transl.html>.

⁶⁷ С. Н. Крамер, История начинается в Шумере, Москва, 1965, с. 34.

⁶⁸ Ж. Д. Хачатрян, Гарни V, с. 107-108.

солнечного божества и красная «окраска» звеньев гимна связана, скорее всего, именно с этим обстоятельством. Сакральная символика красного цвета наследуется Христианством, о чем свидетельствует красный цвет круглого пьедестала в «Видении» Григория Просветителя – фактическом пересказе древнего космогонического гимна в условиях новой религии.⁶⁹ Здесь интересно вспомнить «Откровения» Иоанна Богослова, где сердолик назван шестым камнем, украшающим основание небесного Иерусалима. Придавая цветковое осмысление древним архетипам обновления жизни, заложенным в основу Гимна, камень красного цвета, будучи несомненно связанным в то же время и с солярной символикой, должен был играть важную роль в погребальном ритуале, будучи посредником при переходе от жизни к смерти и к новой жизни. Кодирова в терминах цветовой символики обряды перехода, символизируя в том числе и идею жертвоприношения, сердолик должен был играть выдающуюся роль в повседневной жизни древних армян, гарантируя им устойчивый миропорядок, оберегая от неприятностей и излечивая болезни. Он мог быть посвящен солнцу, а также и одной из местных богинь, наделенных функциями Великой богини-матери, которая могла ежедневно обновлять солнечное светило подобно богине Нут в Древнем Египте (вспомним здесь слово «майрамутк» – Запад – материнское лоно, принимающее солнце перед заходом). Определенное значение могло иметь и цветковое сочетание бус различной окраски, например, красных сердоликовых с бусами черной окраски, что могло символизировать смену дня и ночи.

Среди сердоликовых бус различной формы выделяется крупная бусина в форме чечевицы из розовато-красного камня. Размеры ее составляют в продольном и поперечном сечении – 1,7 и 1,5 см, толщина – 0,6 см. Бусина принадлежит инвентарю разрушенного кувшинного погребения с монетой – драхмой Александра Македонского. Там же были найдены две сердоликовые

⁶⁹ А. Р. Демирханян, Новая интерпретация «Гимна Ваагну» // Международная конференция по средневековой армянской литературе, Тезисы докладов, Ереван, 1986, с. 68-69.

бусины продолговатой бочонковидной формы, длиной 0,8 см и шириной в выпуклой части – 0,6 см, а также более округлой формы с уплощенными основаниями (0,6 x 0,9 см). В погребении в маслбойке было выявлено шесть сердоликовых бусин в форме колесика с диаметром основания от 0,8 до 0,4 см и высотой от 0,5 до 0,2 см.

Бусина бочонковидной формы из сардоникса (разновидности халцедона) относится к одному из самых интересных предметов коллекции. Камень необыкновенно красивой расцветки – с чередованием разных оттенков коричневатых тонов с белыми прожилками. Длина – 3,5 см, макс. ширина в выпуклой части – 1,2 см, диаметр оснований – 0,6 см. Сардониковые бусы точно такой же формы и размеров были найдены при раскопках Кармир-блур.⁷⁰ Б.Б. Пиотровский называет эти бусы «великолепными», предполагая их ассирийское происхождение, ссылаясь при этом на то, что они по материалу и технике изготовления тождественны сардониковой пронизке с именем ассирийского царя Ададнирари, найденной в 1896 году в Нагорном Карабахе. Находки таких бус в античную эпоху достаточно редки. Если не предположить более раннюю датировку аванской находки, то можно говорить о многовековой традиции изготовления бочонковидных халцедоновых бус в Армении.

Бусина в форме многогранника (0,8 x 1, 5 x 0,7 см) сделана из мраморного оникса светло-серого цвета с темными прожилками. Принадлежит к инвентарю разрушенного кувшинного погребения, к которому относится и второй многогранник – халцедоновая инталия с изображением собаки. Как считает А. Манукян, посвятившая геммам Армении диссертационное исследование, онисовый многогранник Аванского поселения представляет собой полуфабрикат, на котором в силу неизвестных причин не была сделана резьба, что свидетельствует в пользу тезиса о местном производстве многогранных печатей в эпоху

⁷⁰ Б. Б. Пиотровский, Урарту // По следам древних культур, М., 1951, с. 100-101.

эллинизма.⁷¹

Из мраморного оникса, но желтоватого оттенка, выделана бусина в форме скарабеоида, но имеющая не овальное, а прямоугольное основание (1,7 x 1,6 x 0,9 см). Как считает Ж. Хачатрян, бусы из оникса, как и бусы из лазурита, диорита, хрусталя и черного камня после эллинистической эпохи более не встречаются.⁷² Любопытно отметить один из способов обработки ониковых бус, существовавший с глубокой древности. Заготовки из светлого слоистого оникса бросали в кипящий мед и варили до тех пор, пока мед, проникавший в менее плотные слои оникса, не начинал там пригорать, темнея и придавая слоям красивый темно-коричневый либо черный цвет (бусы из оникса, обработанного таким образом, бытовали в эпоху эллинизма и начала нашей эры на Кавказе и в Северном Причерноморье). Не исключено, что таким способом был обработан упомянутый выше ониковый многогранник.

Интересна бусина из синей стекловидной пасты в форме скарабеоида с овальным основанием, также найденная в погребении в маслбойке. Размеры ее составляют – 1,5 см в ширину и 0,6 см в высоту.

Там же были обнаружены и восемь бусин из черного камня – гагата (гишера) – минерала органического происхождения (вид смолистого каменного угля), уплощенной, (подпрямоугольной), прямоугольно-призматической формы разных размеров с длиной грани от 1,7 до 0,5 см и высотой от 1,4 до 0,3 см. В каждой из боковых граней имеется сквозное отверстие. Наличие таких отверстий связано, скорее всего с формой подвешивания бусин, возможности их сочетаний в разные геометрические фигуры. Здесь следует подчеркнуть оригинальность формы изделий. В Армении бусы такой формы известны, как предполагают, исключительно из одного материала – гагата. Аналоги прослеживаются по памятникам

⁷¹ А. Б. Манукян, Глиптика древней Армении (VI в. до н.э. – III в. н.э.), Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н., Ереван, 1992.

⁷² Ж.Д. Хачатрян, Гарни V, с.109.

Северного Причерноморья, где датируются I-III веками новой эры.⁷³

Особо следует упомянуть бусину каплевидной формы из белого матового стекла (2 x 1 см). Ее принято относить к бусам-подвескам, применяемым в качестве серег. Аналоги найдены в инвентаре погребений Арташата позднеэллинистического времени (из голубой стеклянной пасты), где в бусину было вставлено бронзовое колечко, а также Двина, где аналогичное колечко было из серебра.⁷⁴ По памятникам Северного Причерноморья бусы подобной формы согласно Е.М.Алексеевой, датируются III-I вв. до н.э. В Аване бусина была выявлена при исследовании северного раскопа в слое на контакте с материком, ниже уровня фундамента раннего строительного горизонта.

В значительном количестве найдены золоченные круглые бусины из прозрачного стекла, которые можно назвать наиболее массовым (совместно со стеклянным бисером) материалом в коллекции. Бусы относятся к инвентарю двух кувшинных погребений (разрушенного, – 47 бусин, и в маслбойке, – 83 экземпляра).⁷⁵ Бусы, найденные в маслбойке, в основном однотипные, круглой, немного приплюснутой формы, диаметром 0,3 см. Небольшое число этих бус имеет более светлое металлическое покрытие – возможно здесь золото заменялось серебром. Бусы из разрушенного кувшинного погребения (с драхмой Александра Македонского и геммой с изображением собаки) отличаются разными размерами – более крупные диаметром 0,7 см и мелкие, диаметр которых составляет 0,45 и 0,3 см. В Армении подобные бусы известны с Ервандидского периода и продолжают существовать до первых веков новой эры. Большое количество их найдено в Джрарате, на территории Грузии, в восточных погребениях Фанагории, в Танаисе, на эллинистических памятниках Крыма и других местах. Для изготовления таких бус было необходимо приготовить

⁷³ Е. А. Алексеева, Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР, Свод археологических источников, вып. Г 1-12, М., 1978, с. 6.

⁷⁴ Қ. Қ. Әнзәршұб, Ғұлһі III, 12: 53:

⁷⁵ Е. А. Алексеева, Античные бусы Северного Причерноморья, с. 27-33. Е. М. Алексеева использует термины «бусы с внутренней позолотой» и «золоченные бусы» как синонимы.

тончайшую металлическую фольгу – из золота или серебра, которой покрывалась стеклянная основа. После этого изделие вновь покрывалось тонким слоем прозрачного стекла. Такие бусы, как бы излучавшие золотое свечение, были необыкновенно привлекательны. Этот способ нашел широкое применение в стеклоделии, особенно в позднеантичный период, для изображения различных картин между стенками двухслойных сосудов. Иллюстрацией подобной технологии может служить знаменитая стеклянная чаша-пиала с золотыми узорами из коллекции Эрмитажа II-I вв. до н.э., местом изготовления которой принято считать Египет – Александрию, или Малую Азию. Производство бус с внутренней позолотой было достаточно сложным процессом. Как считает Е. М. Алексеева, такое производство могло существовать только в центрах с развитым стеклоделием и требовало тонкого знания не только разнообразных приемов обработки стекла, но и ювелирного дела. Золочение бус началось в IV веке до н.э. в Египте, со временем эта технология получила широкое распространение. Однако вопрос о месте производства стеклянных бус с внутренней позолотой в античную эпоху остается открытым, известна только выпускавшая их мастерская на острове Родос. В Северном Причерноморье бусы с внутренней позолотой появились в III в. до н.э., продолжая встречаться и в первых веках новой эры. Бусы, аналогичные найденным в Аванском поселении, характерны для памятников Северного Причерноморья III-I вв. до н.э. Значительное число находок стеклянных бус с позолотой как в Аване, где общее число найденных бус составляет 130 штук только в инвентаре двух изученных захоронений, так и в других памятниках эллинистической Армении, например, в Гарни, ставит вопрос о предпосылках их необыкновенной популярности (эстетический приоритет здесь не вызывает сомнений) при несомненной относительно высокой стоимости этой продукции. Не исключено, что ответом на этот вопрос может быть территориальная близость производственного центра.

Выделяются по форме стеклянные бусы из одноцветного стекла (стеклянной

пасты) каплевидной формы с заостренным низом и круглой головкой, в которой имеется отверстие для подвешивания (возможно, условная антропоморфная фигурка, или, по Е. Алексеевой, «стилизованная амфорка»), из детского захоронения в маслбойке. Найдены бусы зеленого, желтого, голубого, бирюзового и синего цветов. В памятниках Северного Причерноморья такие бусы датируются III-I вв. до н.э. Две бусины, например, принадлежали инвентарю одного из женских погребений (II-I вв. до н.э.) в мавзолее Неаполя Скифского. В Армении аналогичные бусы найдены, в частности, в инвентаре кувшинных погребений Гарни, датируемых Ж. Хачатрянном I-III вв. н.э. Близкие по форме бусы были выявлены также в инвентаре могильника эллинистического времени в Кармир-блуре, датируемого Г. Тирацяном и А. Вайманом III-II вв. до н.э. Аванские находки позволяют предполагать бытование бус подобной формы также и во второй половине I в. до н.э. – начале I в. н.э.

Живописна бусина из бирюзового стекла, продолговато-округлой формы (1,5; 0,7 см).

Ряд бусин, в основном из стекла (или пасты), имеет биконическую форму. Они голубого, бирюзового, светло-коричневого и желтого цветов (0,5-0,7 см в диаметре).

Бусина бочонковидной формы из стекла синего цвета украшена широким поперечным пояском, нанесенным белой пастой по стеклянной основе (0,6; 0,5 см).

Бусина из синего стекла цилиндрической формы, с тремя тонкими пастовыми белыми поперечными поясками (0,6; 0,3 см),

В инвентаре разрушенного кувшинного погребения было найдено значительное число мелких бусин (около 200 штук) – стеклянного бисера синего цвета (0,15-0,2 см). Бусины неодинаковые, часто неправильной формы. Часть бусин рубленые, остальные аккуратно закруглены.

Бусина цилиндрической, трубчатой формы из матового стекла длиной в 1,3

см, диаметром в 0,4 см. Инвентарь детского захоронения в маслбойке.

Бусы из глиняной пасты также различаются по цвету и форме. Крупная пастовая бусина белого цвета относится к инвентарю детского захоронения. Форма округлая, с приплюснутыми боками и большим отверстием диаметром в 0,5 см. Размеры – 1,3 x 0,8 см.

Там же найдена биконическая бусина из желтой глиняной пасты. (1; 0,5 см) и круглая пастовая бусина темно-коричневого цвета, диаметром в 0,5 см. Пастовая бусина с пористой поверхностью коричневого цвета трубчатой формы из разрушенного погребения, длиной в 1,36 см и толщиной в 0,45 см.

К находкам в культурном слое южного раскопа относится усеченно-биконическая ребристая бусина из мелкозернистой глины бурого цвета со следами бирюзово-синего покрытия – возможно, подражание изделиям из египетского фаянса. Ребра нанесены небрежно, что может быть признаком позднего типа, – дольки заменены кривыми насечками (I в. до н.э. – I в. н.э.). Диаметр бусины – 1,6 см., толщина – 1,0 см., диаметр отверстия – 0,4 см.

Особое место в коллекции занимают бусы с «глазками», имевшие помимо эстетического значения несомненную символическую нагрузку. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что «глазчатые» бусы были издревле связаны с солярной символикой, сохраняя смысл апотропея и наделяясь защитными свойствами. Найдены две бусины, типологически различные. Первая бусина сделана из стеклянной пасты темно-синего цвета. Шаровидной формы, диаметром в 0,9 см. Изображение «глаза» повторено трижды. Он правильной круглой формы диаметром в 0,5 см., бирюзового цвета с округлым синим «зрачком» с неровными краями (диаметр «зрачка» составляет 2,5 мм). Изображение «глаза» гладкое, не выступающее над поверхностью бусины.

Вторая бусина другого типа. Она более крупная, чем предыдущая (диаметром в 1,5 см), с широким отверстием в 0,4 см в диаметре. Форма круглая,

шаровидная, слегка приплюснутая со стороны отверстий. Изготовлена из стеклянной пасты синего цвета. «Глазки» повторяются несколько раз. Бусина фрагментирована и можно судить лишь о трех повторениях. «Глаз» голубоватого цвета, овальной формы, диаметром в 0,5 см. «Зрачок» состоит из овального центра, такой же голубой окраски диаметром в 0,2 см, окруженного тонким темно-красным пояском шириной в 0,4 мм. Такие бусы принято считать египетскими изделиями, но они могли изготавливаться также в Палестине и Сирии – Финикии. Вывозились в основном как амулеты и талисманы. Тема «глаза», как выражение свойств апотропейного характера, известна издревле и широко использовалась при производстве бус в различные эпохи, занимая особое место в армянской этнографии, где глаз ассоциировался с солнцем (Ср. Арег – Арегак/ Արեգակ, где Арег – солнце, ак(н)/ ալ (ն)– око).⁷⁶ Особенно широко глазчатые бусы бытовали в эпоху эллинизма и позднее, в первые века нашей эры по всей территории эллинистической ойкумены. Типологические аналоги аванским находкам имеют место как в Армении, так и, в частности, в памятниках Северного Причерноморья, где предстают во всем своем многообразии форм и красочного оформления. Исследователь античного Ширака Л. Еганян не исключает и местного производства подражаний.

Отдельно следует указать на бусину-подвеску, сделанную из зуба благородного оленя из погребения в маслобойке (2,3 см x 1 см). Сакральная значимость этого предмета не вызывает сомнений. В Армении олень издревле был связан с культом солнца. Зуб оленя должен был быть наделен функцией апотропея. Находки костяных бус в памятниках Армении крайне редки. Прямые аналоги нам не известны.

Г. Тирацян, исследуя бусы из могильников античного времени, делает вывод о преобладании мелких бус над крупными. При этом наблюдается большое

⁷⁶ А. Р. Израелян, Армянские бусы-обереги XIX – начала XX века // Աշխարհային Հայաստանի փառաբանության պատմության բանագրություն, հ. 7, Երևան, 1981, с. 83-102.

количество пастовых и особенно стеклянных бус. Касательно исследуемого периода он пишет: «Значительное количество стеклянных бусин, а затем и явное их преобладание – характерная особенность погребального инвентаря Армении и Грузии в ахеменидское и эллинистическое время. В этот период большое распространение получают позолоченные стеклянные бусы.»⁷⁷

Изучение коллекции бус Аванского поселения подтверждает эти выводы. Значительную часть ее составляют мелкие стеклянные бусы, особенно стеклянный бисер синего цвета, а также и бусы с внутренней позолотой. В то же время стеклянные и пастовые бусы, выявленные в кувшинных погребениях исследуемого памятника, отличаются многоцветием окраски, живописностью и разнообразием форм. Большинство стеклянных бус, а также пастовые бусины Г. Тиращян считает в основном привозного происхождения. Тем не менее, не вызывает сомнения и местное производство этого вида украшений, в первую очередь, из полудрагоценных камней местных месторождений.

Материальные свидетельства кузнечного дела

Среди находок при раскопках эллинистического поселения в Аван-Ариндж определенный интерес представляют изделия из железа – фрагменты железных ножей, ножниц, гвоздей, браслетов, железных стержней круглого и четырехгранного сечения и т.д., а также возможные компоненты металлургического передела – шлак, частично отработанная отшлакованная руда (табл. 82). Все находки обнаружены в культурном слое эллинистического периода и носят рассеянный характер.

Согласно выводам исследователей древней металлургии Армении, как правило, выплавка железа производилась в непосредственной близости от

⁷⁷ Г. А. Тиращян, Культура древней Армении, с.114.

месторождения.⁷⁸ Об этом свидетельствуют многочисленные находки печей, располагавшихся поблизости от самого месторождения – рудных воронок, выявленных в разных регионах Армении. Как считает С. Е. Гогинян, «как правило, все выявленные нами скопления металлургических шлаков и металлургические печи находились, за редким исключением, в непосредственной близости от рудных тел. В возрастном отношении эти памятники колеблются в довольно широком хронологическом диапазоне. Вышесказанное, возможно, позволяет предположить существование древнего рудника в непосредственной близости поселения в том случае, если мы сталкиваемся здесь с продуктами железоплавильного дела, а не с отходами кузнечного производства».

В Аванском поселении было выявлено до 30 эпизодических находок, содержащих высокий процент железа – 20 обломков отшлакованной руды от 7,6 – 2,1 см, а также 10 шлаков пемзообразной и стеклообразной консистенции от 0,5 до 3 см в диаметре, имеющих округленно-оплавленную форму. Все найденные предметы были сгруппированы по принципу внешней схожести – шлаки и фрагменты, напоминающие отшлакованную руду, и проанализированы. Анализы проведены в лаборатории физических исследований Института геологических наук НАН РА методом термоэмиссионного спектрального анализа (на ДФС -13). Вещество пробы отбиралось путем высверливания из заранее очищенной от наслоения поверхности.

Согласно карте, составленной С. Е. Гогиняном, расположения древних металлургических шлаков и разработок Армении, ближайшее к Аван-Аринджу месторождение железа располагалось на левом берегу реки Раздан, в 1,5 км севернее г. Раздан, на холмах с общим названием Судагян (50 км от Еревана). По данным геологических исследований, ближайшее Капутанское месторождение (Геккислинское, Абовян) не имеет выходов руды на поверхности почвы и поэтому возможность использования его как сырьевой базы для Аван-Аринджских

⁷⁸ С. Е. Гогинян, Металлопроизводство в древней Армении, Ереван, 2005.

плавлен маловероятно.

В зависимости от степени отшлакованности, в пробах количество железа в образцах меняется – от 10-15% до 30-40%. Значителен процент железа и в шлаках пемзоподобной и стекловидной консистенции: от 15-20% в стекловидных образцах, 20-30% – в шлакообразных.

Все вышесказанное, возможно, предполагает производство железа в северо-восточной части Еревана в эпоху Арташесидов. Во всяком случае, артефакты свидетельствуют о наличии здесь кузнечного дела, удовлетворявшего потребности населения.

Животноводство и охота: анализ остеологического материала

Раскопки выявили множество костных остатков различных представителей фауны – домашних и диких животных. Из них было отобрано и исследовано 52+217=269 фрагментов, из коих

домашним животным:

крупному рогатому скоту – быку, корове – принадлежало 28+12=40;

мелкому рогатому скоту – барану, овце – 14+158=172;

свинье – 2+10=12;

лошади – 7+5=12;

диким животным:

благородному оленю – 1+2=3;

лисице – 1.⁷⁹

Все приведенные данные при всей своей фрагментарности представляют лишь условную неполную картину, но все же убедительно свидетельствуют о

⁷⁹ Н. С. Манасерова, Фауна млекопитающих античной и средневековой Армении // Биологический журнал Армении, 1991, N 3, с. 163-166; Н. С. Манасерян, Домашние животные античной и средневековой Армении // Биологический журнал Армении, 1995, N 3-4, с. 46-54.

наличии животноводства в хозяйстве поселения на основе крупного, особенно мелкого рогатого скота. Находки костей лисицы и оленя говорят об охотничьем промысле.

Следует отметить, что по видовому составу этот памятник не отличается существенно, если не считать лисицы, от материалов Арташата. Интересно также подчеркнуть, что в Аване остатки мелкого рогатого скота составляют до 72% от общего числа количества костных остатков по исследованным материалам.

Виноделие

Ряд находок свидетельствует о развитии виноделия. Это в первую очередь **ванна-чан для сбора виноградной мезги** после вторичной, дополнительной выжимки винограда на каменном тарапане (табл. 60, рис. 3-4). Близкая по типу туфовая ванна была найдена в Двине античного времени, а также и в городских кварталах эллинистического Армавира.⁸⁰ Там же были открыты и каменные тарапаны. Аванский образец ванны выявлен на поврежденном участке культурного слоя, неподалеку от фундаментов стены северного раскопа. Ванна-чан сделана из черного туфа и имеет форму неправильного четырехгранника. Днище углубления – треугольной формы (высота ванны – 74 см, глубина – 56 см, размеры сторон по верхнему краю – 52, 76, 70, 83 см, сторон треугольного днища – 44, 34 см, толщина стенок ванны в верхней части – от 7 до 9 см).

Готовая продукция – вино подавалось в кувшинах, в том числе оформленных полихромной росписью или покрытых ярким красным лощением ойнохоях – кувшинах с трехлепестковым сливом. Функцию подносных чаш выполняли разнообразные пиалы и чаши «мегарского» типа с черно- или краснолощеной поверхностью, а также чаши, украшенные красивой росписью. Такие чаши удобно

⁸⁰ Գ. Ա. Տիրացյան, Ի. Ա. Կարապետյան, Արմավիրի 1977-1978 թթ. պեղումները // Պատմա-բանասիրական հանդես, 1979, N 4, էջ 251-254., Գ. Գ. Քոչարյան, Նոր նյութեր Դվինի հելլենիստական բնակավայրի վերաբերյալ // Լարբեր (հասարակական գիտություններ), 1990, N 2, էջ 100-101:

помещались в ладони, нередко имея омфалос – выступ для упора среднего пальца руки.

Следует отметить, что традиции виноделия, корнящиеся в Армении с эпохи энеолита⁸¹, достигли поселения Аван, и продолжились там в течение столетий, о чем свидетельствуют следы винодельческого хозяйства, относящегося скорее всего к раннему средневековью. В северо-восточной части исследуемого участка поселения, на территории расположенной здесь насосной станции при рытье котлована были случайно выявлены три однотипные цистерны, принадлежавшие винодельческому хозяйству. Винодельня принадлежит более позднему времени и непосредственно к изучаемому античному поселению не относится. Об этом говорит и то, что культурные слои II-III вв., отделяющие античный памятник от времени создания винодельни не прослеживаются. Все сооружения опущены в культурные наслоения эллинистической эпохи. Самая крупная цистерна, грушевидной формы, имела высоту в 1,8 м, диаметр круглого уплощенного днища 1,6 м. В центре днища расположен отстойник в виде углубления цилиндрической формы (диаметр – 0,37 м, высота – 0,34 м). Горловина цистерны имеет диаметр 0,5 м и перекрыта глухой плоской крышкой дисковидной формы из розово-красного туфа. Яма для цистерны была выложена обкладкой из галечника мощностью в два-три ряда, поверх которой была наложена многослойная цемянковая обмазка. На днище цистерны цемянка была уложена без каменной подкладки прямо на грунт. На уровне 0,62 и 1,45 от днища в стенках цистерны были сделаны круглое и квадратное углубления, в которые вставлялись камни, служившие ступеньками для спуска в цистерну. К керамическому материалу, сопутствующему винодельне, следует отнести фрагмент горловины крупного караса с диаметром по краю 49,5 см, толщиной черепка – 2,4 см, с темно-коричневой поверхностью. Типологически карас близок к позднеантичным –

⁸¹ GE Areshian, B. Gasparian, PS Avetisyan, The chalcolithic of the Near East and south-eastern Europe: discoveries and new perspectives from the cave complex Areni-1, Armenia, Cambridge Univ Press, 2012.

раннесредневековым образцам и ориентировочно датируется III-V вв. н.э. К этому же времени, по-видимому, относятся и сами цистерны.

Подобные цистерны, известные по всей территории средневековой Армении, типологически разделяются на две группы – грушевидной и конической формы. Открытые в Аштараке винодавильни с цистернами (Мугну-тар, «Ходжабагер») датируются ранним средневековьем, причем исследователи допускают и более раннюю датировку.⁸² Конструктивно близкие сооружения выявлены в Агараке и относятся уже к античной эпохе.⁸³

Ближайшая территориально к Авану винодельня с цистернами аналогичного типа была исследована Н.М. Токарским в Джрвеже во время раскопок церкви VIII в. Винодельня была выстроена после разрушения церкви на развалинах южной апсиды.⁸⁴ Наибольшая цистерна правильной конусообразной формы имеет глубину в 1,77 м и емкость 273 литра. Несколько винодельческих комплексов с цистернами обоих видов были исследованы в Гарни (X-XIII вв. и XIV-XVI вв.).⁸⁵ Здесь выявлены цистерны как грушевидной, так и строго конической формы, причем некоторые имеют плоское днище без отстойника. Наибольшая глубина гарнийских цистерн – 2,1 метра.

Определенный интерес представляет генезис формы цистерны, которая, возможно, связана с очертаниями хозяйственной ямы. В Армении хозяйственные ямы конической (грушевидной) формы для хранения сыпучих продуктов восходят к III тыс. до н.э (Шенгавит). Следует сказать, что до настоящего времени типология цистерны данного типа прослежена не полностью. Наиболее значительным аналогом за пределами Армении следует считать огромную цистерну

⁸² Հ. Լ. Պետրոսյան, Ս. Գ. Հրոսյան, Հ. Պ. Հակոբյան, Աշտարակի միջնադարյան հնձանները // Հայկական ԽՍՀ-ում 1987-1988 թթ. դաշտային հնագիտական աշխատանքների արդյունքներին նվիրված գիտական նստաշրջան, Ջեկուցումների թեզիսներ, Երևան, 1989, էջ 90-92:

⁸³ Մ. Ս. Аветисян, Предварительные результаты раскопок памятника Агарак // Археология, этнология и фольклористика Кавказа, Ереван, 2003, с. 53.

⁸⁴ Н. М. Токарский, Джрвеж I, Ереван, 1959, с. 22, рис. 9.

⁸⁵ Բ. Ն. Առաքելյան, Գ. Հ. Կարախանյան, Գառնի III, Երևան, 1962, էջ 39-42, նկ. 4:

Ольвийского теменоса, выстроенную по тем же строительным принципам, что и цистерна аванской винодавильни. Цистерна в Ольвии, датируемая III в. до н.э., созданная, как полагают авторы раскопок, для хранения воды, имеет глубину до 9 метров, диаметр в верхней части – 1,5 м, диаметр дна – 3,98 м, диаметр отстойника – 1,24 м, глубина – 0,51 м. Стенки цистерны покрыты светлым известняковым раствором – цемянкой, гидравлического свойства, толщиной от 1,5 см в верхней части, до 3 см – в нижней. Емкость цистерны достигает 50 тыс. литров. Создание цистерны такого объема, как подчеркивают авторы, дело весьма сложное, требовавшее большого искусства, и свидетельствует о высоком строительном мастерстве ольвиополитов в IV-III вв. до н.э.⁸⁶

⁸⁶ Е. И. Леви, Ольвия, Ленинград, 1985, с. 121-122, рис. 121; См. также А.Демирханян, Северо-восток Еревана в эпоху Арташесидов..., табл. 94.

Глава III. МАТЕРИАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Захоронения

На территории поселения обнаружены ингумационные кувшинные погребения, расположенные непосредственно вблизи жилищ. Отдельного некрополя вблизи от поселения пока выявлено не было. Одно из захоронений было открыто на южном раскопе у самой кромки искусственной насыпи. В качестве погребального сосуда была использована ручная маслобойка высотой около 56 см (горловина утрачена), примененная ранее в хозяйственных целях (табл. 31, рис. 2).⁸⁷ Сосуд был размещен вертикально. Верхняя треть тулова была сбита, фрагменты уложены сверху.

В захоронении был выявлен разнообразный погребальный инвентарь, в том числе различные бусы из стекла, камня, пасты и кости (табл. 18, рис. а). Наибольшее число бус (83) принадлежало стеклянным шаровидным бусинам с золотой и серебряной прокладкой. Каменные бусы представлены подпрямоугольными бусами из черного камня (гагата), бусиной из светло-коричневого мраморного оникса, ориентированной по форме на скарабеоид, но с прямоугольным основанием, а также, сердоликовыми бусами разной формы. Две бусины – из синего стекла, относятся к т. н. глазчатым бусам, возможно сирийского или финикийского происхождения. Они типологически различные. В одном случае глазки несколько выступают на поверхности и зрачок охвачен тонким красным ободком. Несколько бусин – из стекла синего, зеленого, желтого и бирюзового цветов напоминают по форме стилизованную амфору, одна бусина из синей стеклянной пасты выполнена в форме условного скарабеоида. Представлены также и пастовые бусины круглой, бочонковидной, биконической и

⁸⁷ С. А. Есаян, А. А. Калантарян, Ошакан I. Основные результаты раскопок 1971-1983 гг., Ереван, 1988, с. 56, Табл. XLVI-1 (Ср. с погребением 37 античного могильника в Ошакане, где также была использована маслобойка).

трубчатой формы. К редким находкам относится бусина, сделанная из зуба благородного оленя.

К инвентарю этого захоронения принадлежали также бронзовый колокольчик полусферической формы и несколько бронзовых браслетов – круглой формы, со змеевидными окончаниями, а также с вогнутой спинкой и простая бронзовая сережка овальной формы. Один из браслетов – малого диаметра, принадлежал ребенку. Последняя находка, а также состав инвентаря указывает на возраст и пол. По ряду признаков погребение относится, очевидно, к последним хронологическим периодам бытования поселения, скорее всего к первой половине I в. н.э. Следует отметить, что захоронения в маслбойке встречаются в античной Армении достаточно редко. Нам известно только одно такое погребение этого периода – в некрополе Ошакана, где сосуд был уложен горизонтально в каменный ящик, сложенный из туфовых блоков (погребение 37).

Кувшинное погребение с парным захоронением было открыто в восточном углу северного раскопа, в 3 метрах к востоку от линии фундаментов верхнего строительного уровня (табл. 14; 15, рис. а, б.). Захоронение было произведено в крупном толстостенном карасе со светло-коричневой поверхностью, имеющей розоватый оттенок (высота караса – 102,5 см, диаметр горловины по краю – 47,2 см, диаметр днища – 18 см, диаметр широкой части тулова – 78 см, толщина стенок – 2 см). Карас был уложен горизонтально с ориентацией север – юг, горловиной в южном направлении и помещен, как уже упоминалось, боковой частью тулова в выемку, сделанную в фрагменте фундамента стены, проходящей наискось к линии основных фундаментов, несколько ниже их основания. Часть караса, его боковая плечевая стенка была отбита для удобства размещения захоронения. Впоследствии, отбитые фрагменты были уложены на прежнее место. По всей линии периметра карас был обложен камнями – кусками рваного известняка, что, помимо укрепления погребения могло выполнять и определенную сакральную функцию, как бы помещая сосуд в круг. Один из костяков, принад-

лежащий женщине 20-25 лет, был уложен на правом боку головой к горлу караса, в скорченном положении с поджатыми ногами, в т. н. позе эмбриона, что означало возвращение в материнское лоно Великой богини-матери, символическую функцию присутствия которой выполнял и сам карас.⁸⁸ Второй костяк сохранился фрагментарно. По всей видимости, он принадлежал девочке-подростку, о чем говорят и детали погребального инвентаря – две серебряные серьги – лунницы, меньшая из которых, судя по размерам, принадлежала ребенку (табл. 18, рис. б). К составу инвентаря погребения относится также небольшое бронзовое колечко со щитком с несохранившимся врезным изображением.

В погребении была найдена, как упоминалось выше, серебряная монета – драхма неопределенного парфянского царя (80-70 гг. до н.э.) (табл.16, рис. а; табл.17, рис. 2).⁸⁹ Монета выполняла функцию т. н. «Обола Харона» и, возможно, являлась перенесенным в Армению элементом греческого погребального обряда, характерного для погребений эллинистического времени. Согласно греческой традиции, монета (обол – мелкая серебряная монета – 1/6 часть драхмы) помещалась во рту или в руке покойного и предназначалась перевозчику мертвых Харону как плата за перевозку души умершего через реку Ахеронт (Стикс) в царство мертвых Аид, охраняемое трехглавым псом Кербером. В Армении обряд имел скорее всего собственные культовые основы. Этот обычай засвидетельствован в разных точках древней Армении – в античных погребениях Арташата, Гарни, Канберкея, Калайчика и в эллинистическом некрополе Кармир-

⁸⁸ Мнение о сакральности скорченного положения покойника в захоронении оспаривается некоторыми исследователями, считающими, что оно продиктовано необходимостью экономии места захоронения и служит социальным показателем (см., например, Н. Kees, *Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Aegypter*. Berlin, 1956, S. 14). Подставка-«подушка», приподнимающая голову усопшего в погребениях древнего Египта, согласно тому же автору, полностью опровергает символическое значение «позы эмбриона», свидетельствуя о том что покойный как бы находится в состоянии сна. Согласно другой точке зрения, скорченное положение усопшего в кувшине можно считать подсказанным его формой и размером (А. И. Нонешвили, *Погребальные обряды народов Закавказья*. Тбилиси, 1992, с. 125). Поскольку грунтовые погребения в «позе эмбриона» известны еще со времени додинастического Египта, здесь возможны также и архаические представления о могиле (яме, сосуде), как материнском лоне.

⁸⁹ D. Sellwood, *An Introduction to the Coinage of Parthia*, London, 1980, p. 96 (Type 30) (30, 14). (Парное кувшинное захоронение было выявлено также в античном Двине (№ 15), Գ. Գ. Քնշարյան, Դժն III, Դժնը անտիկ դարաշրջանում, էջ 28).

блур.

Если монета – «Обол Харона» возможно указывает на заимствованный обычай, то находка в том же захоронении костяного апотропея – фаланги нижней конечности мелкого рогатого скота, украшенной орнаментикой, несущей определенную смысловую нагрузку, говорит о бытовании древнейшей традиции, связанной уже с почитанием традиционных местных божеств. Близкую реплику данному апотропею, найденному в эллинистическом некрополе Кармир-Блур, Г. Тирацян считает отражением «местной традиции».⁹⁰

Данное погребение дает нам информацию о медицине Армении Арташесидской эпохи. В теменной части черепа погребенной в карасе молодой женщины имеется круглое отверстие диаметром 0,5 см. По свидетельству профессора медицины А. Джагаряна, исследовавшего череп, здесь имеет место трепанационное отверстие, поскольку имеются признаки выраженного заживления костной ткани краев отверстия, что говорит о продолжении жизни после осуществления трепанации (табл.28, рис.1). В связи с этим интересно отметить, что ранее, в 1946 году, вблизи территории нынешних раскопок, при прокладке дороги случайно было обнаружено кувшинное захоронение, также выявившее следы аналогичной операции. На этот раз трепанационное отверстие имело не круглую, а прямоугольную форму и было размером в 2 x 4 см (табл. 28, рис. 2). По заключению акад. Л. Оганесяна, опубликовавшего находку, она несомненно свидетельствует об осуществлении операции по трепанации черепа.

В Армении наиболее ранние находки черепных костей со следами трепанации относятся к эпохе ранней (Шенгавит) и поздней бронзы (Лчашен). Следует сказать, что операции по трепанации черепа восходят к первобытным временам, они были широко распространены в древности у разных культур. Интересные примеры древней трепанации с круглыми трепанационными отверс-

⁹⁰ А. А. Вайман, Г. А. Тирацян, Кармир-блурский некрополь эллинистического времени // Լրիվեր (հաւաքական գիտություններ), 1974, № 8, с. 66.

тиями имеются, в частности, в национальном музее Копенгагена.⁹¹

Сохранился инвентарь кувшинного погребения, разрушенного в 1979 году во время земляных работ на западном участке аванского поселения (табл. 19). Инвентарь представлен монетой – драхмой Александра Македонского (табл. 16, рис. б; табл. 17, рис. 1), выполнявшей, по-видимому, роль «Обола Харона», а также геммой-инталией из двухслойного бело-розового халцедона, с врезным изображением собаки, представляющей многогранник «греко-персидского» круга. Там же был найден и второй многогранник – из темного оникса, но без изображения, представляющий собой неиспользованную заготовку для геммы. В захоронении находились также различные бусы – стеклянные с золотой прокладкой, аналогичные бусам, найденным в захоронении в маслбойке, в количестве 47-и, большая сардониковая бусина с темно- и светло-коричневыми прожилками, красная сердоликовая бусина в форме чечевицы, а также, многочисленные бисерные бусы из темно-синего стекла, всевозможные пастовые бусы различных цветов и формы. Кроме того, к инвентарю погребения принадлежал фрагмент железных ножниц и небольшая чернолощенная миска.

⁹¹ В антропологической практике к трепанациям относятся отверстия, сделанные, как с ритуальной, так и с лечебной целью. В любом случае сакральный фон подобных действий не вызывает сомнения. Они могли сочетаться с магическими, обрядовыми церемониями, вписываясь в те или иные ритуалы. Свидетельством магического характера древнейших трепанаций могут выступать т.н. «трепанационные диски», найденные в энеолитических и неолитических свайных сооружениях Западной Европы. Это вырезанные из черепной кости круглые диски с высверленными трепанационными отверстиями, обнаруженные, в частности, и в неолитических погребальных пещерах долины реки Пти-Морен во Франции (Robert Forrer. *Urgeschichte des Europaers*. Stuttgart). 1908, S.238-239, Fig.10-12, S.257, Fig. 159). Трепанации осуществлялись методом высверливания или выскабливания. Считается, что с лечебной целью трепанация производилась при переломах, для лечения опухолей, для удаления осколков костей, при упорных головных болях, эпилепсии и ряде других случаев. Древнейшие трепанации известны с эпохи мезолита. Согласно датировке по С14, материал могильника Тафант в Северной Африке восходит к возрасту 12 тыс. лет. Трепанации производились в разных регионах Евразии в мезолите, неолите и энеолите, как и в последующие эпохи. Имеются данные о применении трепанации для лечения эпилепсии и в народной медицине (Дагестан) вплоть до середины XX века (Л. А. Оганесян. *История медицины в Армении*. Часть первая. Ереван 1946, с. 35-36, рис. 4, 5А, 5Б; *Археологический словарь*. Москва, 1996. с. 251). В Армении трепанация черепа впервые фиксируется в эпоху поздней бронзы в Лчашене. Хронологически последующими за аванской находкой следует считать случаи трепанации, выявленные в могильнике античного Ширакавана – II-III вв.н.э. (А. Ю. Худавердян. *Атлас палеопатологических находок на территории Армении*. Ереван, 2005, с. 261-264). Древним трепанациям посвящена обширная литература, в том числе докторская диссертация М. Б. Медниковой «Трепанация у древних народов Евразии, как исторический источник» (Москва, 2002 г.), см. также: М. Б. Медникова. *Трепанации в древнем мире и культ головы*. Москва, 2004; ее же, *Трепанация у древних народов*. Москва, 2001.

Карасные захоронения, имеют в Армении давние традиции и находят обширные аналогии в памятниках эпохи эллинизма. Армения является древнейшим в регионе очагом кувшинных погребений. Как отмечает А. И. Нонешвили, "...самую раннюю хронологическую группу составляют карасные погребения VIII-VII вв. до н.э., обнаруженные в Аргиштихинили (Армения)."⁹² Обычай хоронить усопших в кувшинах является элементом древних цивилизаций и был распространен у разных народов мира. Древнейшие кувшинные погребения относятся к додинастическому Египту, где они датируются IV тыс. до н.э.

Статуэтки (идолы) из фаланговых костей конечностей мелкого и крупного рогатого скота

К инвентарю кувшинного погребения Аванского античного поселения относится предмет, проливающий определенный свет на религиозно-символические представления эллинистической Армении. Это – сделанная из фаланговой кости конечностей овцы (козы) **идол-подвеска** (табл. 88). Уже сами морфологические признаки фаланговой кости овцы, ее форма, напоминающая четырехгранную пирамидку, увенчанную головкой с двумя выемками – «ушами» по боковым сторонам и двумя небольшими выступами – «ногами» в нижней части фигурки, придающими ей антропоморфные черты, как бы является уменьшенным природным воплощением известных в археологии Армении рукотворных каменных изваяний.

Эти монументальные идолы, сочетающие в себе признаки обоих полов, представляли собой символическую иллюстрацию одного из основных мифопоэтических представлений древнего мира – рождение божества демиурга,

⁹² А. И. Нонешвили, Погребальные обряды народов Закавказья, Тбилиси, 1992, с. 126,

образующего центр мира в трехчастной модели мироздания и обладающего умирающей и возрождающейся природой. Моделирующий эти представления идеологический архетип реализовывался в сознании древнего человека в едином изобразительном сочетании⁹³ – в виде женского начала (Великой богини-матери), порождающего утверждающее миропорядок мужское божество, преломляясь при этом через традиционный символический репертуар, сложившийся в ту или иную эпоху у разных обществ.

Потребность в реализации этой магической формулы, носившей глобальный характер, как основной гарант сохранения рода послужила, по-видимому, импульсом к возникновению разных видов искусства, в которых эта идея могла наглядно выражаться – в музыке и хореографии, графике и пластике, архитектуре и т.п.

Есть все основания утверждать, что описываемый архетип был заложен в основу древнейших музыкальных инструментов, превращая их как бы в звучащий символ первобытной идеологии. Возможности «музыкальной реализации» таких инструментов, т.е. создаваемое ими музыкальное действие, сакрально не должно было противоречить семантике формы самого инструмента, каковыми были, например, музыкальный лук, лира, лютня и др.⁹⁴

В пластическом выражении «мужская составляющая» этого условно двуполого образа олицетворялась, в том числе, и в виде фаллических представлений, переданных рукотворно – в виде изваяний, отдельно или же в сочетании с женским образом, в той или иной степени условности, согласуясь с современной

⁹³ Об общей схеме этого порождающего архетипа см. А. Р. Демирханян, *К проблеме символики трехчастных композиций Древней Армении* // Պիտմա-րմիաիրական հանդես, 1982, № 4, с. 154-164. Некоторые частные проявления этой схемы в свое время заметил А. Ш. Мнацаканян на примере армянского орнаментального искусства – см. Ա. Շ. Մնացականյան, Հայկական զարդարվեստ. Հիմնական մոտիվների ծագումն ու զարգացման րովանդակությունը, Երևան, 1955.

⁹⁴ См. А. Демирханян, Б. Фролов, Предпосылки становления ранних форм музыкальной культуры в первобытном обществе // Конференция «Проблемы генезиса и специфики ранних форм музыкальной культуры», Тезисы докладов, Ереван, 1986, с. 30; А. Демирханян, Б. Фролов, Ритм и символ в первобытном искусстве // Պիտմա-րմիաիրական հանդես, 1986, № 3, с. 150-168.

изобразительной традицией.⁹⁵

Параллельно существовали также те или иные естественные, природные подобия сакральному канону. Таковыми могли быть выступы скал, возвышенности и горы, конические контуры которых, устремленные вверх к небу, ассоциировались у древних с пластическим сакральным аналогом. К ним примыкали и искусственные возвышенности – курганы, создающие совместно с самим погребением (могильной ямой, погребальным сосудом, урной и т.п.) требуемое сочетание обоих полов, параллельно выступающее и в иной знаковой системе – в символике конических очертаний самого кургана, гарантируя тем самым возрождение покойного.

Подобно тому, как это имело место в наиболее значительных созданных человеком воплощениях архетипа – монументальной формы реализации древнейшей и наиважнейшей жизнеутверждающей идеи – пирамидах древнего Египта, где вершина особо выделялась от общей конструкции всего сооружения (пирамидион – бенбенет, считавшийся наиболее священной частью пирамиды), в Армении погребения сопровождалась фаллическими скульптурами или же иными идолами, где фаллос выступал совместно с женским материнским началом в едином художественном образе (например, в Карашамбе (см. табл. 87, рис. 2)).⁹⁶

В Армении присутствие фаллического культа фиксируется уже в эпоху ранней бронзы, сохраняясь в ярких примерах и в последующие эпохи. Культ фаллоса находит отражение в восходящем к этой же эпохе памятнике словесности – «Гимне о Ваagne», одном из древнейших космогонических гимнов, сохранившемся у Мовсеса Хоренаци в его Истории (сравните с тростником, как

⁹⁵ А. Р. Демирханян, К мифопоэтическим истокам геральдических композиций // Культурное наследие Востока, Л., 1985, с. 131-144, см. также другие работы того же автора.

⁹⁶ Культ фаллоса, имеющий общечеловеческое значение и неразделимый с его «материнской основой», возникает еще в эпоху верхнего палеолита. Так, во Франции, в пещере Тюк Д Ордуберт находят фигурки, изображение фаллоса, датируемые эпохой ориньяк. Функцию женского порождающего начала здесь могла выполнять сама пещера как «лоно». К этому же времени относятся и первые находки «двуполых» скульптур. Примеры присутствия фаллического культа в эпоху палеолита многочисленны и достаточно выразительны (См. также М. А. Дикова, О первобытном искусстве и этических принципах научной дискуссии: диалог с оппонентом, <http://www.komgpu.ru/catalog>).

символом Осириса и Таммуза (Даммузи) в Египте и Междуречье), олицетворяющего здесь скорее всего умирающего и воскресающего бога Ара.⁹⁷ В эпоху эллинизма фаллические представления, имевшие глубинный символический смысл, насчитывающие предысторию многих тысячелетий, бытуют уже в пережиточной форме, связываясь с тем или иным божеством, как это имеет место в античном мире.⁹⁸ В древней Армении наряду с отдельными каменными изваяниями, как собственно фаллическими, где доминирует «мужская составляющая» (т.н. «каменные фаллосы», изваяния рыб с фаллическим смыслом и соответствующими морфологическими признаками – «вишапов», каменные столбики-фаллосы (Ошакан)⁹⁹ и т.д.), бытуют и всевозможные идолы, где фаллос – мужское божество – выступает в своей глубинной архетипической форме – совместно с породившим его женским божеством в виде условно двуполох идов с женской основой-туловищем (в знаковой, треугольно-конической, или же в сюжетной, антропоморфной, формах, образуя множество промежуточных вариантов). Навершие – «голова» таких изваяний имеет фалломорфное очертание. Как говорилось выше, к подобным каменным изваяниям можно отнести, например, идолы, найденные в Карашамбе и Аване, датируемые III-II тыс. до н.э. (табл. 87, рис.1,2). Таковы и идолы-подвески из

⁹⁷ Культ фаллоса прослеживается в древнейших мифопоэтических представлениях армян об умирающем и воскресающем боге Ара (см. А. Р. Демирханян, Новая интерпретация «Гимна Ваагну», с. 68-69). На это указывает уже сама этимология имени Ара, имеющем, как известно, общеиндоевропейскую основу – корень *AR* и обозначающем ряд образов с фаллической окраской (ср., например, сопоставимый образ солярного божества Ярило у славян, толкуемого нередко как и Ара, и как божество весеннего возрождения природы, а также, например, в русском языке слово «орало» – плуг, оплодотворяющий землю и т.д.). Корень *ar* (*ar*) у армян (как и в санскрите) используется для обозначения солнца – *arev* – *aravot* (утро) – «поднимающееся, встающее солнце».

⁹⁸ В Греции, где фаллос, по свидетельству Геродота и других авторов, например, – символ Диониса. Итифаллическое божество Приап (изначально собственно фаллос) именовалось иногда *triphallus*, где фаллосом считалась и голова Приапа, которой придавалась соответствующая форма (М. Пруссак, *Древо жизни* (к истории культа фаллоса), Москва, 1928). В Римскую эпоху фаллическая основа усматривается в имени бога Эроса, возможно, трансформации армянского Ара (-Ар-Эр-), где индоевропейский корень -Ар- или -Эр- связан с представлениями, имеющими фаллический смысл, в том числе обозначающими рост растения, прыжок, плуг, фаллос и т.п. (вспомним здесь и Эра-армянина, упоминаемого Платоном, который воскрешает после сожжения). К подобному осмыслению близки и названия гор или рек (Арагат, Аракс и т.п.), как содержащие в себе идею сакрального космологического вектора, независимо от того, в какой плоскости этот вектор функционирует. В античности наделенное определенным символическим смыслом изображение фаллоса существует во всевозможных олицетворениях – в том числе в виде оберегов, различных бус и подвесок, стел и памятников, герм и т.п., что ярко иллюстрирует, например, археология Северного Причерноморья.

⁹⁹ С. А. Есаян, А. А. Калантарян, Ошакан I, Основные результаты раскопок 1971-1983 гг., с. 46-47.

эллинистического слоя Аванского поселения, природной основой для которых послужили фаланги-конечности овцы (козы) и оленя – представителей фауны, несомненно имеющих собственный сакральный фон – как жертвенного животного, издревле олицетворяющего человека–«праведника», которому предстоит обряд «ПЕРЕХОДА» от жизни к смерти и новой жизни. Этот аспект представителей фауны, как символических образов очевидно инициационных и погребальных ритуалов, ярко и убедительно иллюстрируют петроглифы Армении, смысл которых во многом определяется аллегорическим моделированием смерти и нового рождения, как возрождения солнечного светила.

Коллекция костяных идолов-фаланг, найденных во время раскопок Аванского эллинистического поселения и исследования нижнего культурного слоя, датируемого эпохой ранней бронзы, представлена четырьмя предметами, один из которых (табл. 88, рис. 1) найден в кувшинном погребении совместно с другими предметами погребального инвентаря, в том числе и парфянской монетой I в. до н.э. Два других идольчика (табл. 88, рис. 3, 4), представляющих собой, как и первый, фаланги мелкого рогатого скота, найдены в культурном слое эллинистического поселения отдельно. Наконец, четвертый предмет (табл. 88, рис. 2), выявлен при изучении нижнего раннебронзового слоя и является фалангой конечности благородного оленя (*Cervus elaphus*). Первые два предмета (1 и 4) имеют отверстия для подвешивания и их можно определить как идолы-подвески, у двух остальных (2 и 3) эти отверстия отсутствуют и их можно отнести к идолам стационарного типа. Идольчик (1) из кувшинного погребения имеет гладко отполированную поверхность. Примерно посередине ее «фронтальной» грани нанесена поперечная горизонтальная насечка, как бы отделяющая «головку» от «туловища», имеющая характерный для первобытной антропоморфной скульптуры инвариантный признак. Чуть ниже ее имеются еще две параллельные насечки, но меньшей длины. В головке идола-фаланги имеется продольное сквозное отверстие, функционально связанное с подвешиванием фигурки и

одновременно как бы обозначающее ее «уши». Другое сквозное отверстие, сообщающееся с отверстием в «основании» фигурки, имеющее правильную овальную форму, помимо своей возможной функции – для подвешивания к низу чего-либо, имеет и бесспорную символическую нагрузку полового признака – как обозначение женского начала. «Спинка» идола-подвески орнаментирована семью горизонтальными насечками.

О том, что этот признак не может быть случайным, свидетельствует находка фаланговой подвески в некрополе Бениамина эллинистического периода,¹⁰⁰ спинка которой также украшена семью поперечными насечками. Таким образом, сакральное значение апотропея однозначно связывается с символикой числа СЕМЬ, имеющего важный смысл в верованиях древних армян и сохранившего свое значение на этнографическом уровне – в ритуальной кукле «Аклатиз»,¹⁰¹ символически родственной рассматриваемым фаланговым апотропеям. Как известно, число семь играло важную роль в религиозно-мифологических и магических представлениях многих обществ, например в Египте и Вавилоне.¹⁰²

Особенно важно подчеркнуть, что число семь составляет семь основных координат мирового дерева и космологического пространства, символизируемого им – (верх, центр, низ, север, восток, юг, запад). Благодаря числу семь сакральное

¹⁰⁰ L. Եգանյան, Անտիկ Շիրակի ուլունքները // Գիտական աշխատություններ, VII, Գյումրի, 2004, էջ 49-56, տախտ. IV:

¹⁰¹ Э. Петросян, Боги и ритуалы древней Армении, Ереван, 2004, с. 189-241.

¹⁰² В древневавилонском эпосе о сотворении мира, например, упоминается о семи духах бури, семи злых болезнях, семи областях подземного мира, закрытых семью дверьми, семи поясах надземного мира и неба и множество иных ассоциаций, память о которых дожила до современности. Число семь, согласно Л. Торндайк, носило повсеместно священный и мистический характер, считаясь совершенным и обладающим мистической силой. (В этой связи нельзя не упомянуть одну из наиболее выдающихся археологических находок в Армении последних лет – святилище, храм солнца, на вершине горы Мец Сепасар в Шираке, раскопанное и опубликованное Ларисой Еганян. На солярный характер памятника указывают его расположение на вершине конусообразного холма, доминирующий цвет интерьера – красный, характеризующий сакральную функцию его внутреннего пространства и, наконец, семь захоронений волков, выявленных внутри святилища, что отражает его космогонический характер, один из аспектов которого связан с солярными ритмами) (Л. Еганян, Памятник раннебронзового периода Мец Сепасар в контексте индоевропейских верований и ритуалов // Труды маргианской археологической экспедиции, Том 4, Москва, 2012, с. 272-290; Եգանյան Լ., Շուր և ձիւ անտիկ Բենիամինի բաղնիքի ծեսունը // Գիտական աշխատություններ, I, Գյումրի, 1998, էջ 43-56: См. также А. Демирханян, Б. Фролов, Первобытная символика вертикали // Պատմա-բանասիրական հանդես, 1985, № 3, с. 58-66, а также тех же авторов, Ритм и символ в первобытном искусстве // Պատմա-բանասիրական հանդես, 1986, № 3, с. 150-168; см. также примеры, когда солнце оказывается на вершине мирового дерева, например, в космогоническом гимне «Песнь о Ваагне»; L. Thorndike, A History of Magic and Experimental Science. V 1-8, London, 1923-1941, V. 2, p. 47).

пространство приобретало черты идеально организованной системы (как форма структурированного космоса).¹⁰³ Таким образом, можно утверждать, что семь насечек на спинке костяного амулета-идола гармонично перекликалось с общей семантикой его морфологических признаков, обозначая провозглашаемые им важнейшие идеи уже в ином кодовом выражении. В иконографии западного митраизма, которая могла сформироваться в Армении и восточной части Малой Азии, возможно в Митанни, на что указывают прямые иконографические параллели, число «семь» могло ассоциироваться и с семью воротами, олицетворяющими семь небесных сфер, через которые должна пройти душа умершего после смерти, как это представлялось, например, на мозаике митреума в Остии.

Ближайшую типологическую аналогию аванскому предмету составляет находка в эллинистическом некрополе Кармир-блур, которую Г. Тирацян считает признаком местной традиции.¹⁰⁴ Как и на аванском образце (1), кармирблурский идольчик снабжен двумя поперечными горизонтальными бороздками, как бы разделяющими «тулово» на две части. В головке также имеется аналогичное сквозное отверстие – «уши» для подвешивания. Второе отверстие – на фронтальной стороне – проделано на этот раз в верхней трети фигурки и имеет сквозной выход сверху. Находка датируется II-I вв. до н.э. и принадлежит к погребальному инвентарю захоронения в сооружении, напоминающем каменный ящик. Здесь мы вновь сталкиваемся с тем же признаком, который мы наблюдали на находке из кувшинного погребения Аванского поселения. Речь идет об упомянутых выше поперечных насечках сверху на фронтальной поверхности «статуэтки» – идола, как бы выделяющих верхнюю часть предмета. Это, как уже

¹⁰³ Число СЕМЬ, согласно В.Топорову, характеризует общую идею вселенной, константу мироздания, объединяя стабильность макро и микрокосма. В этом смысле число СЕМЬ может выступать гарантом стабильности микрокосма, сочетаясь с гарантирующим порядок в микрокосме солнечным круговоротом (В. Н. Топоров, К происхождению некоторых поэтических символов, в сборнике – Ранние формы искусства, Москва, 1972, с. 95., его же, Числа, Мифы народов мира, т. 2, Москва, 1982, с. 629-631; О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста, Москва, 1980, с. 3-58)..

¹⁰⁴ А.А. Вайман, Г.А.Тирацян, Кармир-блурский некрополь эллинистического времени, с. 60-70.

говорилось ранее, специальный изобразительный прием для выделения вершины – канонический признак, имеющий глубочайшие истоки, хорошо прослеживаемый в скульптуре и более ранних эпох. Этот важнейший инвариантный признак, сохранившийся как пережиток древнейшей изобразительной традиции, подчеркивает фаллическую основу образа, указывая при этом на его сакральную предысторию. Определенное сходство во внешнем оформлении двух описанных выше предметов, имеющих непосредственное отношение к народным верованиям, близость места находок – Кармир-блур и Аван (доминирующие холмы расположены в зоне прямой видимости), относительная синхронность сопутствующего инвентаря двух погребений, возможно, позволяют предположить наличие общего культового центра, где эти амулеты-идолы изготовлялись и «освящались».

Аналогом двум вышеупомянутым, следует назвать находку из эллинистического погребения в Джрарате, также проиллюстрированную Г. Тирацяном.¹⁰⁵ Как и в двух описанных ранее предметах, костяной идолчик из Джрарата имеет два сквозных отверстия для подвешивания, (уши) по боковым сторонам головки. Кроме того, по всей высоте фаланги проделаны три правильных сквозных отверстия (к сожалению, на иллюстрации видна только одна «боковая» грань амулета и мы ничего не можем сказать о деталях обработки его остальной поверхности).

Интересные данные о находках фаланговых подвесок в захоронениях античного Ширака (поселение Бениамин) (I в. до н.э. – II в. н.э.) приводит Л. Еганян. Как считает исследователь, фаланги конечностей мелкого рогатого скота использовались как бусы в погребениях бедных слоев населения. Ожерелье из двух рядов нескольких десятков фаланг были найдены в погребении 195 античного некрополя Бениамина (на иллюстрации мы насчитали 45 подвесок).

¹⁰⁵ Г. А. Тирацян, Культура древней Армении, табл. V.

Помимо отверстий для подвешивания на некоторых предметах имелись и другие отверстия. На нескольких фалангах были узоры в виде поперечных насечек. Одна из фаланг, как уже упоминалось ранее, имела на спинке семь поперечных насечек, как и аванская находка. Фаланги были обнаружены также и в захоронении 182 (по илл. – 5 предметов). Как замечает Л. Еганян, «подобные предметы встречаются в захоронениях разных эпох и не могут служить датирующим фактором». Нам представляется знаменательным тот факт, что многие фаланги, так же как в Аване и Кармирблурском некрополе, имели ряд поперечных насечек, что подтверждает инвариантность и неслучайный характер этого признака в античную эпоху.

В культурных наслоениях исследуемого в Аване памятника, как уже упоминалось, выявлены еще три аналогичных костяных амулета. Два из них (табл. 88, рис. 3, 4) выполнены из фаланг мелкого рогатого скота – козы или овцы, для третьего же (табл. 88, рис. 2), использована фаланговая кость конечности благородного оленя. На предмете (табл. 88, рис. 4) в верхней трети фронтальной поверхности, чуть ниже «головки» проделано круглое сквозное отверстие правильной формы диаметром в 0,6 см, которое помимо функциональной – для подвешивания, носило и символическую нагрузку, подчеркивая культовый характер предмета, сама форма которого должна была быть уже достаточно информативной и вызывать необходимые ассоциации. Вспомним здесь погребальные сосуды – урны, наделенные определенным смыслом (сосуд – как возрождающее лоно), сакральность которых как бы усиливалась донными и иногда боковыми отверстиями, как традиционными признаками присутствия женского божества.

На третьем амулете (рис. 3) отверстия для подвешивания отсутствуют. Небольшое отверстие (1,5 мм) проделано лишь в основании, на «донной» поверхности. Фрагментарно сохранились следы полировки.

Значительный интерес представляет четвертый амулет (рис. 2), офор-

мленный из фаланговой кости нижней конечности благородного оленя, который выглядит значительно крупнее и массивнее эллинистических образцов, образованных из кости мелкого рогатого скота. Амулет выявлен во время изучения контрольного шурфа в культурном слое раннебронзового времени совместно с обсидиановыми поделками. Высота предмета – 6 см. Амулет носит «стационарный характер», о чем свидетельствует отсутствие сквозных отверстий для подвешивания. Поверхность местами сохранила следы полировки. На фронтальной грани заметны следы поперечных насечек. Отверстие, имеющее скорее ромбовидную форму (1х0,8 см), проделано на обратной стороне фигурки, в верхней трети поверхности. Тот факт, что амулет не подвешивался, а располагался стационарно, подчеркивает, на наш взгляд, его сакральную актуальность и востребованность.

Находки этих предметов с близкими типологическими признаками в культурных наслоениях, хронологически разделенных двумя тысячелетиями, свидетельствуют о глубокой традиционности этих простых народных амулетов, преемственности их почитания. Об устойчивом характере традиции и ее хронологической последовательности говорят находки аналогов в армянских памятниках более ранних эпох, в частности, раннего Ервандидского времени (VI-IV вв. до н.э.). Как считает И. Карапетян, «обереги, сделанные из фаланги овцы были популярны в эту эпоху – они снабжались отверстием для подвешивания и слегка полировались...– использовались против злых сил, дурного глаза (сглаза) и как атрибут гадания».¹⁰⁶ Этим же автором иллюстрируются и другие находки небольших подвесок фаллического смысла, но сработанных из другого материала.

О распространении и значении фаллических культов в предшествующую эпоху – во время сосуществования т.н. «дворцовой» или урартской культуры в цитаделях и традиционной местной культуры в рядовых поселениях,

¹⁰⁶ Ի. Ա. Շարափեղյան, Հայաստանի նյութական մշակույթը մ.թ.ա. VI-IV դդ., աղ. 54, 12:

свидетельствуют находки разнообразных каменных фаллосов, в том числе и на территории крепости Эребуни.

Рассматриваемые нами артефакты – костяные идольчики, созданные на основе фаланги конечностей мелкого рогатого скота, представлены великолепными экспонатами, датируемыми уже эпохой поздней бронзы и раннего железа. Это находки А. Мнацаканяна на территории Севанской крепости в селении Лчашен (хранятся в фондах Института зоологии НАН РА) (табл. 89, рис. 3). На этот раз для оформления идолов использованы первые фаланги конечностей крупного рогатого скота – коровы или быка. Как и описанная выше находка идола из фаланги благородного оленя, относящаяся к раннебронзовому слою Аванского поселения, лчашенские предметы намного крупнее и монументальнее маленьких идольчиков, выполненных из овечьих конечностей. Высота их составляет 5-5,5 см. Один экземпляр имеет сквозное отверстие правильной круглой формы диаметром в 1 см, соединяющее переднюю и тыльную грань в верхней трети объема. Остальные два предмета, как и фаланга оленя из Авана, снабжены отверстием только с одной стороны. В одном случае оно более овальной формы, в другом ближе к квадрату. Диаметр – 1,5-1,3 см.

К эпохе поздней бронзы и раннего железа относятся и находки трех фаланг на территории поселения древнего Ширакавана.¹⁰⁷ Два предмета найдены в культурном слое при исследовании контрольного шурфа. Высота – около 4 см. В головке просверлено сквозное боковое отверстие. Вид не определен. Третий предмет, выявленный при раскопках жилища, представляет собой фалангу конечности, скорее всего благородного оленя (высота кости превышает 6 см). В головке имеется сквозное отверстие. Особый интерес представляет обработка поверхности. Грани ее аккуратно выровнены и уплощены так, что кость приобрела вид, приближающийся к форме четырехгранной пирамидки, увенчанной кольце-

¹⁰⁷ Ռ. Մ. Թորոսյան, Օ. Ս. Խնկիկյան. Լ. Ա. Պետրոսյան, Հին Շիրակական (1977-1981 թթ. պեղումների արդյունքները), Երևան, 2002, աղ. LII, 7

видной головкой.

Итак, период бытования в Армении соотносимых по форме культовых предметов, природной основой, материалом для изготовления которых послужили фаланги конечностей благородного оленя, быка (или коровы), а также овцы (или козы) от эпохи ранней бронзы – до античности насчитывает уже три тысячелетия. Несмотря на то что используются кости разных животных, становится ясно, что здесь приоритетна форма, а не только порода используемого животного. Отчетливо выступает один из древнейших и важнейших в культуре первобытного мира принцип подобия. Это поиск в живой и неживой природе природных аналогов наиболее актуальным и информативным символам – знаковым системам – идеологическим формулам, имеющим универсальное, общечеловеческое значение. Смысл этих формул, гарантировавших древним устойчивый миропорядок и как следствие – невымирание рода, не вызывает сомнения. Как уже говорилось ранее, этот мировоззренческий принцип прослеживается на широком круге памятников разных эпох и культур, уводя нас своими истоками к ранним формам изобразительной деятельности человека. Использование костей продолговатой формы (животных) с проделанными в них отверстиями, как признаками сочетания обоих полов, известно со времен верхнего палеолита. Такие артефакты названы условно «жезлы начальников».

Хронологические параллели к рассмотренному выше амулету из фаланговой кости оленя, найденного в раннебронзовых наслоениях аванского памятника, составляют три предмета, выявленные С. Сардаряном при раскопках жилищ поселения Шенгавит и относящиеся к III тыс. до н.э. Все три шенгавитских амулета выполнены на основе нижних фаланговых костей крупного рогатого скота – быка или коровы. Высота – 6.5 см. Сквозные отверстия диаметром примерно в 1,3 см расположены по центру фигурок¹⁰⁸ (табл. 89, рис. 1).

Массовая находка амулетов, изготовленных из фаланговых костей

¹⁰⁸ См. фонды Института зоологии НАН РА. (Фонд С. Сардаряна по раскопкам Шенгавита)

благородного оленя, принадлежащая также к раннебронзовой культуре шенгавитского типа, относится к поселению близ Ванадзора. Вблизи сложенного из камней четырехугольного очага были обнаружены четыре полуобгорелых оленьих рога и 23 фаланги оленей, из которых 19 имели «ушные» сквозные отверстия для подвешивания. Нам представляется, что очаг, фаланги и рога оленя, имеющие самостоятельное символическое значение, могли находиться в сакральной взаимосвязи как атрибуты обрядово-магического характера.¹⁰⁹ Э. Ханзадян указывает на хронологические и типологические аналоги фаланговым амулетам из вышеупомянутого близ Ванадзора поселения, а также найденных при раскопках в Сюнике (М. Асратян), Эларе (Абовян) и Гарни (Э. Ханзадян) и т.д..¹¹⁰

Особое место среди рассматриваемых амулетов–фаланг занимают находки двух костяных идолов в раннебронзовом поселении на территории Гарни.¹¹¹ Эти предметы сделаны из фаланг нижних конечностей благородного оленя, как и амулеты, датируемые эпохой ранней бронзы из Авана и др.. Высота обоих амулетов из Гарни составляет 5 см. Поверхность уплощена так же, как и на описанном выше амулете из Ширакавана, датируемого эпохой поздней бронзы и раннего железа. В головках имеются сквозные отверстия для подвешивания. Кроме того, отверстия имеются в нижней части боковой грани одной и вверху фронтальной грани второй фигурки. Примечательным здесь является то, что эти амулеты снабжены общими деталями обработки поверхности, проливающими дополнительный свет на семантику предметов, убедительно подтверждая нашу позицию об антропоморфности и условно двуполом характере статуэток, представленных фалангами конечностей малого и крупного рогатого скота и благородного оленя. Речь идет о дополнительном обозначении половых призна-

¹⁰⁹ См., например, В. В. Янкевич, Конь как эманация огня (Словарь Дома Сварога, Славянская и Русская языческая мифология) [http; //pagan.ru/slowar/k/koner12.php](http://pagan.ru/slowar/k/koner12.php).; А. Л. Баркова, Работы по общей мифологии. (Роль оленя в мифологическом универсуме), <http://mith.ru>alb/mith/deer.htm>.

¹¹⁰ Э. В. Ханзадян, Энеолитическое поселение близ Кировакана // Советская археология, 1963, N 1, с. 152-161.

¹¹¹ Է. Վ. Խանզադյան, Գանձի IV (1949-1966 թթ. պեղումների արդյունքներ), Երևան, 1969, էջ 34, նկ. 25:

ков, информация о которых уже заключена в самой морфологии фаланговой кости и усилена сакральными отверстиями на ее поверхности. В нижней передней грани обеих фигурок проделаны выемки овальной формы на одной и треугольно-остроконечной на другой, которые отчетливо символизируют признаки женского пола. В головках амулетов, в свою очередь, обозначена продольная вертикальная бороздка, подчеркивающая ее фалломорфность и также отчетливо указывающая на признак мужского пола.

Упомянем также и материал из поселения Карнут (вторая половина III тыс. – конец III тыс. до н.э., раскопки Т. Хачатряна, фонды Института зоологии НАН РА) (табл. 89, рис. 4). Интерес представляют три фаланги нижних конечностей – две мелкого рогатого скота и одна – свиньи (что можно считать случайностью). Все фаланги мелкого рогатого скота имеют отверстие в основании (широкой части). Одно отверстие сквозное, на другой фаланге же – несквозное. Фаланга свиньи имеет отверстие в узкой части – вверху.

Подобные артефакты характерны и для раннебронзового поселения Сос(и), – близ Карин-Эрзерума в западной части Армянского нагорья. Здесь выявлены фаланговые кости благородного оленя со сквозным отверстием в центре фигурки. Высота – 5,5 см.¹¹²

Наиболее ранний предмет рассматриваемого типологического ряда относится к эпохе неолита, к VI-V тыс. до н.э. Это – идол-амулет из фаланги быка (коровы), найденный Р. Торосяном во время раскопок неолитического поселения близ села Цахкунк в Эчмиадзинском районе. Высота фаланговой кости составляет около 7 см. Несквозное отверстие диаметром в 1,5 см проделано в центре фигурки (см. фонды Института зоологии НАН РА) (Табл. 89, рис. 2).

¹¹² Армянское название историко-археологического памятника Соси в турецких и других иностранных изданиях приводится в искаженной форме “Sos Hoyuk” (A. Sagona, Cl. Sagona and H. Ozkoruruklu. Excavations at Sos Hoyuk, 1994 // *Anatolian Studies*, Vol. XLV, 1995, p. 212, Fig. 15, 6)

Итак, перед нами панорама пятитысячелетней традиции. Находки типологически близких предметов – идолов-амулетов, природным материалом для которых послужили фаланги нижних конечностей мелкого и крупного рогатого скота и благородного оленя, – в культурных наслоениях разных археологических памятников Армении от эллинистической эпохи до эпохи неолита, убедительно доказывают непрерывную преемственность этой традиции, необычайную устойчивость сакральной ауры, связанной с памятником народных верований, принцип оформления которого не менялся в течение тысячелетий. О значимости рассмотренных выше идолов-амулетов говорят и находки близких по форме подвесок из драгоценных металлов – золота и серебра, относящиеся к III и II тыс. до н.э.¹¹³ Типологически близкий предмет – бронзовая подвеска с отверстием была выявлена в культурных наслоениях IX в. средневекового Двина,¹¹⁴ представляя собой позднейшую реплику, очевидно, самого популярного в Армении «народного» амулета–оберега, история которого насчитывает здесь более пяти тысячелетий.

Геммы

Археологический материал Аванского поселения дает определенную информацию о глиптике Армении в эпоху эллинизма. Это – найденная в инвентаре разрушенного кувшинного погребения гемма-инталия с изображением собаки, а также оттиск печати (клейма) на ручке кувшина, выявленной в культурном слое западного раскопа, на котором также изображена собака (табл. 25). Кроме того, вместе с инталией была обнаружена заготовка для геммы – многогранник из мраморного оникса, на поверхности которого еще не успели вырезать изображение.

¹¹³ Հին Հայաստանի ոսկին (Վ.թ.ա. III հազարամյակ – Վ.թ. XIV դար), Երևան, 2007, աղ. XXXIII:

¹¹⁴ Н. Акопян, Раскопки центрального квартала // Двин IV, Город Двин и его раскопки (1981-85). Ереван, 2008, Табл. XVI, рис. 6.

Гемма-инталия представляет собой классический образец печати-многогранника, происхождение которого связывается с традициями малоазийских центров изготовления каменных печатей (табл. 25, рис. 1). Об этом помимо формы говорят и особенности – признаки применения восточной техники «круглого сверла». Этой технике свойственно сохранение на вырезанном изображении углубленных кружков – следов использования круглого сверла, т.н. рундперля. Специальное сохранение этих кружков – характерная черта древней месопотамской и малоазийской глиптики с конца V в. до н.э. В глиптике островной Ионии и на материке границы таких кружков всегда тщательно выравнивались и сглаживались. В использовании этого технического приема, видимо, сказались малоазийские ремесленные традиции, воспринятые греческими мастерами. Анализ композиционных и стилистических особенностей изображений, а также техника их изготовления позволили исследователям обозначить их как изделия «греко-персидского» круга (А. Фуртвенглер). М.Н. Максимова считает авторами «греко-персидских» гемм персидских мастеров, претерпевших сильное воздействие со стороны греческого искусства. Н. Никулина называет их «одним из образцов искусства персидской периферии»¹¹⁵ (ряд исследователей не исключают и местных, армянских очагов производства не только стеклянных имитаций, но и некоторых каменных гемм «греко-персидского» стиля).¹¹⁶

Именно к этому кругу печатей относится печать-многогранник Аванского эллинистического поселения. Кружки-углубления, следы работы круглого сверла отчетливо прослеживаются в оформлении окончаний конечностей-лап резного изображения собаки, представленного на плоскости многогранника. Материалом для изготовления геммы послужил бело-розовый двухслойный халцедон с преобладанием нежного розового оттенка. Размеры плоскости с изображением – 1 x 0,65 см. Размер изображения по горизонтали – 0,5 см. Высота многогранника –

¹¹⁵ Н. М. Никулина, К вопросу о «восточногреческом» и «греко-персидском» искусстве (по материалам глиптики V-IV вв. до н.э.) // Вестник древней истории, 1969, № 3, с. 106-120.

¹¹⁶ Ж. Д. Хачатрян, Гарни V, с. 127-131; А. Б. Манукян, Глиптика древней Армении, с. 17.

0,6 см. Высота боковых граней – 0,4 см. Изображение отличается тщательной разработкой деталей и реалистичностью передачи натуры. Прямые передние лапы расставлены, правая слегка приподнята. Согнутые в суставах задние лапы также расставлены и немного выдвинуты вперед. Загнутый кверху хвост повернут к спине. Детали его разработаны с особой тщательностью – пушистый мех хвоста передан в виде гребешка с подтреугольными завершениями. Морда вытянута вперед и удлинена. Четко прочерчена прямая линия пасти. Уши приподняты вверх и заострены. Реалистичность изображения собаки позволяет предположительно отнести ее к породе шпиц. (к такому выводу приходят исследователи халцедонового многогранника из парижской национальной библиотеки, на верхней грани которого передан близкий образ,¹¹⁷ несомненно, восходящий по композиционному решению к общему каноническому прототипу).

Печать, при помощи которой был сделан оттиск на ручке кувшина, типологически отличается от предшествующей (табл. 25, рис. 2). Размеры и форма ее скорее восходят к традициям печатей-клеим сиро-хеттского круга.¹¹⁸ Она подпрямоугольной формы, размеры оттиска – 0,83 см 0,62 см. Верхняя и нижняя стороны выявляют легкий овальный изгиб. Изображение вытянуто по вертикали и занимает всю рабочую поверхность печати. В отличие от геммы-инталии, где подчеркнуты детали, здесь тема передана условно. Моделировка форм схематически упрощена и обобщена. При этом композиционное решение, общая схема сюжета сохраняются и также восходят к общему прототипу. Изображение повернуто влево, как и на описанной выше гемме-инталии. Нижние конечности переданы в виде двух пар расходящихся параллельных линий. Композиционно изображение построено таким образом, что пространство между ногами в центре образует треугольную форму. Хвост загнут кверху и округло развернут к тулову. Направленные вверх уши имеют заостренные окончания.

¹¹⁷ Н. М. Никулина, К вопросу о «восточнореческом» и «греко-персидском» искусстве, с. 106-120, табл. III, рис 6.

¹¹⁸ Н.М. Никулина, ук. соч; табл. III, рис 5.

Удлиненная морда приподнята. Архаичная форма и упрощенность изображения позволяют предположить местное происхождение клейма.

Геммы с изображением собаки образуют компактную группу в коллекции предметов глиптики Армении, встречаясь и в доэллинистическое время. Поскольку мотив собаки в произведениях искусства проливает определенный свет на духовный мир эпохи и представляется нам значительным, мы останавливаемся на этом более подробно. О популярности отображенной на геммах тематики свидетельствуют находки печатей, определенно местного производства. Гемма-инталия из синего стекла, уплощенной овальной формы с изображением собаки, схематически напоминающей описанные, была найдена в погребении I в. до н.э., обнаруженном в Гегамских горах у берега высокогорного озера.¹¹⁹ По форме гемма напоминает каменные печати, характерные для позднэллинистической и римской эпохи. Высокая востребованность сюжета – геммы не только привозились, но и изготавливались на месте, – была предопределена насущной потребностью в его использовании благодаря особому значению, придаваемому образу собаки в духовном мире армян в эпоху на рубеже новой и старой эры. Основной предпосылкой к этому мы считаем глубинную предысторию образа.

Сразу же подчеркнем, что хтоническое значение собаки на Армянском нагорье убедительно обосновывается на примерах различного семантического уровня с древности до средневековья. Особенно выразительно присутствие этого образа в наскальных изображениях, где собака присутствует как обязательный персонаж в сценах охоты, одной из центральных тем петроглифов, отображающих важнейший пласт идеологии древних армян.

Сюжет охоты, как известно, – тема популярная в искусстве Древнего Востока, трактуется в космогоническом аспекте, как победа света над тьмой, как символ

¹¹⁹ См. А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян и др., Водохранилище Аргиштихинили и некоторые вопросы урартского градостроительства // Լրաբեր (հաշիվահալի գիտություններ), 1975, № 10, с. 52-66.

весеннего обновления природы (в иранской традиции связывается с Новрузом – Новым годом солярного календаря). Охотник выступает как божество, мифологический герой, гарантирующий таинство возрождения. Подобный сюжет ассоциируется со сценами «благотворения», сакральная динамика которых несет в себе идею рождения «через уничтожение». Образ жертвы здесь символизирует объект обновления.

Гемма с изображением собаки была положена в погребение не случайно. Она выполняла задачу спасения души покойного, отображая сохранившиеся в памяти населения важнейшие идеологические формулы. В Армении захоронения с собаками известны со II тыс. до н.э., фиксируясь и в античное время.

Собака как важнейшее звено в сценах охоты несет в себе символическую нагрузку всей композиции, выступая как метафора спасения (в тавроктонии митраизма, имеющей возрождающий смысл, собака первый дополнительный персонаж). Тема спасения души, иллюстрируемая в частности сценами охоты, проходит через всю историю искусства древней Армении, от наскальных рисунков до рельефов надгробий XVI века у монастыря Гндеванк. В миниатюре XIII века архетип охотника-лучника сохраняется уже в конкретном персонаже – одном из наиболее почитаемых христианских святых - Сурб Саркисе. Об этом свидетельствует надпись над головой лучника, как бы забирающего душу праведника в образе взлетающего голубя с целью ее спасения. Рельефу надгробия XVI века у монастыря Гндеванк композиционно соответствует петроглиф в горах Сюника. Сцена охоты также помещена здесь совместно с зеркально-симметричным изображением парных козлов, семантически отвечающим идее солнечного круговорота, которое, как и собственно сцена охоты, отображает спасение души праведника.¹²⁰

¹²⁰ А. Демирханян, Северо-восток Еревана в эпоху Арташесидов, Приложение, Культ собаки, с. 63-109, Как указывает Н. А. Дубова, «литература о значении собак в культуре огромна и, конечно, требует своей систематизации и анализа» – Н. А. Дубова, Погребения животных в стране Маргуш//Труды Маргианской археологической экспедиции, Москва, 2012, с.101-139;

Определенную информацию о духовной жизни поселения дает и уже представленная в предыдущей главе богатая коллекция бус с их цветовыми и морфологическими характеристиками, которые несут в себе важную символическую и мировоззренческую нагрузку.

Колокольчики

К материальным свидетельствам духовной культуры можно отнести и бронзовый бубенчик, найденный в инвентаре ингумационного захоронения в маслобойке (табл. 27, рис. 6), о котором мы уже упоминали в предыдущей главе. Бубенчик представляет собой предмет полушаровидной формы высотой в 1,36 см и диаметром основания по краю – 1,9 см. Внутри бубенчика имеется петля для подвешивания язычка. На внешней поверхности бубенчика у его основания прослеживается декоративный элемент в виде круглого выпуклого выступа диаметром 3 мм. Близкий по форме колокольчик был найден в Гарни в погребении эллинистического времени. Гарнийский экземпляр сохранил железный язычок, который в аванском предмете отсутствует.¹²¹ Колокольчики полушаровидной формы, возможно, имеют древневосточное происхождение.

Следует отметить, что звучащие предметы – колокольчики, традиционны для погребального инвентаря разных эпох. В Армении колокольчики нередко оформляются как орнитоомфные фигурки, что наделяет их особым смыслом. Сакральное значение складывалось из музыкальных возможностей, образующих ритмические звуки, и самой формы предмета, наделенной особой смысловой нагрузкой. Колокольчики в виде бронзовых фигурок птиц и животных, в частности козлов и оленей, традиционны для погребального инвентаря ранних эпох. Ритм и символ – важнейшие составляющие первобытной идеологии, во многом

В. Ю. Крюкова, Собаки авестийских текстов // Труды Маргианской археологической экспедиции, с. 140-153.

¹²¹ Ж. Д. Хачатрян, Гарни V, с. 93, рис. 46, 4.

определившие ритуальную практику древних обществ, в частности, у шумеров, хеттов и египтян. Собственно музыкальные инструменты древности можно определить как звучащие символы – сакральность их формы и музыкальных возможностей коррелируют, подчиняясь общей задаче – созданию священной панорамы смерти и нового рождения.¹²²

¹²² См., например, А. Демирханян, Б. Фролов, Ритм и символ в первобытном искусстве; А. Р. Израелян, О магических функциях колокольчиков и бубенцов // Конференция «Проблемы генезиса и специфики ранних форм музыкальной культуры», Тезисы докладов, Ереван 1986, с. 41-42; ее же, Израелян А. Р., Колокольчики и бубенцы в армянских народных верованиях // Պատմաբանական հանդես, 1993, № 1-2, с. 147-156.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученный материал позволяет сделать ряд предварительных выводов об отдельных чертах материальной и духовной культуры раскопанной части поселения, в Аване, на северо-востоке Еревана, его архитектуре и планировке. Выявленные раскопками фрагменты фундаментов, подъемный архитектурный материал, а также общие наблюдения, сделанные на всей сохранившейся площади поселения, просматриваемые повсеместно, особенно на разрушенных участках, следы строительной деятельности, указывают на сплошную застройку территории. Продольные линии фундаментов, преимущественно ориентированные с севера на юг, которые наблюдаются на разных участках памятника, по-видимому, говорят в пользу секционной планировки этой части поселения. К основным стенам могли примыкать жилые помещения, имевшие, очевидно, плоские и ступенчато-сводчатые перекрытия. Кровля покоилась на деревянных опорах-столбах, стоявших на базах торовидного типа. Построенные методом двухпанцирной техники (мидис) основания стен могли нести кладку из сырцовых кирпичей, или же иного строительного материала, с глиняной обмазкой, представляя собой традиционные приемы строительного дела. В основаниях фундаментов проделывались дренажные выходы в виде проемов прямоугольной формы для вывода сточных вод. Отдельные фундаменты усиливались с внешней стороны вторым рядом каменной кладки, служившей, скорее всего, защитой от наводнений.

Изучение археологических материалов позволяет частично воссоздать картину экономической и культурной жизни. Выявленные предметы указывают на аграрно-ремесленный характер поселения. Традиционное для Армении развитие поселения было вовлечено в сферу явлений эпохи эллинизма, что нашло отражение в материальной культуре.

Исследование памятника, существенно дополняя историю Еревана, вносит определенный вклад в общую панораму Армении исследуемой эпохи.

Результатом представленной работы впервые в научный оборот вводится ранее неизвестный археологический памятник античного периода. Изучение памятника позволяет заполнить временное пространство между памятниками Ванского царства и позднеантичного времени (Эребуни, Тейшебаини, hУшаблур и др.).

Исследованное нами античное поселение образует важное хронологическое звено в историческом развитии региона. В Аване с примыкающим к нему селением Ариндж четче проявляется картина продолжительной жизни поселения: сейчас уже можно проследить непрерывное развитие истории и культуры начиная с эпохи ранней бронзы (III тыс. до н.э.) вплоть до античности и средних веков включительно.

В результате настоящего исследования на карте внешних и внутренних коммуникационных сетей Армении античного периода обозначается новый населенный пункт, расположенный на одной из ветвей международного транзитного торгового пути, а также на дороге, связывающей столицу Армении Арташат с летней резиденцией армянских царей в Гарни.

Создана систематизированная картина материальной культуры исследуемого памятника, основанная на изучении а) керамического материала (классификация типологии, орнаментальных мотивов, функционального назначения, воздействия различных культурных традиций), б) орудий труда и различных продуктов ремесленного производства. Важное значение для характеристики памятника имеют также и данные, полученные при изучении остеологического материала. Совокупность полученных результатов указывает на аграрно-ремесленный характер поселения.

Изучение кувшинных захоронений выявило важную информацию не только о погребальной архитектуре и культе, но и медицине античной Армении. В

результате полученных новых данных создается возможность проследить традиции трепанации черепа, фиксируемые в Армении с III тыс. до н.э. и далее в эпоху Арташесидов.

На основе археологической информации реконструируются отдельные элементы духовной жизни поселения.

Впервые выявлен генезис апотропеев, выполненных на основе фаланговых костей мелкого и крупного рогатого скота. Эти артефакты определены автором как сакральные предметы непрерывно сохраняющие свое значение на территории Армянского нагорья с V тыс. до н.э. вплоть до средневековых металлических реплик.

Автором прослеживается древнейшая на территории Армении традиция восприятия образа собаки, как проводника души умершего. Обозначается связь этого мотива с мужским божеством, ответственным за сохранение природных ритмов, солнечного круговорота. Приводятся данные свидетельствующие о культурно-исторической преемственности этого божества с Сурб Саркисом, спутником которого также является собака.

Раскопки античного поселения выявили артефакты, позволяющие реконструировать отдельные фрагменты духовной культуры. Открытые на разных участках изучаемой части поселения кувшинные захоронения, характерные для рассматриваемой эпохи, содержали определенный инвентарь – монеты, бусы из различных материалов и всевозможных расцветок, в том числе стеклянные с внутренней позолотой, каменные, пастовые и др., серьги-лунницы из серебра, гемму-инталию, железные ножницы, керамическую посуду, бронзовый колокольчик, кольца, серьги и браслеты. Как сама форма ингумационных погребений – с использованием крупного караса и маслбойки, положение в «позе эмбриона», монета как «обол Харона» – элементы погребального ритуала. Определенный интерес вызывает бронзовый колокольчик, предмет встречающийся среди погребального инвентаря и других памятников Армении.

Традиции помещения разнообразных колокольчиков в погребение имеют в Армении глубокие корни, отражающие важное значение музыкального действия в погребальном ритуале, в частности моделирования посредством музыкального ритма важнейших идеологических архетипов, связанных с возрождением жизни.

В погребальном инвентаре кувшинных захоронений, как уже отмечалось ранее, имеются два предмета, связанных с духовной культурой поселения. Это гемма-инталия с изображением собаки и культовый предмет в виде небольшого идола, сделанный из фаланговой кости козла. Оба предмета, несмотря на их малые размеры, заслуживают внимания благодаря отраженному в них пласту идеологии, генетически восходящему к истокам армянской духовной культуры. В связи с исключительной важностью доказательного решения вопроса культурно-исторической связи искусства, как отражения духовной культуры эпохи наскальных изображений (III-I тыс.до н.э.) с искусством средневековой Армении, предпринимается попытка рассмотрения данной темы подробно и систематизировано. Связанные с вышеупомянутыми предметами, отраженные в них идеологические представления генетически восходят к двум важнейшим темам наскальных изображений Армении. Это 1) композиции, построенные по принципу зеркальной или частичной симметрии с обозначенным центральным звеном или без него, и 2) т.н. сцены охоты пешего или конного лучника на козла или оленя, как правило, в сопровождении собаки. (Собака здесь, таким образом, обязательный дополнительный элемент, сохраняющий значение всей композиции.). В отдельных случаях обе темы объединяются в одну общую композицию. Подобное объединение становится возможным благодаря близости смысловых нагрузок обеих композиций. Оно уникально и ни в одной древней культуре не встречается. Сразу же подчеркнем, что данная сложная композиция, объединяющая две важные темы петроглифов, чудесным образом сохраняется на рельефе надгробья XVI в. в Сюнике, у монастыря Гндеванк. Т.о., древнейшая метафора спасения души (III-II тыс.до н.э.) в том же значении переходит и

сохраняется уже в армянском Христианстве в культовом памятнике XVI века.

Тема охоты, как метафора спасения, объединяется с другой композицией, построенной по принципу зеркальной симметрии, и имеющей близкое значение уже в ином выражении, основанном на идее спасения души в результате солнечного круговорота.

Трехчастные зеркально-симметричные композиции, занимая особое место в искусстве древней Армении, объединяясь в общие композиции с другой важной темой – темой охоты, образуют основу для выразительной панорамы историко-культурной преемственности, связывая между собой искусство многих тысячелетий от наскальных изображений до рельефов средневековых каменных надгробий.

Наиболее значительным выражением трехчастных зеркально-симметричных композиций выступают наскальные изображения и орнаментальные композиции раннебронзовой культуры Армянского нагорья. Самым масштабным памятником, построенным по принципу трехчастной симметрии, является мегалитический комплекс Зорацкарер в Сисиане.

Наряду с халцедоновой геммой с врезным изображением собаки, в погребениях Аванского поселения были найдены и другие артефакты, дающие определенную информацию о духовном мире его обитателей. Речь идет об изделиях (из фаланг нижних конечностей мелкого рогатого скота), наделенных духовным содержанием. Такие находки нередки в погребальном инвентаре разных эпох широкого круга памятников. Если для античного времени использовались как правило, фаланги мелкого рогатого скота, то в более ранние эпохи чаще встречаются кости крупного рогатого скота – быка или коровы. Предметы представляют исключительный интерес благодаря устойчивости окружавших их сакральной ауре, прослеживаемой на протяжении более четырех тысячелетий. Разгадка таится в форме предмета, вызывавшей ассоциации с важнейшими культовыми памятниками, отображающими традиционные

идеологические основы, определившие формообразующие принципы в мировоззрении древних армян. О значении этих, пожалуй, одних из самых популярных апотропеев в истории древней Армении свидетельствует также и практика их изготовления из драгоценных металлов. Значительный интерес представляет отражение основополагающего структурного архетипа в разных изобразительных кодах, в том числе и в памятниках словесности. Семантика предметов раскрывается и на примере воплощения рассматриваемой структуры, имеющей универсальное значение, в памятниках архитектуры, в том числе погребальных сооружений – кромлехах. Семантически эти предметы, как и их структурные параллели в различных кодовых выражениях, соответствуют центральному звену трехчастных зеркально-симметричных изображений.

Привлечение широкой доказательной основы необходимо для объяснения актуальности объединения двух важнейших мифологем идеологии древних армян – сцены охоты и панорамы солнечного круговорота на основе изображения противостоящих козлов в одну общую композицию на памятниках наскальных изображений, сохранивших свое значение на рельефах XVI века в Гндеванке. Сохранение в памяти населения уникального структурного сценария важнейших идеологических формул служит убедительным доказательством культурно-исторической преемственности. Последнее является подтверждением концептуального единства и целостной панорамы развития армянского искусства от древности (эпохи наскальных изображений) до средневековья.

Рассматриваемые фрагменты духовной культуры определяют важное звено в реконструкции мировоззренческих принципов древних армян.

Определенное место посвящено интерпретации найденных при раскопках Аванского поселения артефактов культового назначения, генезис которых рассматривается в основном в отдельных разделах «Приложения» монографии, посвященной изучению поселения. Это – два материальных свидетельства,

содержащих образ собаки (гемма-инталия и оттиск клейма на ручке кувшина), несомненно высоко востребованный в духовной жизни поселения.

1) Культ собаки имел важное значение в верованиях древних армян, в том числе и в эпоху эллинизма, что подтверждается, в частности, раскопками Бениамина и Ширакавана. В работе рассматривается генезис связанных с этим образом религиозных воззрений, прослеживаемый от эпохи наскальных изображений. Подтверждается его связь с идеей солнечного круговорота и роль собаки как психопомпа – проводника души праведника, путь которой согласовывается с движением светила от восхода к закату с последующим возрождением.

2) Вторым важным памятником духовной жизни является амотропей из фаланговой кости мелкого рогатого скота, традиция применения которого насчитывает, как показывают наши исследования, многие тысячелетия. Проблема изучения данного артефакта имеет общечеловеческий характер, выходя за рамки региона и эпохи, и до сих пор не рассмотрена подробно в специальной литературе. Следует отметить, что типологически близкие предметы с тем же значением, в эпохи, предшествующие эллинизму, изготовлялись также из костей крупного рогатого скота – быка и благородного оленя. В памятниках на территории Армении подобные находки встречаются от неолита до античности и далее, убедительно доказывая непрерывную преемственность и устойчивость традиции. Аванские находки определяют выразительное звено в общей панораме истории данного культурного феномена.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Առաքելյան Բ. Ն., Կարախանյան Գ. Զ. Գառնի III, Երևան, ՀԱԱՀ ԳԱ հրատ., 1962, 123 էջ:
2. Գասպարյան Ռ., Ջագավանքի համալիրը և նրա վիմագրերը // Պատմաքառասիրական հանդես, 2007, N 1, էջ 198-217:
3. Եգանյան Լ., Անտիկ Շիրակի ուլունքները // Գիտական աշխատություններ, VII, 2004, Գյումրի, «Գիտություն», էջ 49-56:
4. Եգանյան Լ., Շունը և ձին անտիկ Բենիամինի թաղման ծեսում // Գիտական աշխատություններ, I, 1998, Գյումրի, «Գիտություն», էջ 43-56:
5. Ջարդարյան Մ. Զ., Հելլենիստական ավանդույթները և Հայաստանի տեղական խեցեղենի արտադրությունը // Հայկական ՍՍՀ-ում 1975-1976 թթ. դաշտային հնագիտական աշխատանքների արդյունքներին նվիրված զեկուցումների թեզիսներ, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտ, 1977, էջ 27-28:
6. Թորոսյան Ռ. Մ., Խնկիկյան Օ.Ա., Պետրոսյան Լ.Ա. Հին Շիրակավան (1977-1981 թթ. պեղումների արդյունքները), Երևան, «Գիտություն», 2002, 158 (96) էջ:
7. Խանգադյան Է. Վ., Գառնի IV (1949-1966 թթ. պեղումների արդյունքներ), Երևան, ԽՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1969, 239 էջ:
8. Ê³ä³ñÛ³Ý Ä. ,.²ñ³ß³¹ II. ²Ý¹Ç¹¹³Û³ñ³Ý³¹³ß¹»ñ, °ñ³³Ý, 1981, ÊêêÐ ¶² Ññ³¹., 200 ¿ç:
9. Ժ.Դ. Խաչատրյան, Ա.Գ. Կանեցյան, Արտաշատի VIII բլրի շերտագրությունը// Լրաբեր (հասարակական գիտություններ), 1974, հ.9, էջ 76-91
10. Խաչատրյան Ժ., Արտաշատի VII բլրի 1973-1975 թթ. պեղումների արդյունքները // Լրաբեր (հասարակական գիտություններ), 1978, հ. 8, էջ 55-71.

11. Խաչատրյան Ժ., Բենիամինի անտիկ դաստակերտի հեղինակական ժամանակաշրջանի ճարտարապետությունը // Գիտական աշխատություններ, III, Գյումրի, 2000, «Գիտություն», էջ 33-35:
12. Խաչատրյան Ժ., Երկանքի առաջացումը ըստ Գառնիի պեղումներից հայտնաբերված նյութերի // Պատմա-բանասիրական հանդես, 1964, թիվ 1, էջ 264-274:
13. Խաչատրյան Ժ. Դ., Հնագիտական հայտնագործություններ Գեղադիրում // Լրաբեր (հասարակական գիտություններ), 1966, № 1, էջ 83-93:
14. Խաչատրյան Ժ., Սիսիանի դամբարանը (մ.թ.ա. I դարի երկրորդ կես), Երևան, «Գիտություն», 2009, 123 էջ:
15. Կարապետյան Ի. Ա., Հայաստանի նյութական մշակույթը մ. թ. ա. VI-IV դդ. (Ըստ Հայաստանի Հանրապետության տարածքում կատարված հնագիտական պեղումների) / Հայաստանի հնագիտական հուշարձանները, հ. 19, Երևան, «Գիտություն», 2003, 110 էջ:
16. Մնացականյան Ա. Շ., Հայկական զարդարվեստ. Հիմնական մոտիվների ծագումն ու գաղափարական բովանդակությունը, Երևան, ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ., 1955, 659 էջ:
17. Հին Հայաստանի ոսկին (մ.թ.ա. III հազարամյակ – մ.թ. XIV դար), Երևան, «Գիտություն», 2007, 418 էջ, 143 աղ., 3 քարտեզ:
18. Նախշքարյան Ա. Ֆ., Հայաստանի հեղինակական ժամանակաշրջանի գունազարդ խեցեղենի զարդամոտիվները / Թեկնածուականատենախոսություն, Երևան, ՀՀ ԳԱԱ հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտ, 2003, 153 էջ:
19. Պետրոսյան Հ. Լ., Հոբոսյան Ս.Գ., Հակոբյան Հ.Պ., Աշտարակի միջնադարյան հնձանները // Հայկական ԽՍՀ-ում 1987-1988 թթ. դաշտային հնագիտական աշխատանքների արդյունքներին նվիրված գիտական նստաշրջան (Ձեկուցումների թեզիսներ), Երևան, ՀԽՍՀ ԳԱ հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտ, 1989, էջ 90-92:

20. Սեբեոս, Պատմութիւն Սեբեոսի (աշխատասիրությամբ Գ. Վ. Արզարյանի), Երևան, ՀԱԱՀ ԳԱ հրատ., 1979, 447 էջ:
21. Տիրացյան Գ. Ա., Կարապետյան Ի. Ա., Արմավիրի 1977-1978 թթ. պեղումները // Պատմա-բանասիրական հանդես, 1979, N 4, էջ 251-254:
22. Քալանթարյան Ա. Ա., Դվինի նյաթական մշակույթը IV-VIII դդ., Երևան, 1970, ԽՍՀՄ ԳԱ հրատ., 1970, 64 էջ:
23. Քոչարյան Գ.Գ., Դվին III, Դվինը անտիկ դարաշրջանում, Երևան,ՀՀ ԳԱ հրատ.,1991,113էջ:
24. Քոչարյան Գ. Գ., Նոր նյութեր Դվինի հելլենիստական բնակավայրի վերաբերյալ // Լրաբեր (հասարակական գիտություններ), 1990, N 2, էջ 100-101:
25. Օհանյան Հ. Ա., Շամիրամի անտիկ ժամանակաշրջանի խեցեղենը // Բանբեր Երևանի համալսարանի, 1989, № 2, էջ 70-82:
26. Аветисян Г. Г., Биайнская керамика из памятников Араратской долины, Ереван, Изд. Ереванского университета, 1992, 165 с.
27. Аветисян П. С., Предварительные результаты раскопок памятника Агарак // Археология, этнология и фольклористика Кавказа / Материалы международной конференции, Ереван, 17-18 ноября, 2003, Эчмиадзин, «Азарашен», 2003, с. 52-57.
28. Акопян Н., Раскопки центрального квартала // Двин IV, Город Двин и его раскопки (1981-85). Ереван, «Гитутюн», 2008, с. 11-54.
29. Алексеева Е. А., Античные бусы Северного Причерноморья / Археология СССР, Свод археологических источников, вып. Г, 1-12, М.,«Наука»,1978,103с.
30. Аракелян Б. Н., Арташат I. Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1982, 72 с.
31. Аракелян Б. Н., Гарни II, Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук Армянской ССР, 1949-1950 гг., Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1957, 93 с.

32. Археологический словарь. Москва, «Прогресс», 1996, 368 с.
33. Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. Москва, «Наука», 1984, 392 с.
34. Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Москва, «Наука», 1985, 302 с.
35. Баркова А. Л., Роль оленя в мифологическом универсуме // Баркова А. Л. Работы по общей мифологии, <http://mith.ru>alb/mith/deer.htm> (1.11.2013).
36. Вайман А. А., Тирацян Г. А., Кармир-блурский некрополь эллинистического времени // *Լրաբեր (հասարակական գիտություններ)*, 1974, № 8, с. 60-70.
37. Воронов Ю. Н., Об Эшерском городище // Советская археология, 1973, № 1, с. 110-112.
38. Гагошидзе Ю. М., Самадло. Тбилиси, «Мецниереба», 1979, 135 с.
39. Гайдукевич В. Ф., Античные города Боспора: Ленинград, «Наука», 1987, 178с.
40. Гогинян С. Е., Металлопроизводство в древней Армении, Ереван, «Теоид», 2005, 164 с.
41. Демирханян А. Р., К мифопоэтическим истокам геральдических композиций // Культурное наследие Востока, Ленинград, «Наука», 1985, с. 131-144.
42. Демирханян А. Р., *К проблеме символики трехчастных композиций Древней Армении // Պատմա-բանասիրական հանդես*, 1982, № 4, с. 154-164.
43. Демирханян А. Р., Новая интерпретация «Гимна Ваагну» // Международная конференция по средневековой армянской литературе, Тезисы докладов, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1986, с. 68-69.
44. Демирханян А., Об одной группе подражаний «пергамской керамике» // Научная конференция, посвященная итогам полевых археологических

- исследований в республике Армения (1989-1990), Тезисы докладов, Ереван, Институт археологии и этнографии НАН РА, 1991, с. 96-98.
45. Демирханян А., Северо-восток Еревана в эпоху Арташесидов, Ереван, «Гитутюн», 2010, 248 с.
 46. Демирханян А. Р., Эллинистическое поселение на территории г. Еревана // Археологические открытия, 1980, Москва, «Наука», 1981, с. 424-425.
 47. Демирханян А., Логинов В., Новые археологические находки античного времени на территории г. Сухуми // Сборник работ молодых специалистов и ученых Абхазии. Сухуми, «Аллашара», 1980, с. 18-31.
 48. Демирханян А., Фролов Б., Первобытная символика вертикали // Պատմա-հնավաճառական հանդես, 1985, № 3, с. 58-66.
 49. Демирханян А., Фролов Б., Предпосылки становления ранних форм музыкальной культуры в первобытном обществе // Конференция «Проблемы генезиса и специфики ранних форм музыкальной культуры», Тезисы докладов, Дилижан, 24-30 октября 1986 г., Ереван, 1986, с. 29-30.
 50. Демирханян А., Фролов Б., Ритм и символ в первобытном искусстве // Պատմա-հնավաճառական հանդես, 1986, № 3, с. 150-168.
 51. Дикова М. А., О первобытном искусстве и этических принципах научной дискуссии: диалог с оппонентом, <http://cyberleninka.ru/article/n/o-pervobytnom-iskusstve-i-eticheskikh-printsipah-nauchnoy-diskussii-dialog-s-opponentom> (10.11.2013).
 52. Дубова Н. А., Погребения животных в стране Маргуш // Труды Маргианской археологической экспедиции. Москва, «Старый сад», 2012, с. 101-139.
 53. Еганян Л., Памятник раннебронзового периода Мец Сепасар в контексте индоевропейских верований и ритуалов // Труды Маргианской археологической экспедиции, Том 4, Москва, «Старый сад», 2012, с. 272-290.

54. Еремян С. Т., Эребуни-Ереван на путях международной торговли // *Լրաբեր (հասարակական գիտություններ)*, 1969, № 12, с. 18-21.
55. Есаян С. А., Калантарян А. А., Ошакан 1: Основные результаты раскопок 1971-1983 гг. Ереван, Изд. АН. Арм. ССР, 1988, 126 с.
56. Израелян А. Р., Армянские бусы-обереги XIX – начала XX века // *Աշխատություններ Հայաստանի պատմության պետական քանդարանի, հ. 7, Երևան, 1981, с. 83-102.*
57. Израелян А. Р., Колокольчики и бубенцы в армянских народных верованиях // *Պատմա-քանդակարարական հանդես*, 1993, № 1-2, с. 147-156.
58. Израелян А. Р., О магических функциях колокольчиков и бубенцов // Конференция «Проблемы генезиса и специфики ранних форм музыкальной культуры», Тезисы докладов, Ереван, [изд. не указано], 1986, с. 41-42.
59. Крамер С. Н., История начинается в Шумере. Москва, «Наука», 1965, 233 с.
60. Крюкова В. Ю., Собаки авестийских текстов // Труды Маргианской археологической экспедиции, Том 4, Москва, «Старый сад», 2012, с. 140-153.
61. Леви Е. И., Ольвия, Ленинград, «Наука», 1985. 152 с.
62. Лелеков Л.А. «К семантике и типологии храмовых сооружений армянского язычества», ИФЖ, Ереван, 1974, № 1, с. 58-64
63. Манандян Я. А., О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, Ереван, Изд. Ереванского университета, 1954, 346 с.
64. Манасерова Н. С., Фауна млекопитающих античной и средневековой Армении // Биологический журнал Армении, 1991, № 3, с. 163-166.
65. Манасерян Н. С., Домашние животные античной и средневековой Армении // Биологический журнал Армении, 1995, № 3-4, с. 46-54.

66. Манукян А. Б., Глиптика древней Армении (VI в. до н.э. – III в. н.э.) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н., Ереван, Институт археологии и этнографии АН Арм. ССР, 1992, 20 с.
67. Мартиросян А. А., Аргиштихинили, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1974, 126 с.
68. Мартиросян А., На великом шелковом пути. Ереван, «Гитутюн», 118 с.
69. Мартиросян А. А., Раскопки в Головино, Ереван, Изд АН Арм. ССР, 1954, 117с.
70. Мартиросян А. А., Торосян Р. М. и др., Водохранилище Аргиштихинили и некоторые вопросы урартского градостроительства // Լրագիր (հաշիվաշարի գիտություններ), 1975, № 10, с. 52-66.
71. Марутян Т. А., Храм Аван, Ереван, Изд. «Айастан», 1976, 205 с.
72. Матиашвили Н. Н., Из экономической истории городов Колхиды III-I вв. до н.э. (по керамическому материалу). Тбилиси, «Мецниереба», 1977, 136 с., 26 табл. (на груз. яз.).
73. Медникова М. Б., Трепанации в древнем мире и культ головы. Москва, «Алетейя», 2004, 208 с.
74. Медникова М. Б., Трепанация у древних народов. Москва, «Научный мир», 2001, 304 с.
75. Никулина Н. М., К вопросу о «восточнореческом» и «греко-персидском» искусстве (по материалам глиптики V-IV вв. до н.э.) // Вестник древней истории, 1969, № 3, с. 106-120.
76. Нонешвили А. И., Погребальные обряды народов Закавказья. Тбилиси, «Мецниереба», 1992, 172 с.
77. Оганесян А., На Великом шелковом пути, Ереван, «Гитутюн», 1998, 118 с.
78. Оганесян Л. А., История медицины в Армении. Часть первая. Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1946, 261 с.

79. Петросян Э., Боги и ритуалы древней Армении, Ереван, «Зангак», 2004, 288с.
80. Пиотровский Б.Б., История и культура Урарту. Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1944, 364с.
81. Пиотровский Б.Б., Урарту//По следам древних культур, М., Госкультпросветиздат, 1951, с. 100-101.
82. Пичикян И. Р., Торовидные базы (происхождение, хронология) // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье, Москва, «Наука», 1979, с. 57-61.
83. Пичикян И. Р., Традиции Востока в древнеармянской архитектуре // Второй международный симпозиум по армянскому искусству, Сборник докладов, т. 1, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1981, с. 258-261.
84. Пруссак М., Древо жизни (К истории культа фаллюса). Москва, «Атеист», 1929, 48 с.
85. Пташникова И. В., Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма // Труды Хорезмской экспедиции, т.1, с. 105-118, [http:// cultureuz. Net / personalia / ptashnikova/ beads.html](http://cultureuz.Net/personalia/ptashnikova/beads.html) (30.10.2013).
86. Путешествие Энки в Ниппур / Перевод с новошумерского В. В. Емельянова по изданию: Al-Fouadi A.-H.A. Enki's Journey to Nippur: The Journeys of the Gods. Ann Arbor, 1969, p. 69-76, <http://ud-gal-nun.narod.ru/translations/transl.html> (30.10.2013).
87. Савельев Ю. А., Кипрские сосуды из коллекции ГММА // Культура античного мира, Москва, «Наука», с. 224-227.
88. Снегирев И. Л. Францов Ю. П., Древний Египет. Ленинград, «Печатный двор», 1938, 300 с.
89. Сокольский А., Таманский толос и резиденция Хрисалиска. Москва, «Наука», 1976, 128 с.

90. Тер-Мартirosов Ф. И., Керамика эллинистической Армении как исторический источник, Автореферат диссертации кандидата исторических наук, Ереван, Институт археологии и этнографии АН Арм. ССР, 1984, 23 с.
91. Тер-Мартirosов Ф. И., Фляги как торговая тара // Проблемы античной истории и культуры, т. 2, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1979, с. 409-414.
92. Тер-Мартirosов Ф., Микаелян Д., Древние корни строительной техники «мидис» // Լրաբեր (հասարակական գիտություններ), 2009, 2, с. 131-143.
93. Тирацян Г. А., Древнеармянская керамика из раскопок Армавира (опыт классификации и датировки) // Պատմա-քաղաքական հանդես, 1974, № 4, с. 215-228.
94. Тирацян Г. А., Культура древней Армении. VI в. до н.э – III в. н. э. (По археологическим данным), Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1988, 202 с.
95. Тирацян Г. А., Об одной группе расписных сосудов из Армавира (Армения) // Советская археология, 1971, № 2. с. 246-249.
96. Токарский Н. М., Джрвеж I, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1959, 110 с.
97. Токарский Н. М., Джрвеж II, Вохджаберд / Археологические раскопки в Армении, № 11, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1964, 112 с.
98. Топоров В. Н., К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха // Ранние формы искусства, Москва, «Искусство», 1972, с. 77-103.
99. Топоров В. Н., О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста, Москва, «Наука», 1980, с. 3-58.
100. Топоров В. Н., Числа // Мифы народов мира, т. 2, Москва, «Советская энциклопедия», 1982, с. 629-631.
101. Ханзадян Э. В., Энеолитическое поселение близ Кировакана // Советская археология, 1963, № 1, с. 152-161.

102. Хачатрян Ж. Д., Гарни V, Античный некрополь. Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1976, 112 с.
103. Худавердян А. Ю., Атлас палеопатологических находок на территории Армении. Ереван, «Ван Арьян», 2005, 288 с.
104. Янкевич В.В., Конь как эманация огня // Словарь Дома Сварога, Славянская и Русская языческая мифология, <http://pagan.ru>slowar/k/koner12.php> (1.10.2013).
105. GE Areshian, B. Gasparyan, PS Avetisyan ,The chalcolithic of the Near East and south-eastern Europe: discoveries and new perspectives from the cave complex Areni-1, Armenia, Cambridge Univ Press, 2012.
106. Bouzek, Jan, Studies of Greek Pottery in the Black See Area. Prague, Charles University, 1990.
107. Buelow, Gerda von, Technologische Verfahren und Organisation der roemischen Keramikproduktion // Das Altertum, Heft 1, 1977, Bd. 23, S. 20-28.
108. Enciclopedia dell Arte Antica Classica e Orientale. Roma, Istituto della Enciclopedia italiana, 1985.
109. Forrer, Robert, Urgeschichte des Europaers. Stuttgart, W. Spemann, 1908, 584 S.
110. Kees H., Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Aegypter. Berlin, Akademie Verlag, 1956, 315 S., 7 Abb.
111. Sagona A., Sagona Cl. and Ozkoruruklu H. Excavations at Sos Hoyuk, 1994 // Anatlian Studies, Vol. XLV, 1995, p. 212.
112. Sellwood D., An Introduction to the Coinage of Parthia, 2nd edition, London, Spink & Son Ltd., 1980, 322 p.
113. Thorndike L., A History of Magic and Experiemental Science. V. 1-8, London, Columbia University Press, 1923-1941.

114. Waage F. O., Hellenistic and Roman Tableware of North Syria // Antioch on Orontes, IV. p.I (Ceramics and Islamic coins), Princeton, Princeton Univ. Press, 1948.
115. Waage F. O., Pergamene Ware // Rostovtzeff M. Social and Economic History of the Hellenistic World, V. III, Oxford, at the Clarendon Press, 1959, pp. 1639-1642.

СПИСОК ТАБЛИЦ

1. Панорама историко-культурных памятников региона.
2. Общая панорама долины реки Гетар с видом на холм Гетаргел.
3. «Северный» раскоп. Фундаменты построек античного периода. На заднем плане – современные кварталы Аванского холма. «Ереван от Тиграна Великого – до наших дней».
4. а., б. Фрагменты фундаментов строительных комплексов. «северный» раскоп.
5. а., б. Фрагменты кладок фундаментов.
6. а., б. Сквозной проем в фундаменте стены (дренажная система). «северный» раскоп.
7. Съёмка местности.
8. Съёмка исследуемой территории.
9. Схема стратификации памятника (на примере «северного» раскопа).
10. «Северный» раскоп. Обмеры фундаментов.
11. План «северного» раскопа.
12. План «южного» раскопа. Фундаменты сооружений с сохранившимися фрагментами вымостки пола и базами колонн.
13. База колонны торовидного типа. «южный» раскоп.
14. Парное кувшинное (карасное) захоронение (реконструкция). а. Погребальный карас. б. Захоронение в карасе.
15. а. Погребальный карас. б. Захоронение в карасе.
16. Монеты, найденные в захоронениях - а. Драхма. Неопределенный парфянский правитель. Парфия. 80-70гг. до н.э. Серебро. б. Драхма. Александр Македонский. Серебро.
17. Монеты, найденные в захоронениях. Реконструкция.
18. Инвентарь кувшинных погребений. а. Погребение в маслбойке. б.

Погребение в карасе (парное).

19. Инвентарь кувшинного погребения (поврежденного).
20. Бусы. Общая таблица. Сардоникс, халцедон, сердолик, гагат, оникс, стекло, стеклянная паста, стекло с золотой прокладкой, кость, глина.
21. Бусы. Инвентарь поврежденного погребения.
22. Бусы. Стекло с золотой прокладкой.
23. Бусы. 1, 2. Стеклянная паста. 3, 4. Сердолик. 5. Оникс. Стеклянная паста. 6. Стекло. 7. Кость (зуб оленя). 8. Глина. 9. Гагат.
24. Бусы. Сардоникс, сердолик, оникс, стекло, стеклянная паста, стекло с золотой прокладкой, глина.
25. Гемма-инталия (двуслойный халцедон) с изображением собаки. 2. Оттиск клейма на ручке кувшина (с изображением собаки).
26. Предметы туалета. 1. Фибула (бронза). 2. Серьги (серебро). 3. Кольцо (бронза). 4. Пуговицы-застежки (камень, глина), 5, 6. Заколки (бронза), 7. Заколка (кость).
27. 1, 2. Браслеты (бронза). 3. Браслет (бронза). 4, 5. Серьги (бронза). 6. Бубенчик (бронза).
28. Черепные кости со следами операций по трепанации из кувшинных захоронений. 1, 2. Трепанационные отверстия – круглой и прямоугольной формы.
29. Комплекс изделий керамического производства античного поселения.
30. 1. Маслобойка. 2. Кувшин.
31. Сосуды, используемые в качестве погребальных. 1. Карас. 2. Маслобойка.
32. Расписной карас. (Вариант реконструкции).
33. Хозяйственная керамика. Карасы.
34. Карасы.
35. Карасы.
36. Горшки.
37. Горшки.

38. Кухонная и столовая керамика. Сосуды со сливным носиком.
39. Фляги.
40. Кувшины.
41. Кувшины.
42. Типы орнаментации. Семечковидный, точечный, врезной, лощеный.
43. Типы орнаментов расписных закрытых сосудов (кувшины).
44. Типы орнаментов расписных закрытых сосудов (кувшины, фляги).
45. Расписные пиалы (с отогнутым краем).
46. Типы пиал и пиаловидных мисок (с лощеной поверхностью красного, черного, коричневого и серого цветов), с отогнутым наружу краем.
47. Типы мисок и чаш.
48. Типы крупных чаш и мисок.
49. Разновидные пиалы, чаши и миски с различной формой профилировки края.
50. Разновидные миски.
51. Типы чаш и мисок с вогнутым краем.
52. Разновидные чаши и миски с Т-образной формой венчика.
53. Разновидные чаши и миски.
54. Миски и пиалы с омфалосом и рельефным оформлением дна в виде розетки.
55. 1,2. Расписные чаши и пиалы яйцевидной и полушаровидной формы (мегарского типа). 3. Расписной сосуд в форме т.н. «алабастрона».
56. Блюдца с горизонтальным дном и кольцевым поддоном, с красной лощеной поверхностью. Подражание т.н. «пергамской керамике».
57. Блюдца и чаши с кольцевым поддоном.
58. Типы «жаровен».
59. Профили бортов и дна «жаровен».
60. 1-2. Предмет в виде усеченного конуса с углублением в верхней плоскости (базальт). 3-4. Ванна (чан) для сбора виноградной мезги (черный туф).

61. Типы глиняных светильников. Подставка с тремя коническими ножками и центральным отверстием (для обжига керамики).
62. Ручка сосуда с оттиском клейма. 2-3 Типы ручек кувшинов.
63. Фрагменты разнообразных кувшинов.
64. Фрагменты сосудов со сливными носиками.
65. Фрагменты фляг.
66. Фрагменты расписных кувшинов.
67. Фрагменты расписных пиал.
68. Типы росписи.
69. Карасы.
70. Горшки.
71. Типы орнаментации.
72. Расписная пиала (реконструкция).
73. Пиалы. Фрагменты омфалосов и рельефно оформленных днищ.
74. Фрагменты пиал и чаш.
75. Чаши-миски.
76. Миски.
77. Миски и блюда с кольцевым поддоном.
78. Фрагменты мисок и чаш.
79. Миски и блюда (фрагменты).
80. Фрагменты бортов и днищ «жаровен». Фрагмент днища с отпечатком плетеной циновки.
81. Изделия из железа.
82. Отходы кузнечного производства.
83. 1-3. Зернотерки (пористый базальт). 1-2. Ладьевидного типа. 3. С рычажным управлением. 4. Ступа (пористый базальт).
84. 1. Фрагменты светильников; 2. Подставка для обжига керамики.
85. 1. Каменные грузила для ткацких станков (пирамидального и дисковидного

типа), 2. Глиняные пряслица от веретен.

86. Лощила и терочники (камень, глина).

87. Идолы. 1. Аван-Ариндж, 2. Карашамб. (базальт), (Раскопки Фирдуса Мурадяна). 3. Шенгавит (глина).

88. Идол-подвеска. Фаланговая кость конечности овцы (козы). Аван-Ариндж. (кувшинное погребение), I в. до н.э. 2. Идол. Фаланговая кость благородного оленя. Аван-Ариндж. III-II тыс. до н.э. 3-4. Идолы. Фаланговая кость овцы. Аван-Ариндж. II-I вв. до н.э.

89. Идолы. Фаланговая кость коровы или быка. 1. Шенгавит. III тыс. до н.э. 2. Идол. Фаланговая кость коровы или быка. Цахкунк. V-IV тыс. до н.э. 3. Идолы. Фаланговая кость коровы или быка. Севанская крепость. II-I тыс. до н.э. 4. Идолы. Фаланговая кость мелкого рогатого скота и свиньи. Карнут, вторая половина III тыс. до н.э.

ТАБЛИЦЫ

АРИНДЖ

Таблица 1. Панорама историко-культурных памятников региона.

1. Капитель памятной стелы. V-VI вв.; 2. Скульптура льва. VI в. Резиденция католикоса; 3. Кафедральный собор католикоса Ована Багаранци. 591 г.; 4. Памятная стела на ступенчатом основании. V-VI вв.; 5. Церковь Сурп Аствацацин. (Пресвятой Богородицы). XIII в.; 6. Церковь Сурп Ованес (Св.Ованеса), Основана в V в., перестроена в XIII в.; 7. Кувшинное захоронение. I в. до н.э.; 8. Поселение эпохи Арташесидов. Базы (опоры для колонн), торовидного типа. II-I вв. до н.э.; 9. Кувшинное захоронение (парное). I в. до н.э.; 10. Драхма Александра Македонского («Обол Харона»); 11. Монета парфянского царя. Начало I в. до н.э. («Обол Харона»); 12. Некрополь XIV-XVI вв.; 13. Крепость и церковь. XIII в. на вершине аринджского холма; 14. Церковь Кармравор. XIII в.; 15. Церковь Сурб Ншан, Монастырь Дзакаванк. VII-XIII вв. Холм Гетаргел (западный склон холма).

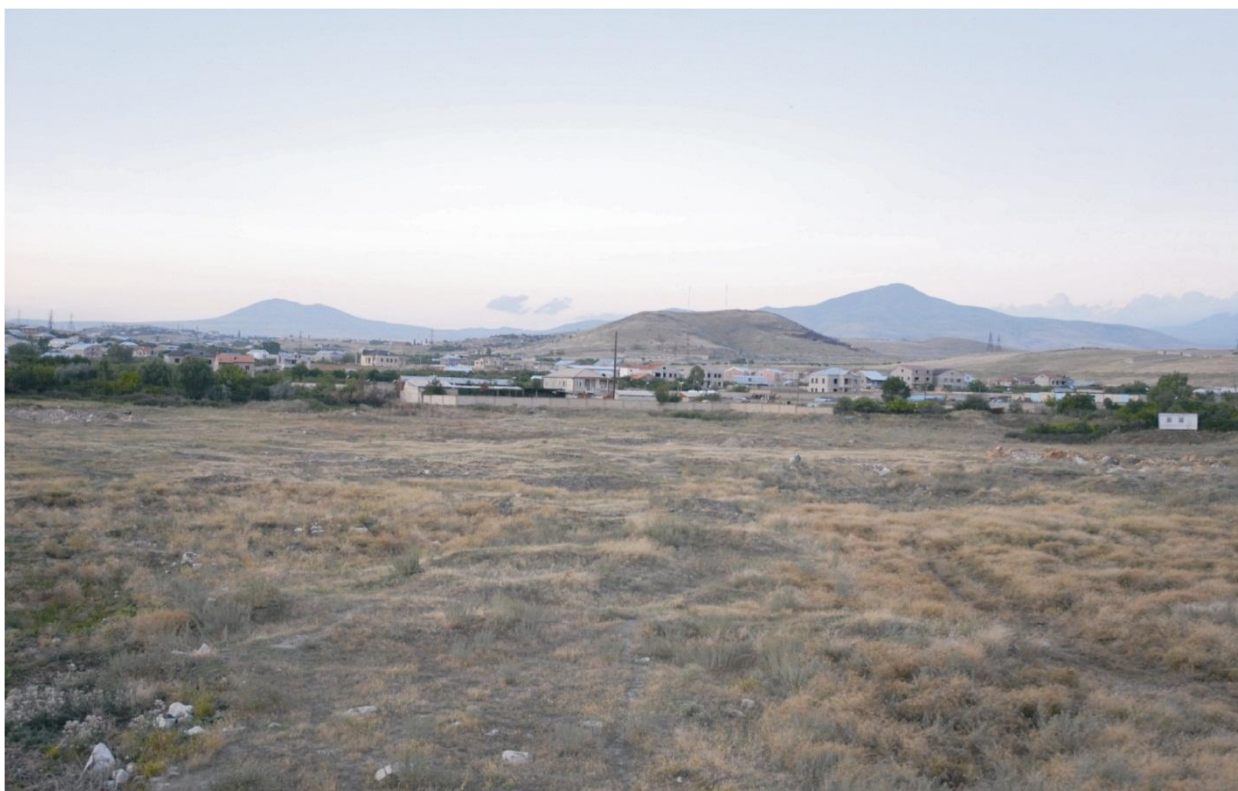

Таблица 2. Общая панорама долины реки Гетар. На заднем плане холм Гетаргел и г. Адис.

Таблица 3. “Северный” раскоп. Фундаменты построек античного периода. На заднем плане - современные кварталы Аванского холма. “Ереван от Тиграна Великого – до наших дней”

а

б

Таблица 4. а., б. Фрагменты стен строительных комплексов. "Северный" раскоп.

а

б

Таблица 5. а., б. Фрагменты кладок стен.

а

б

Таблица 6. а., б. Сквозной проем в стене (дренажная система). "Северный" раскоп.

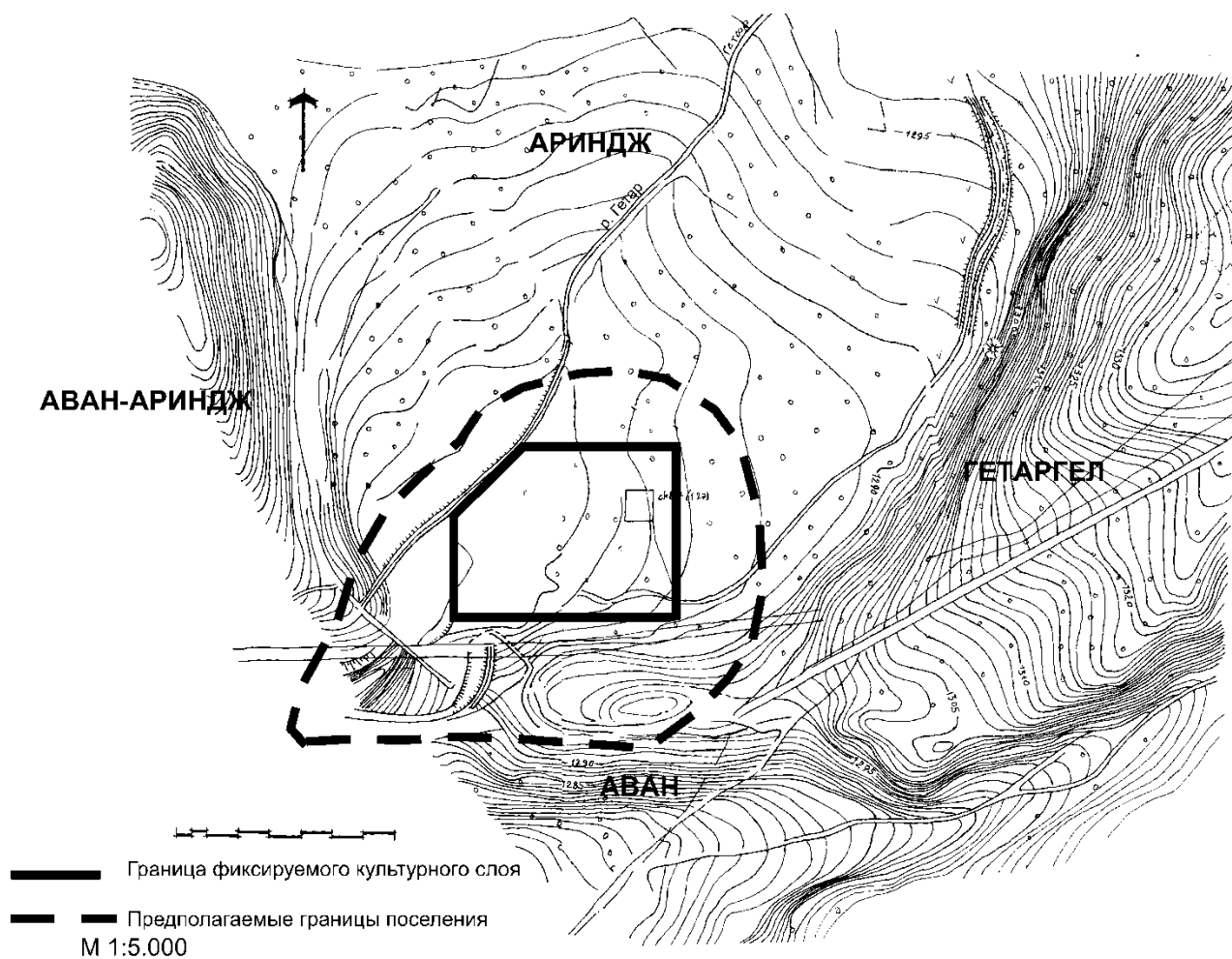

Таблица 7. Съёмка местности.

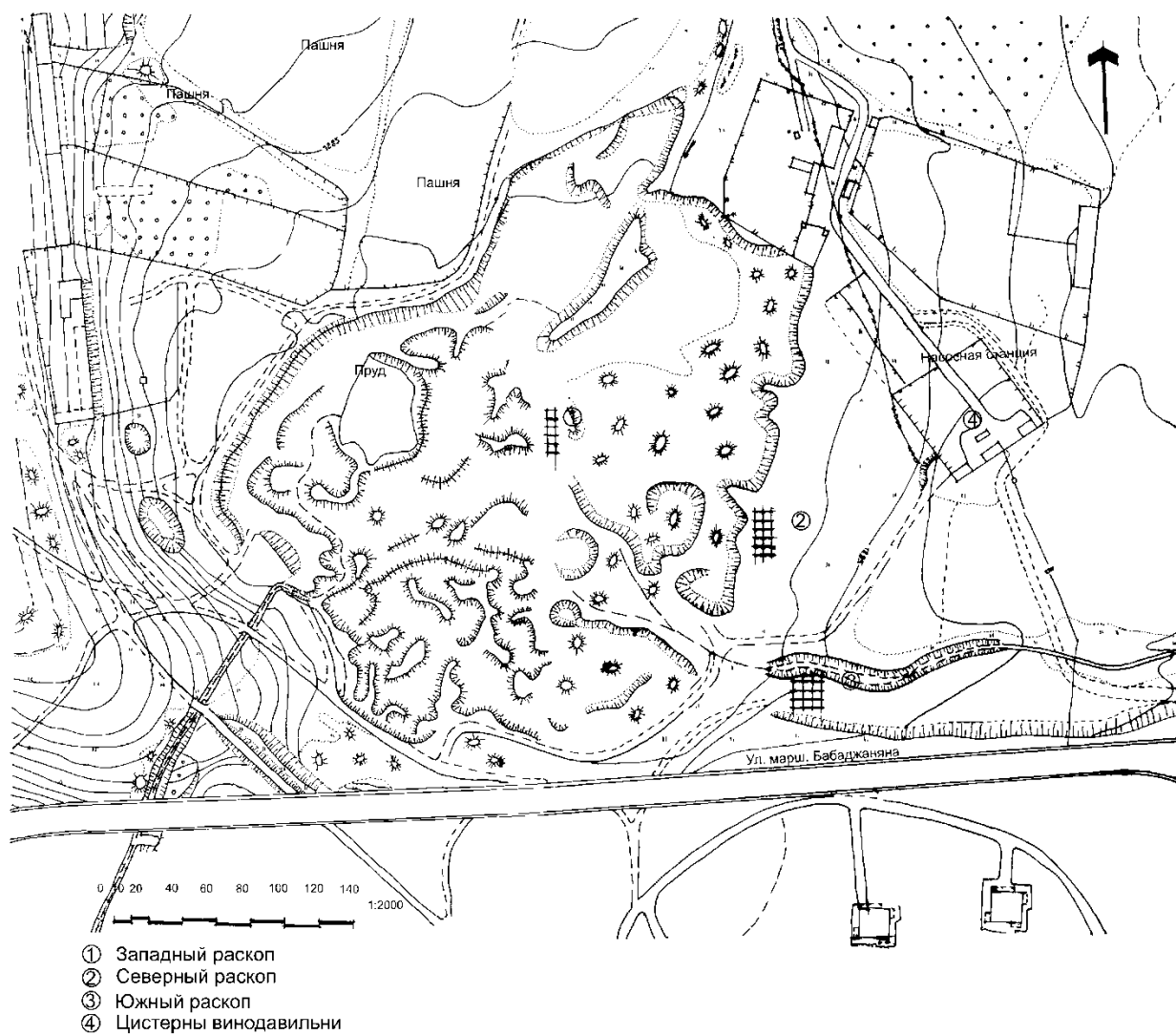

Таблица 8. Съёмка исследуемой территории.

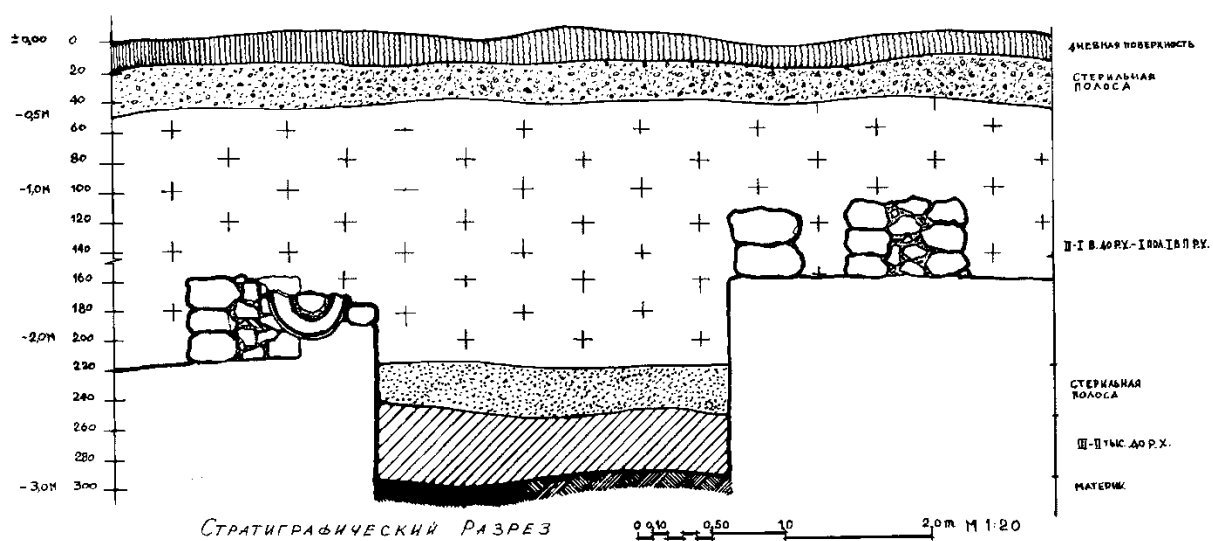

Таблица 9. Схема стратификации памятника (на примере "северного" раскопа).

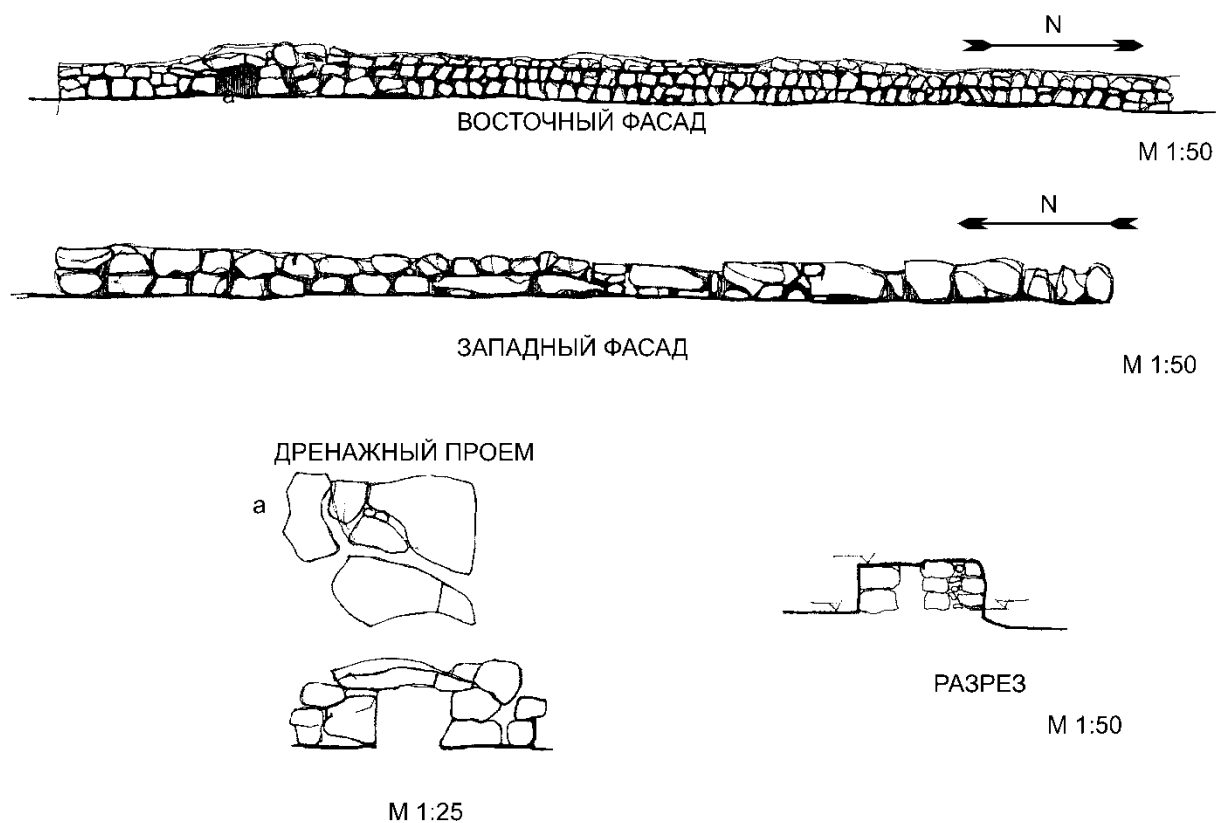

Таблица 10. "Северный" раскоп. Обмеры стен.

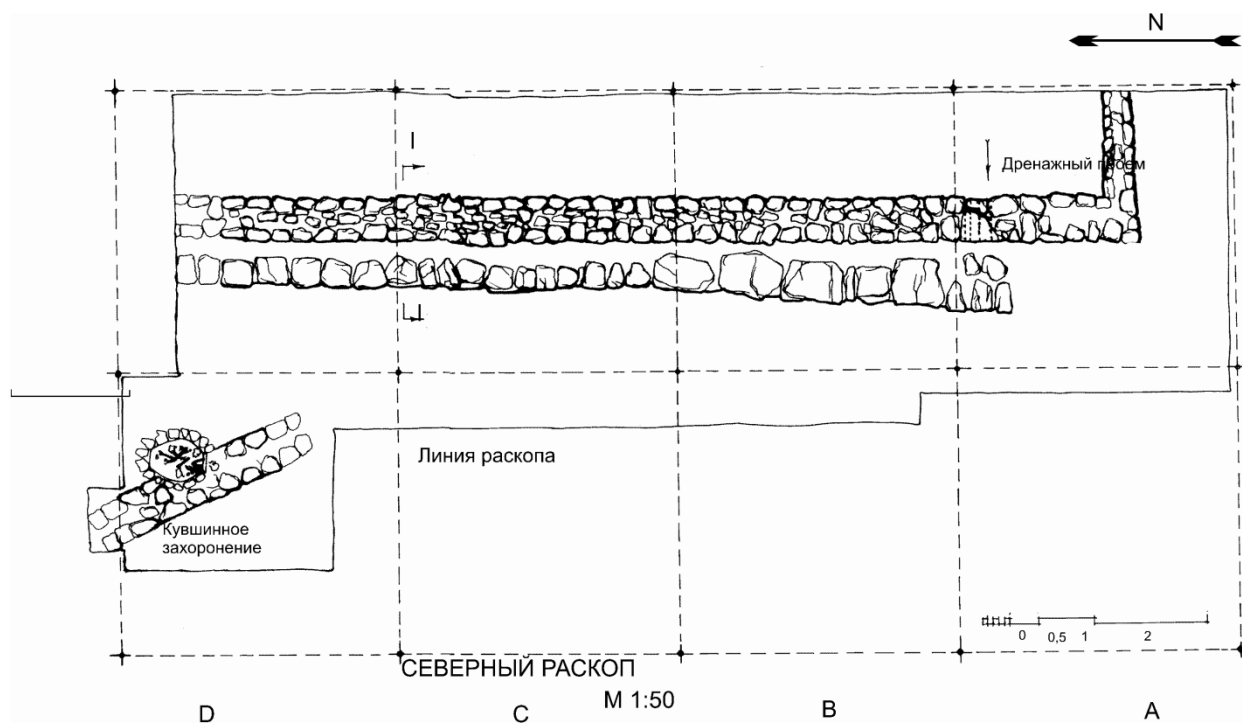
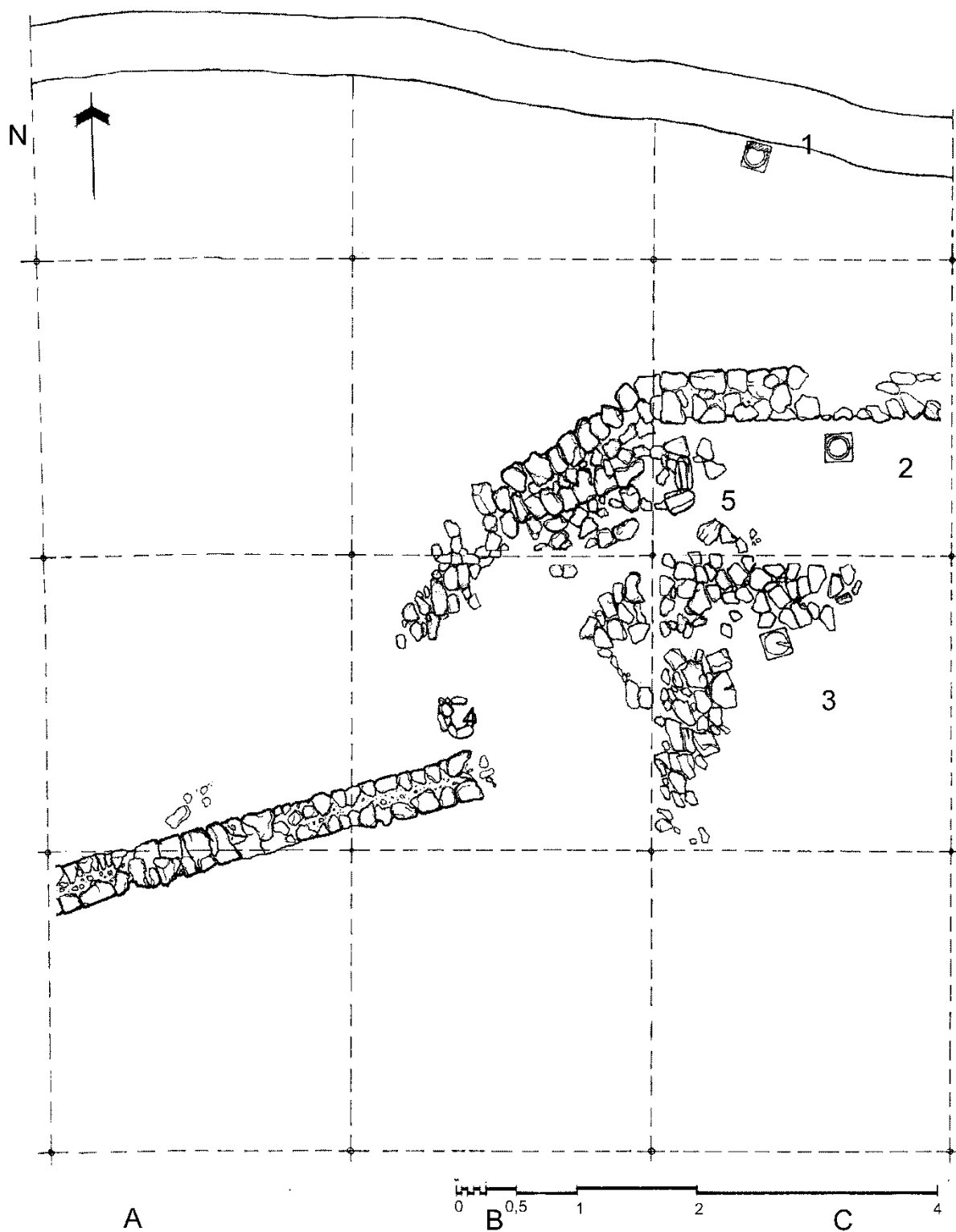

Таблица 11. План "северного" раскопа.

А
ЮЖНЫЙ РАСКОП

М 1:50

- 1-3 Базы торовидного типа
- 4 Очаг
- 5 Фрагменты зернотерок в вымостке

Таблица 12. План “южного” раскопа. Обмеры стен сооружений с сохранившимися фрагментами вымостки пола и базами колонн.

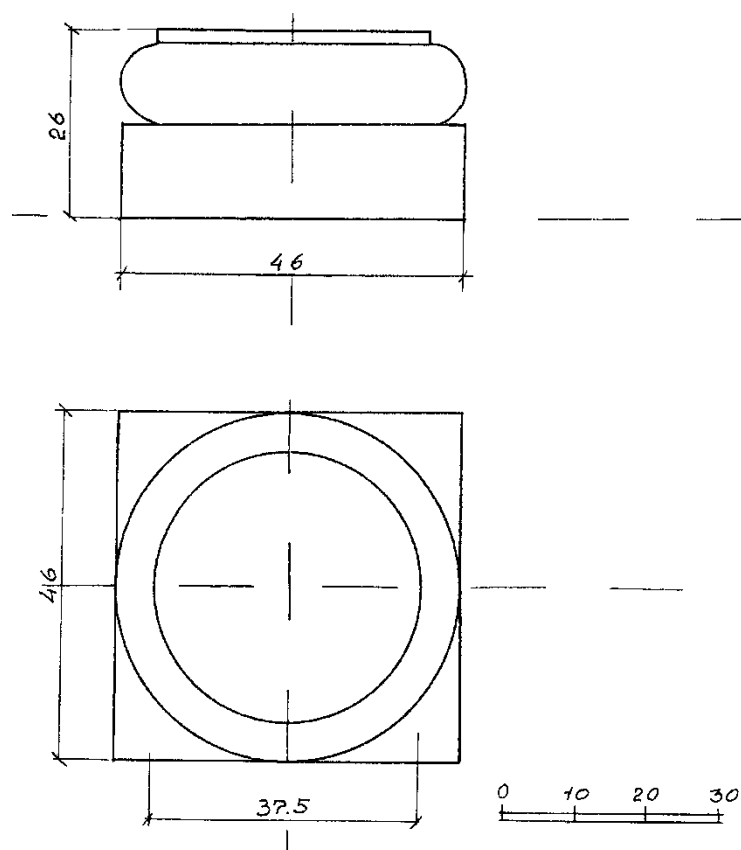

Таблица 13. База колонны торовидного типа. "южный" раскоп.

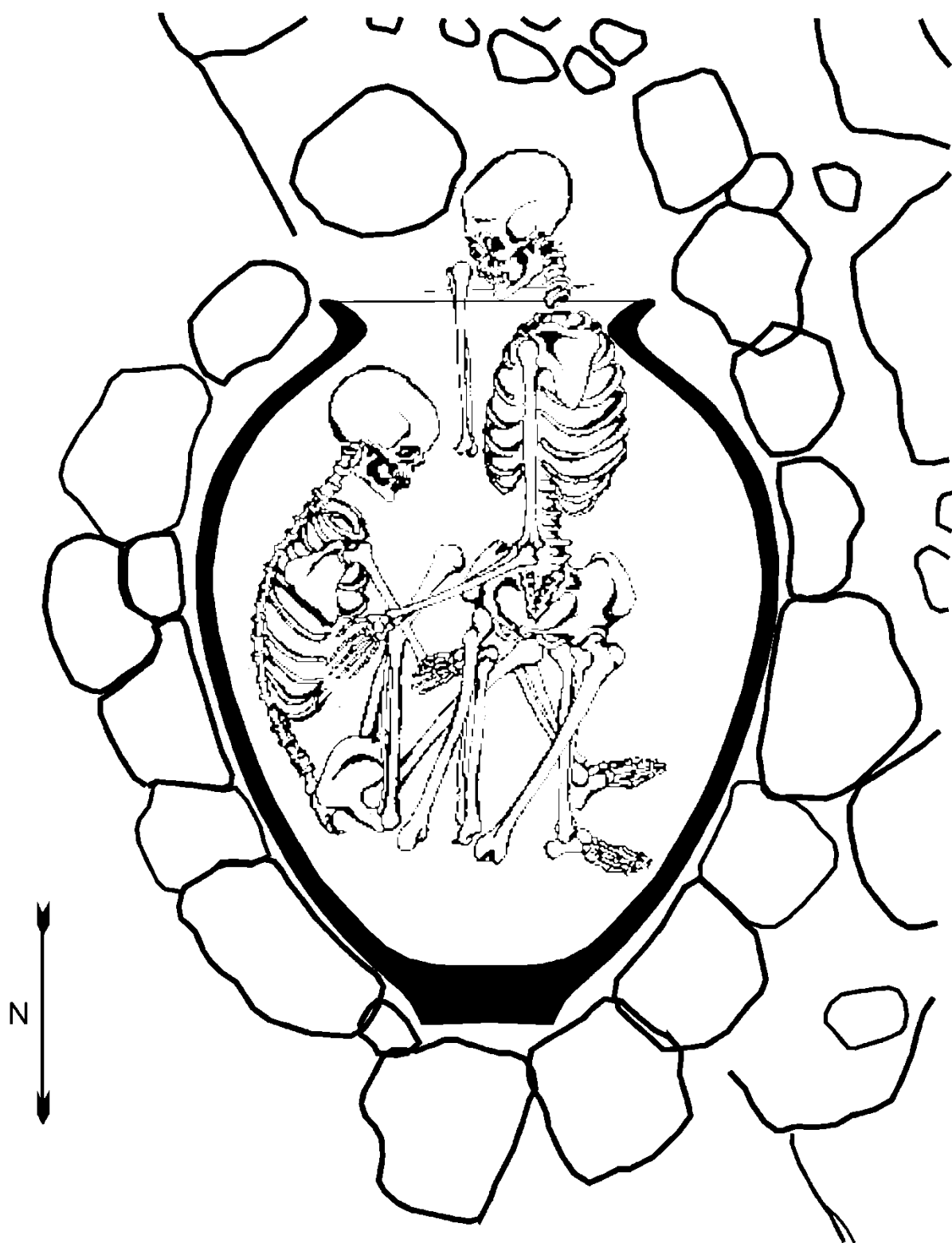

Таблица 14. Парное кувшинное (карасное) захоронение (реконструкция).

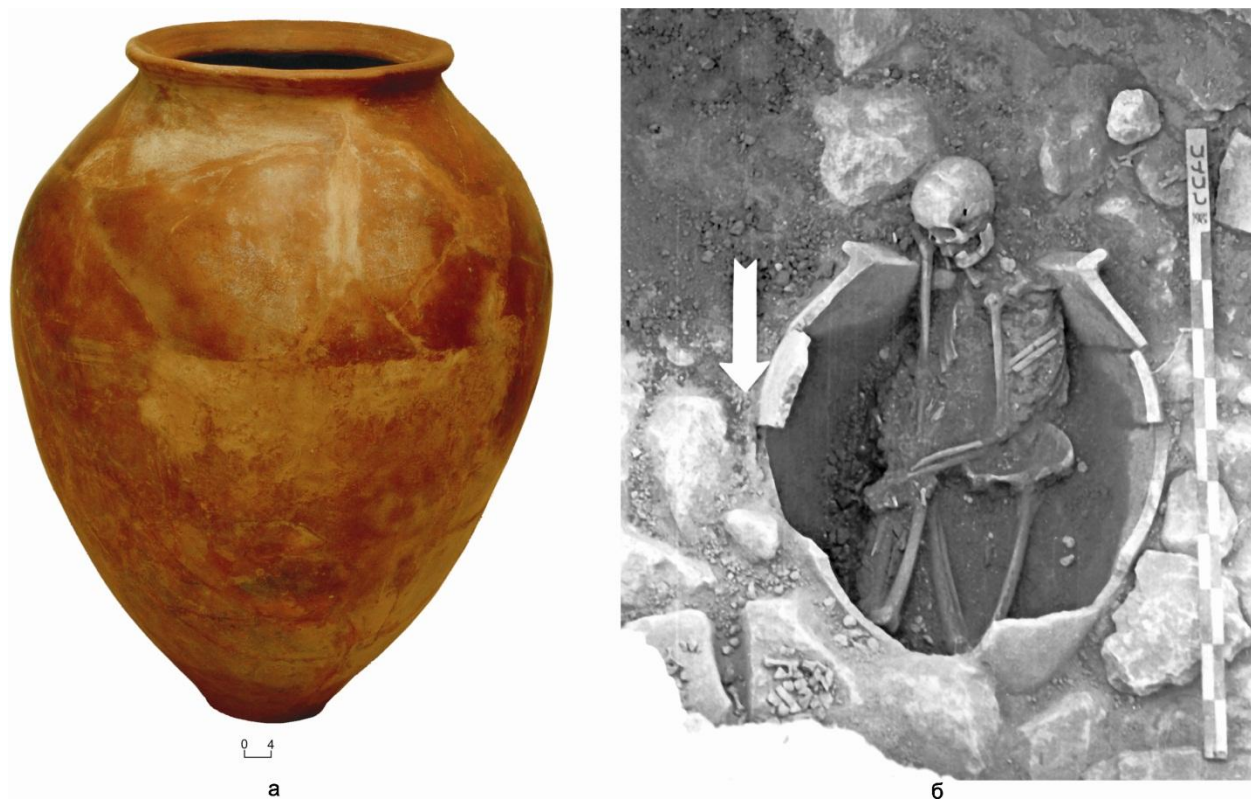

Таблица 15. а. Погребальный карас. б. Захоронение в карасе.

а

б

Таблица 16. Монеты, найденные в захоронениях. а. Драхма. Неопределенный парфянский правитель. Парфия. 80-70 гг. до н.э. Серебро. б. Драхма. Александр Македонский. Серебро.

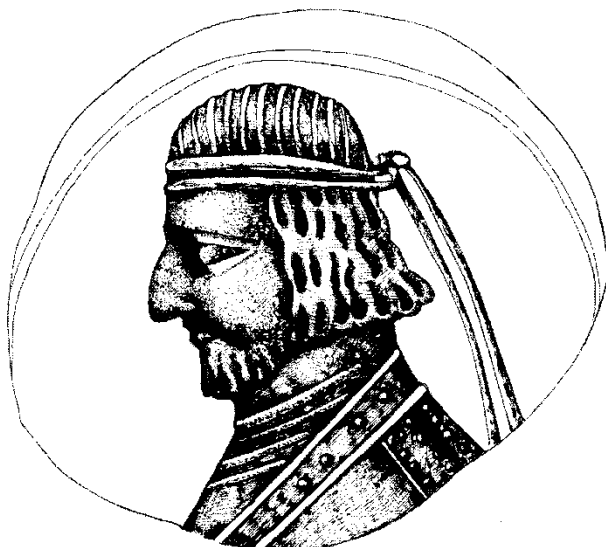

Таблица 17. Монеты, найденные в захоронениях. Реконструкция.

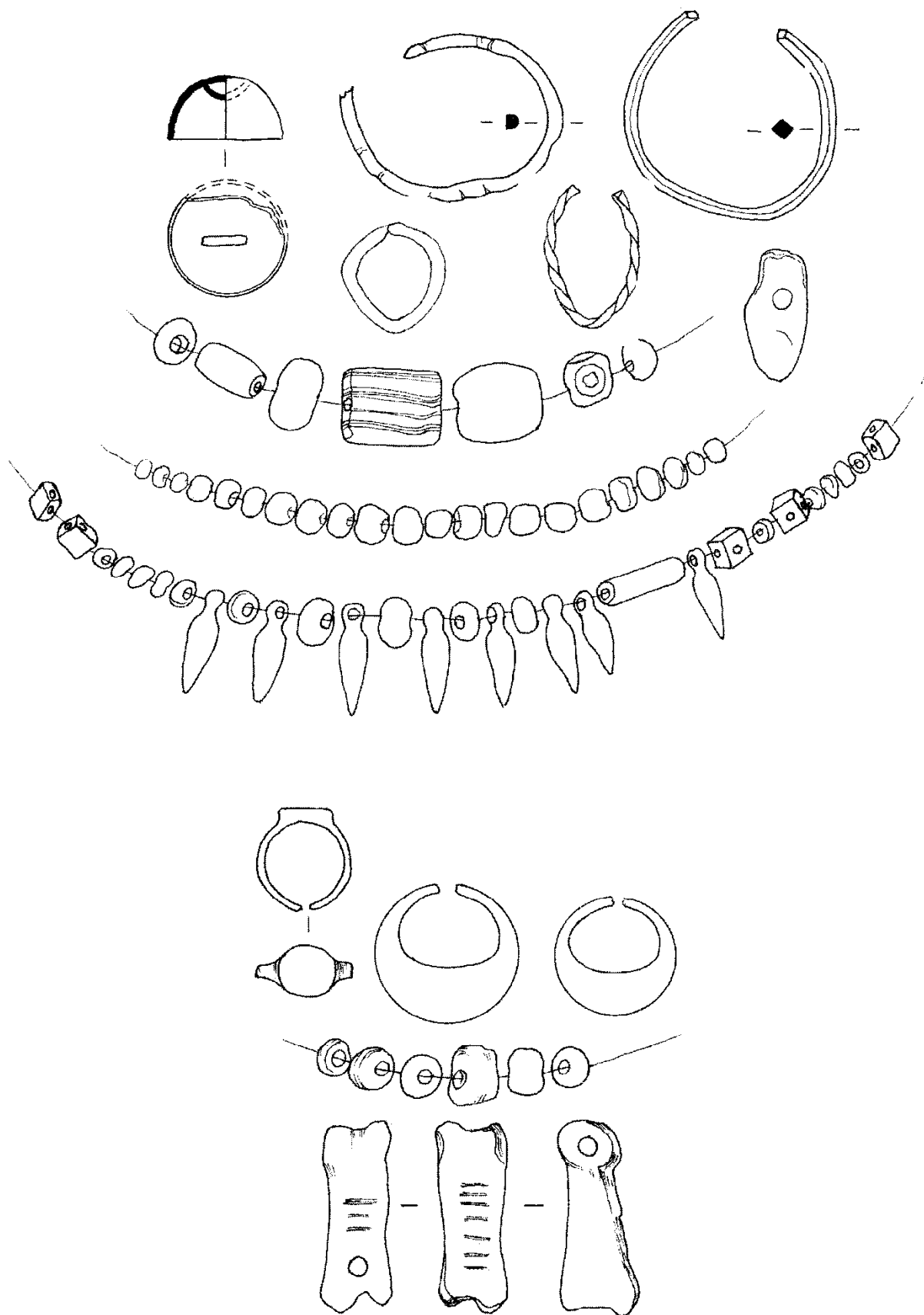

Таблица 18. Инвентарь кувшинных погребений. а. Погребение в маслбойке. б. Погребение в карасе (парное).

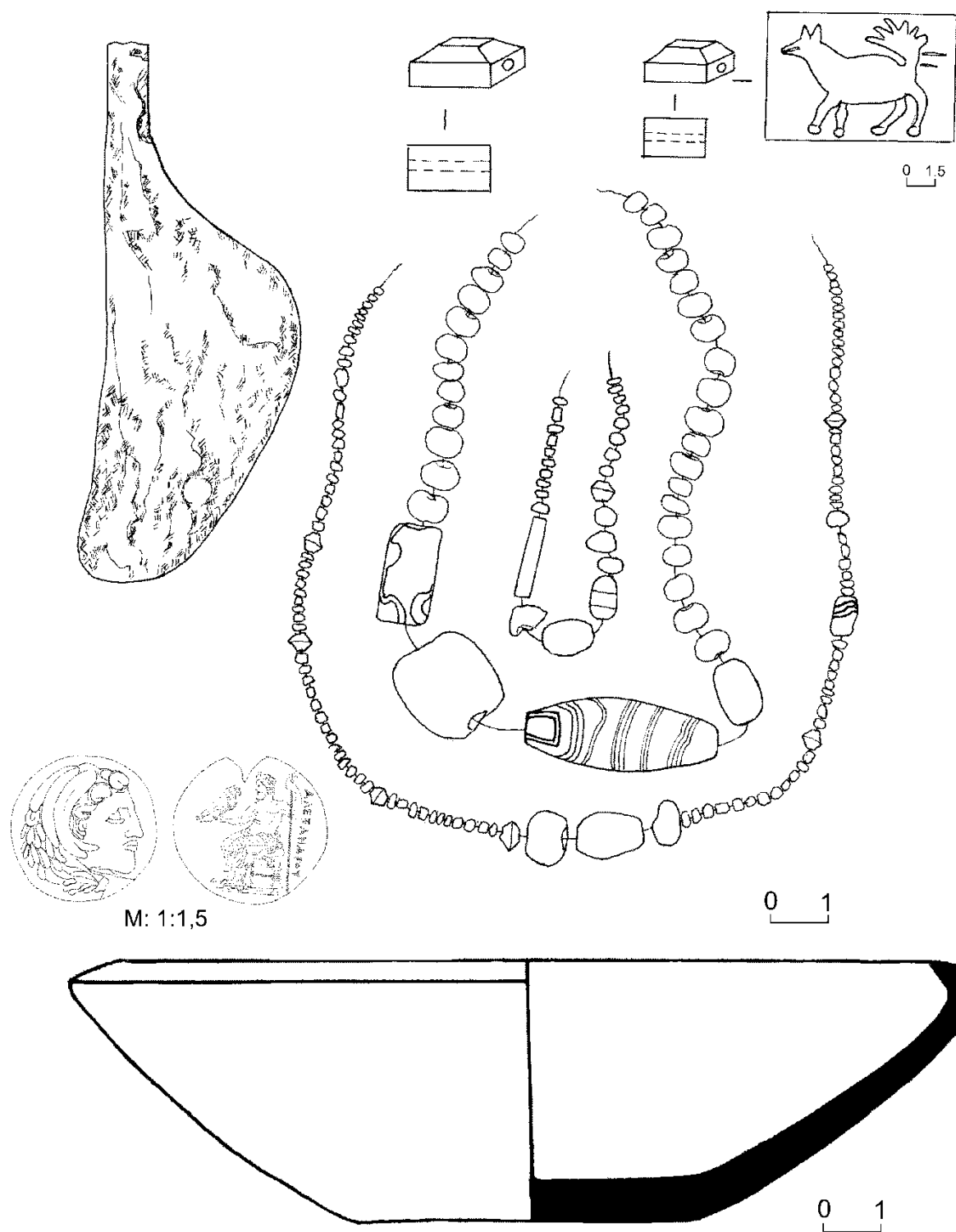

Таблица 19. Инвентарь кувшинного погребения (поврежденного).

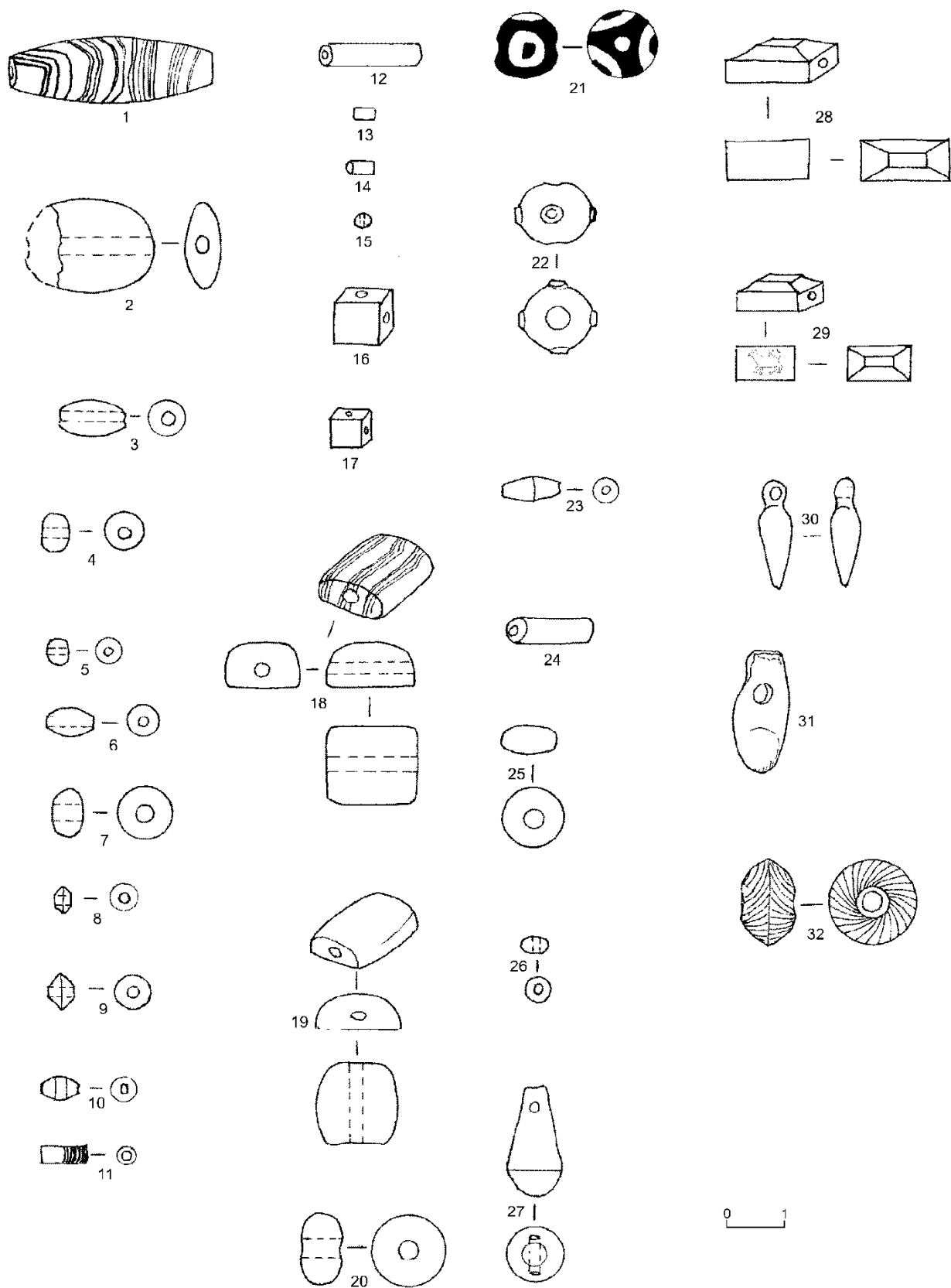

Таблица 20. Бусы. Общая таблица. Сардоникс, халцедон, сердолик, гагат, оникс, стекло, стеклянная паста, стекло с золотой прокладкой, кость, глина.

Таблица 21. Бусы. Инвентарь поврежденного погребения.

Таблица 22. Бусы. Стекло с золотой прокладкой.

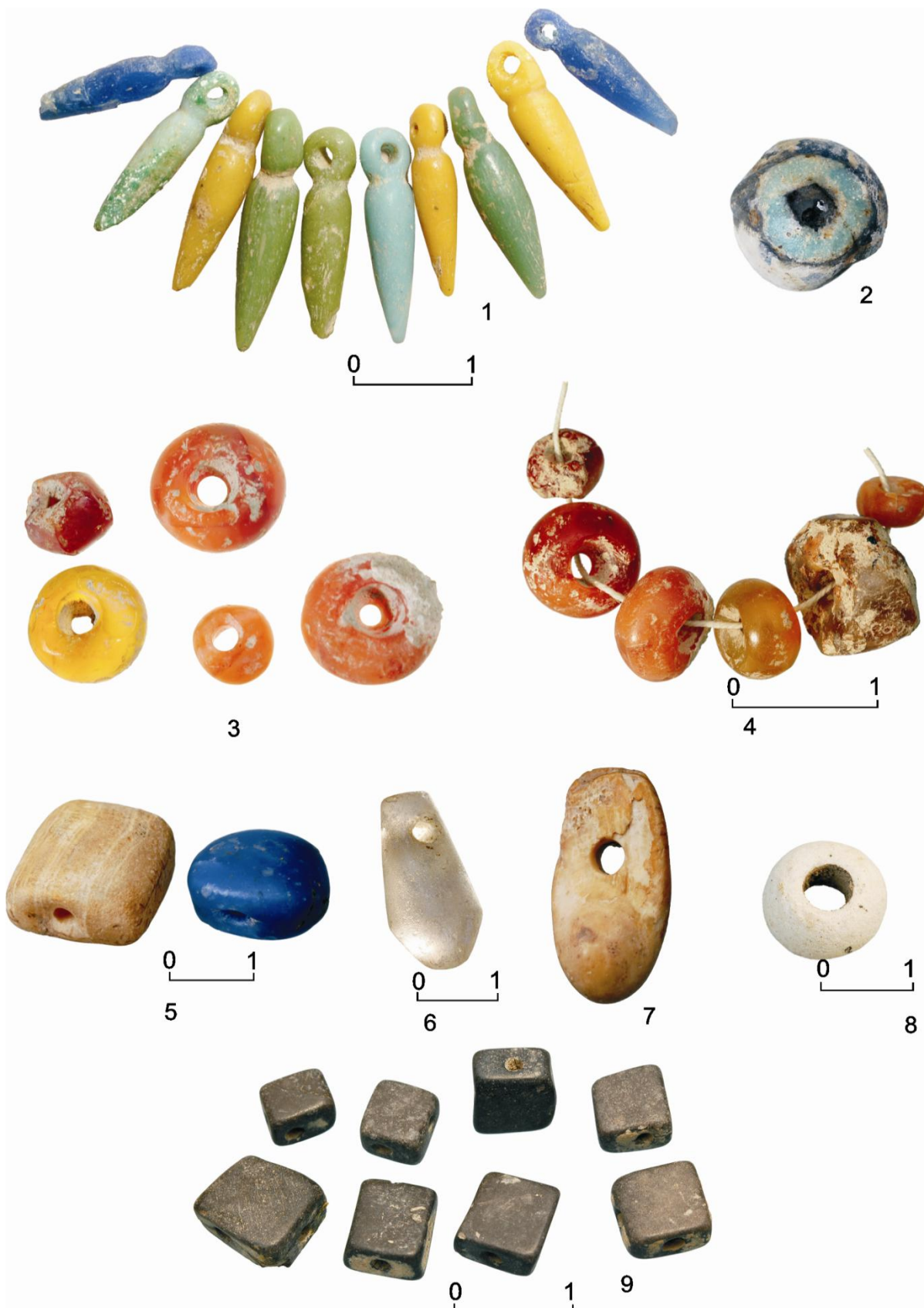
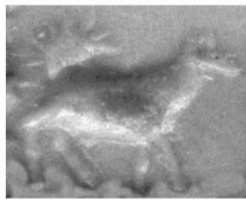
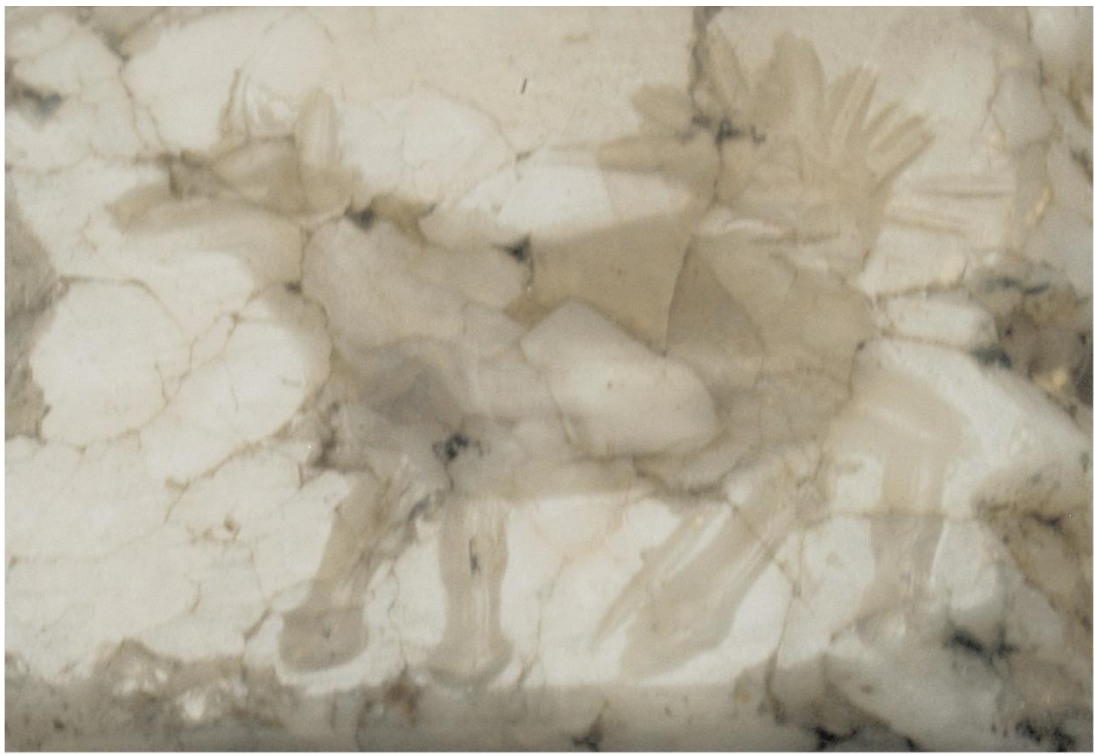

Таблица 23. Бусы. 1,2. Стеклянная паста. 3,4. Сердолик. 5. Оникс. Стеклянная паста.
6.Стекло. 7. Кость (зуб оленя). 8.Глина. 9. Гагат.

Таблица 24. Бусы. Сардоникс, сердолик, онис, стекло, стеклянная паста, стекло с золотой прокладкой, глина.

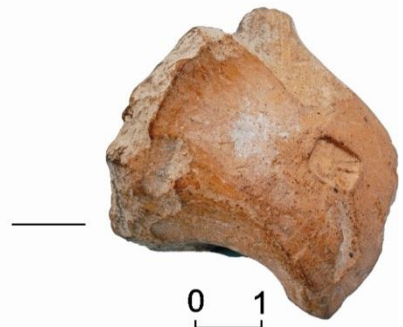
а

0 4
1

6

0 1

2

Таблица 25. Гемма-инталия (двуслойный халцедон) с изображением собаки. 2. Оттиск
клейма на ручке кувшина (с изображением собаки).

Таблица 26. Предметы туалета. 1. Фибула (бронза). 2. Серьги (серебро). 3. Кольцо (бронза).

4. Пуговицы-застежки (камень, глина), 5, 6. Заколки (бронза), 7. Заколка (кость).

Таблица 27. 1,2. Браслеты (детские, бронза). 3. Браслет (бронза). 4,5. Серьги (бронза). 6. Бубенчик (бронза).

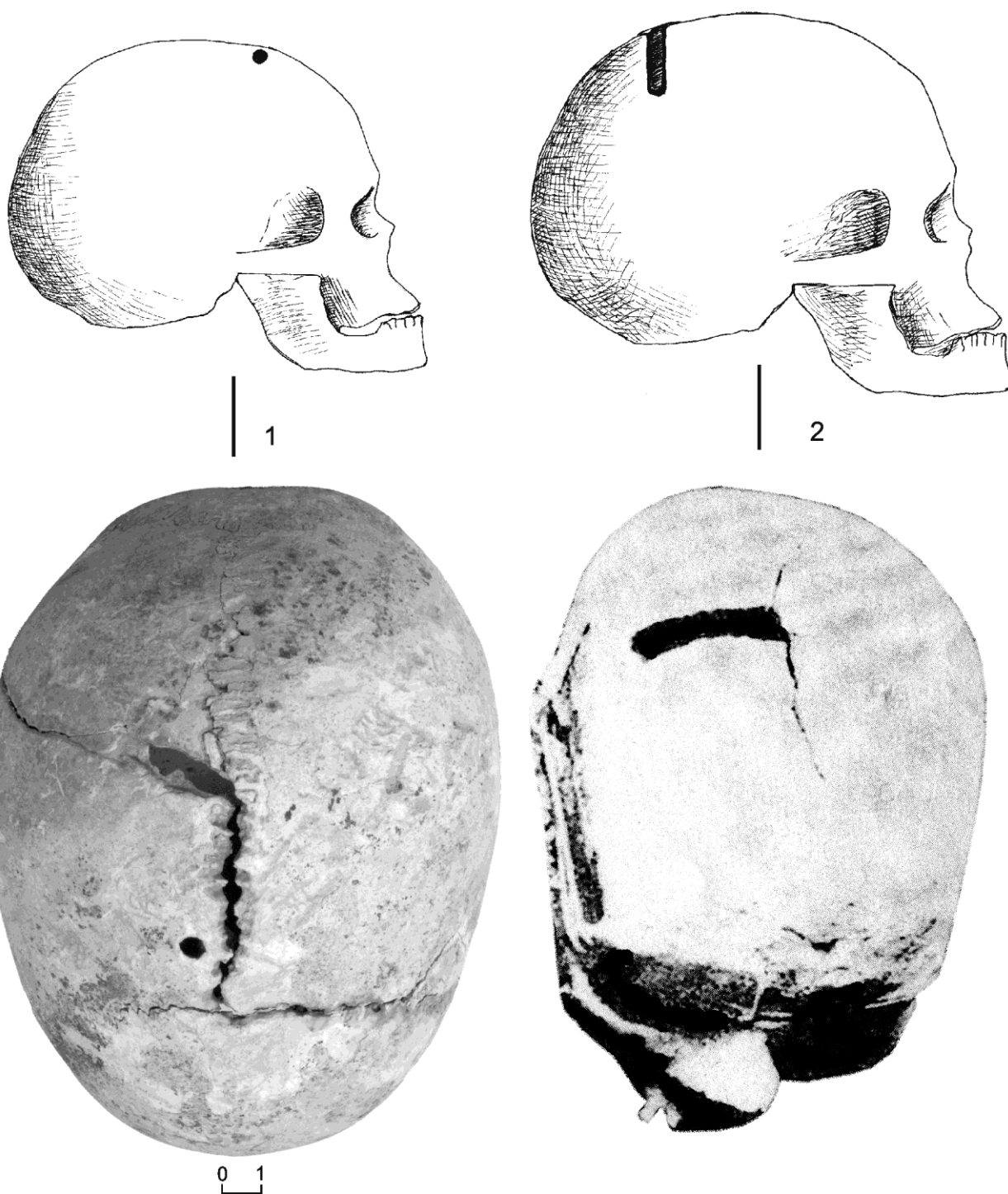

Таблица 28. Черепные кости со следами операций по трепанации из кувшинных захоронений. 1,2. Трепанационные отверстия – круглой и прямоугольной формы.

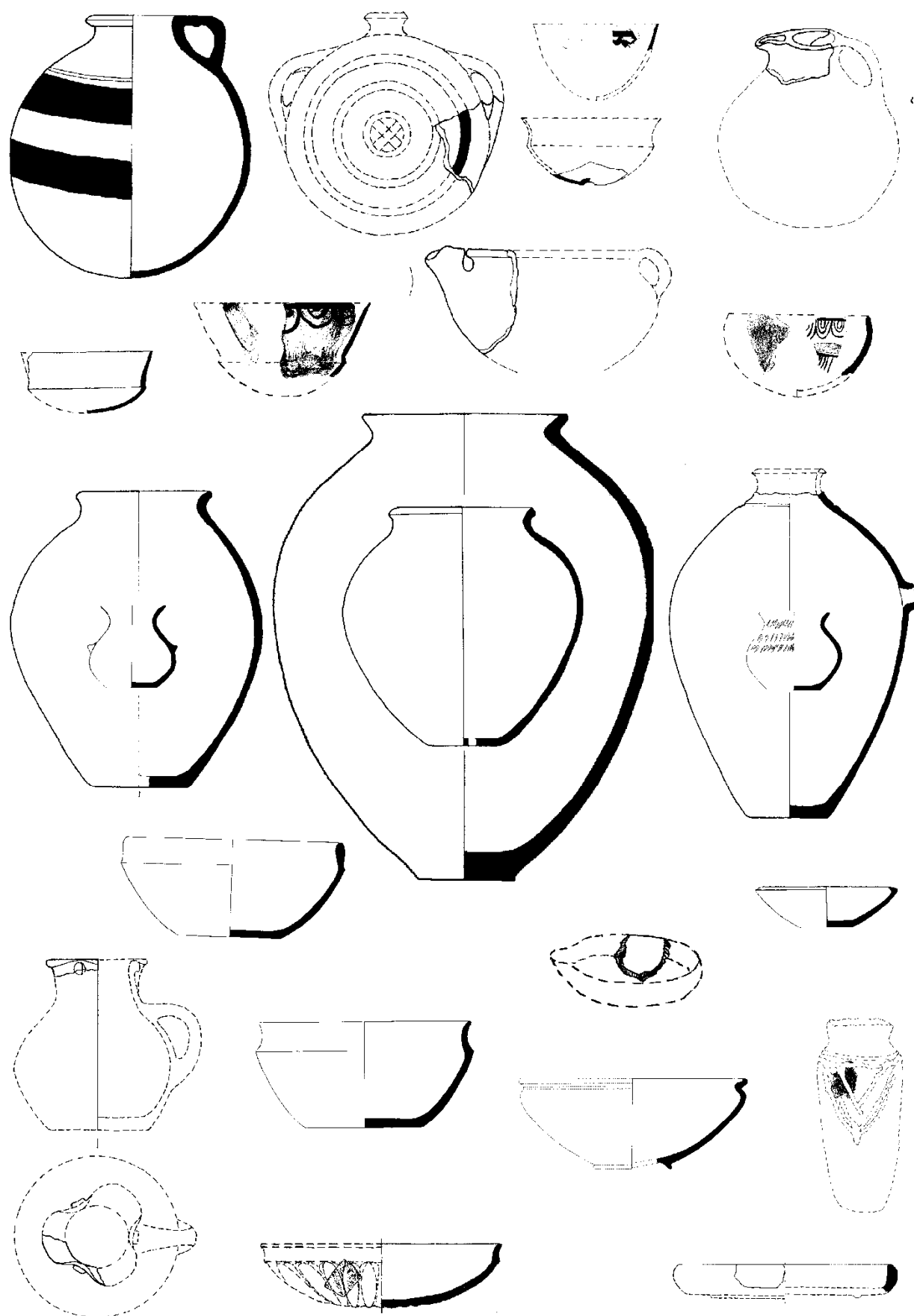

Таблица 29. Комплекс изделий керамического производства античного поселения.

Таблица 30. 1. Маслобойка. 2. Кувшин.

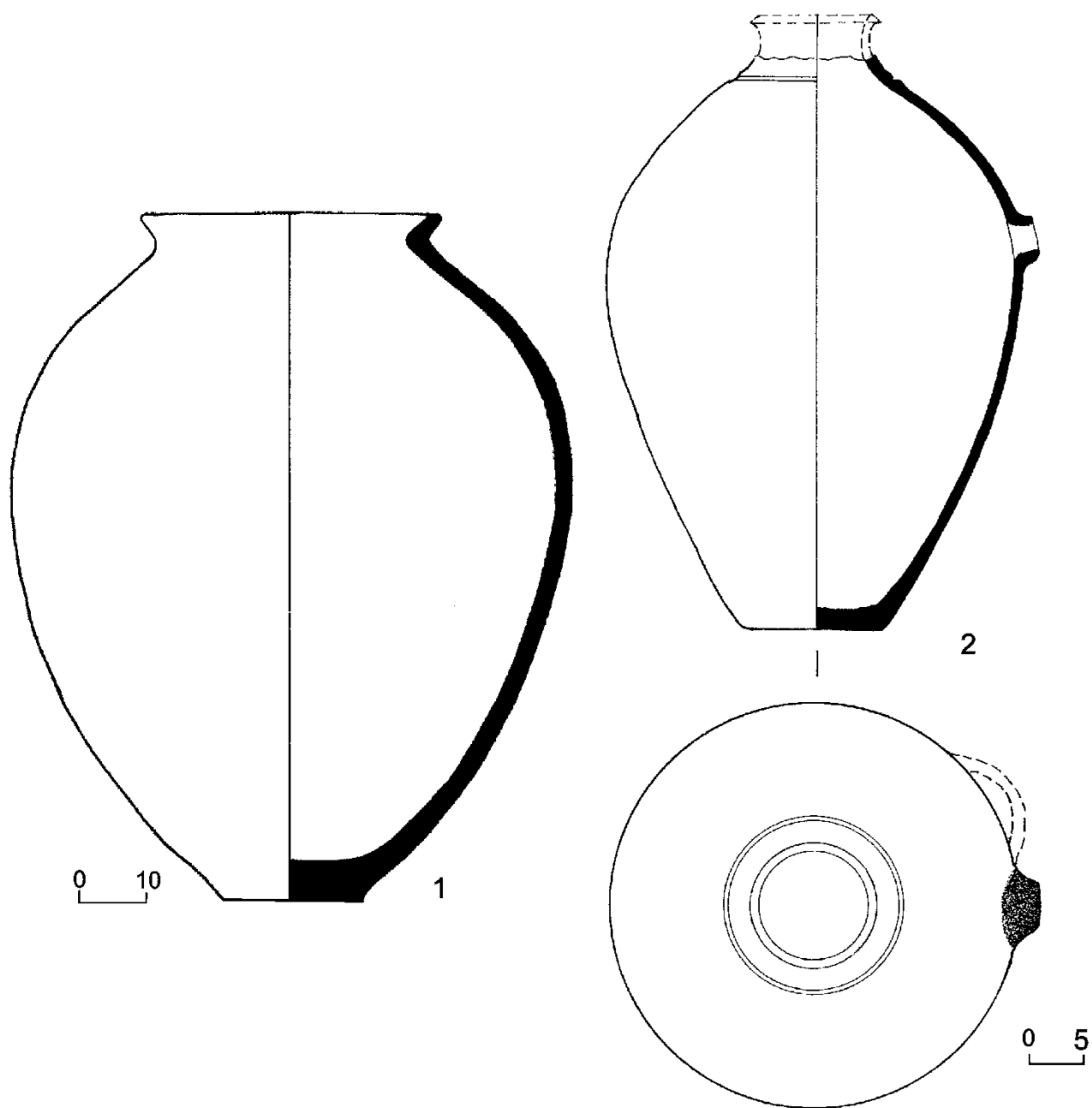

Таблица 31. Сосуды, используемые в качестве погребальных. 1. Карас. 2. Маслобойка.

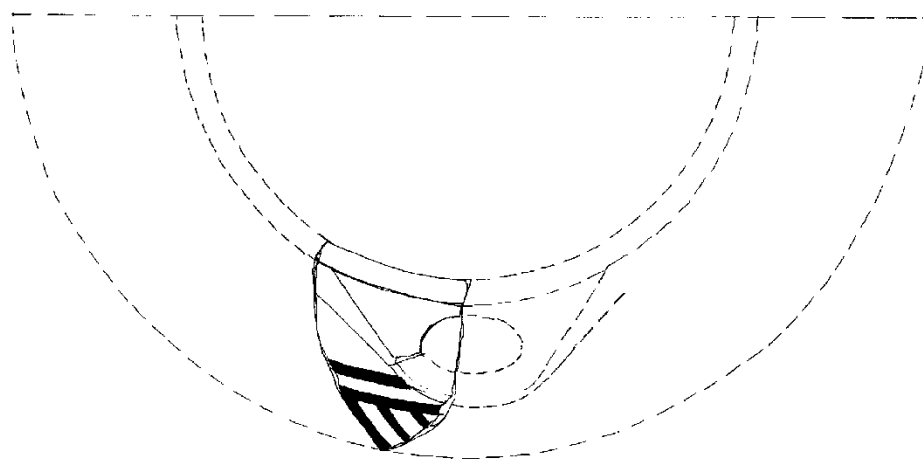
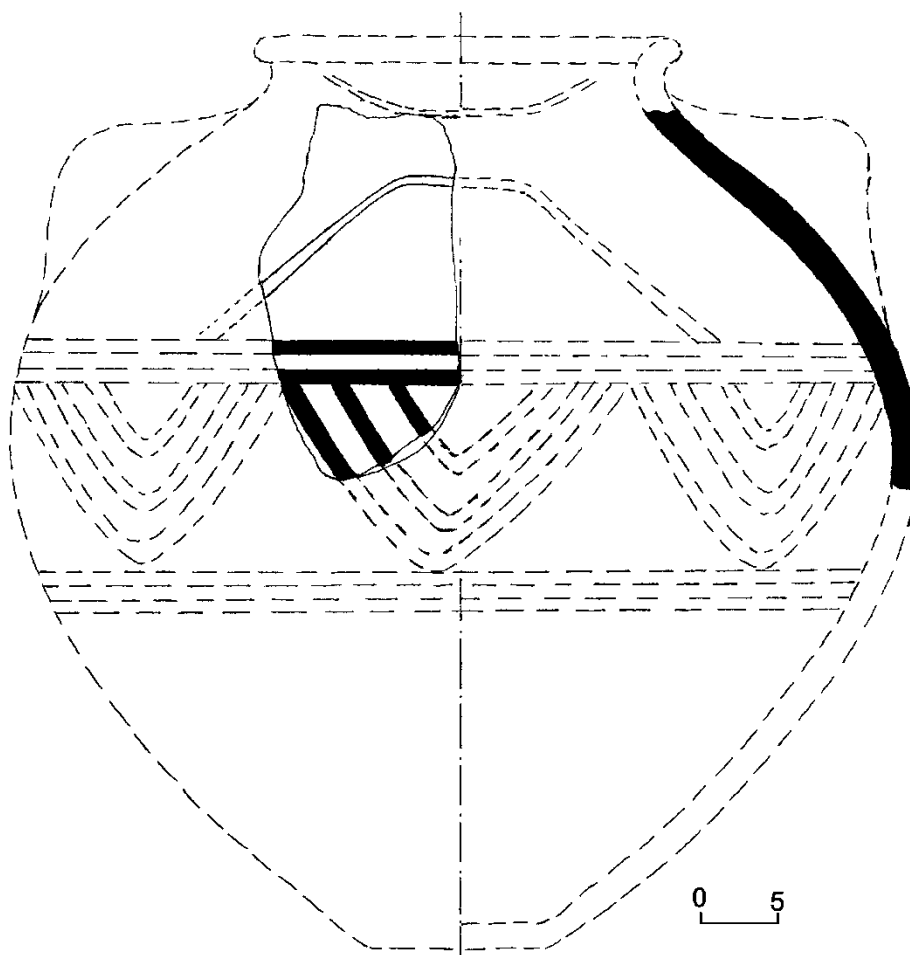

Таблица 32. Расписной карас. (Вариант реконструкции).

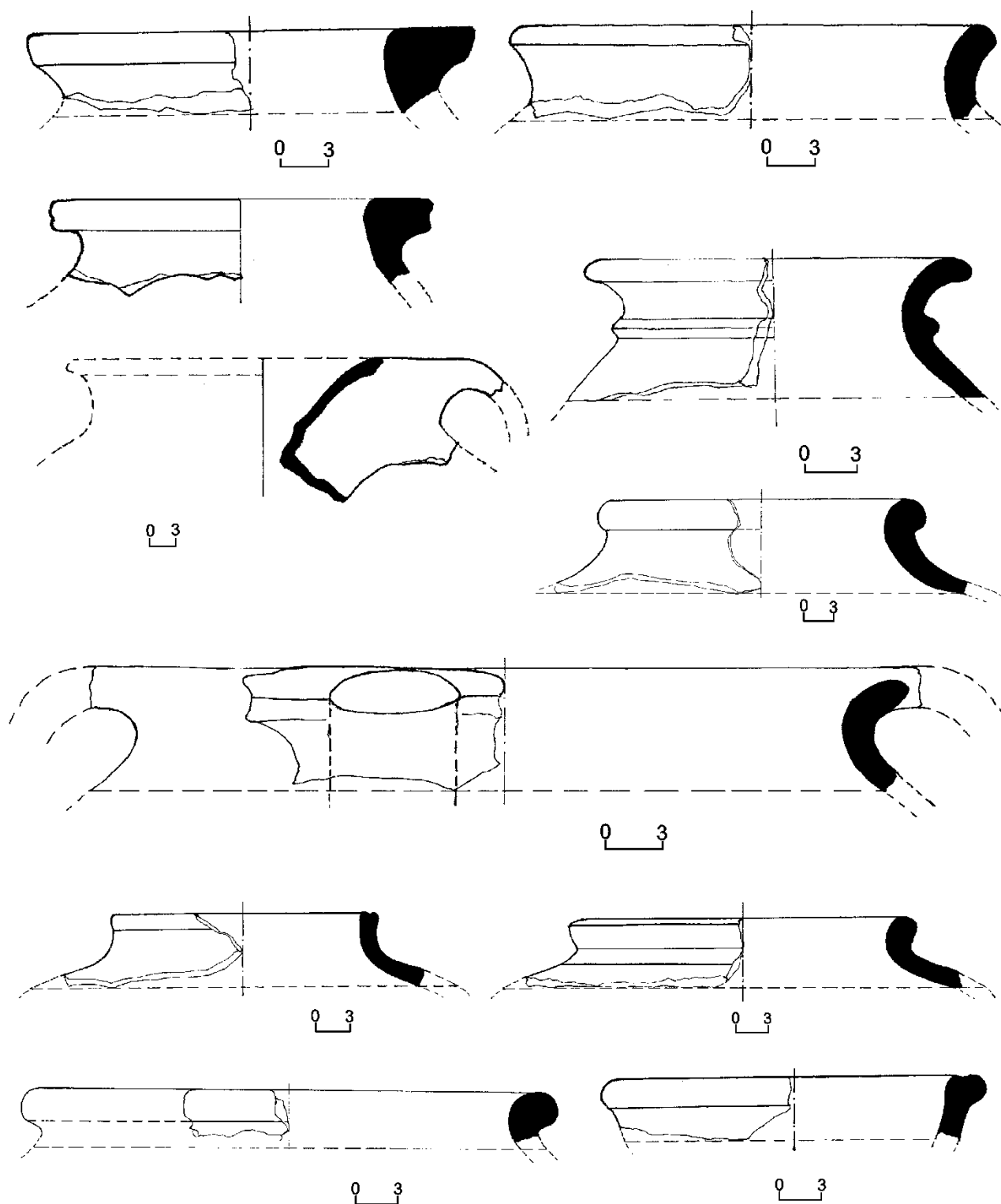

Таблица 33. Хозяйственная керамика. Карасы.

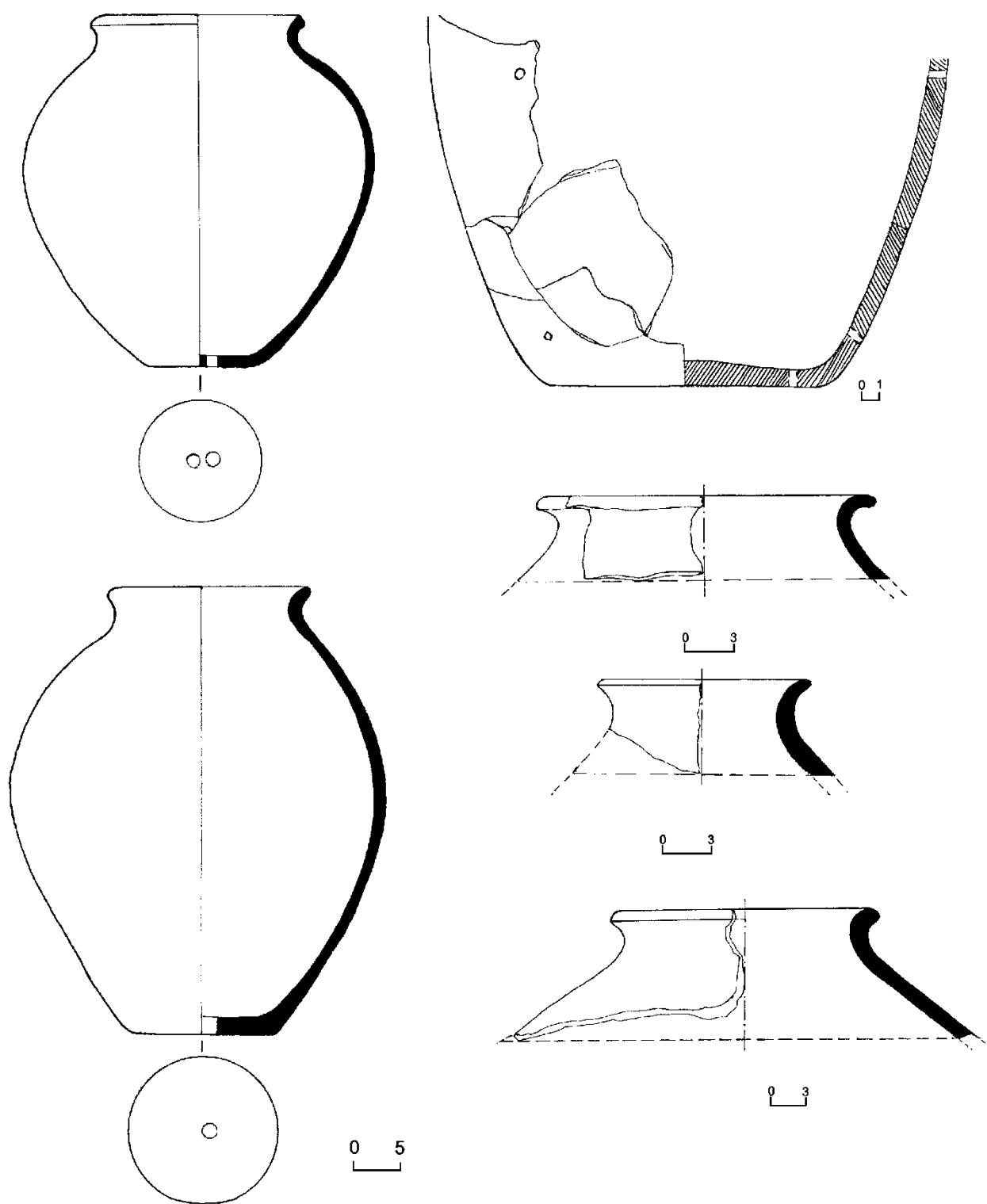

Таблица 34. Карасы.

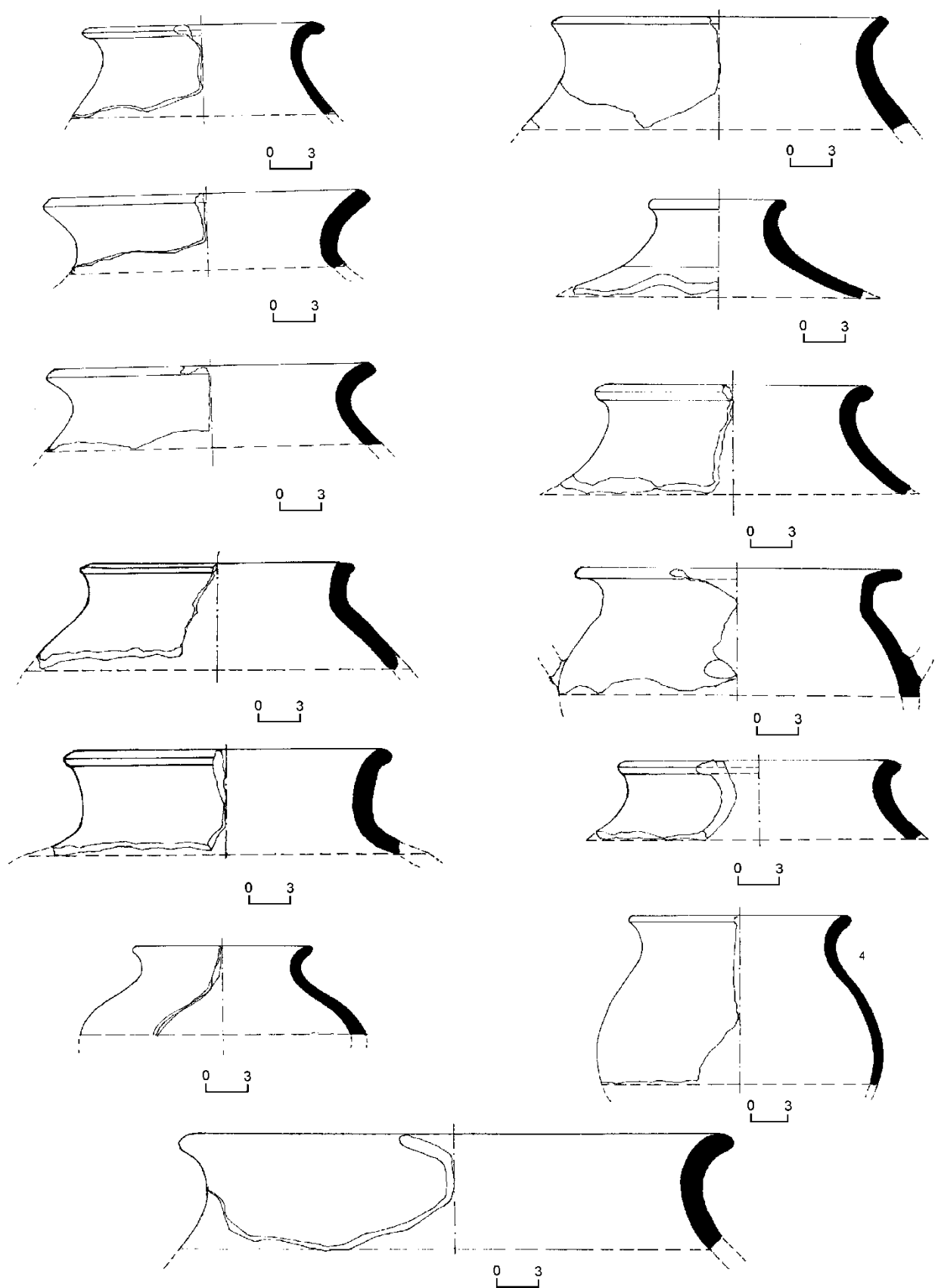

Таблица 35. Карасы.

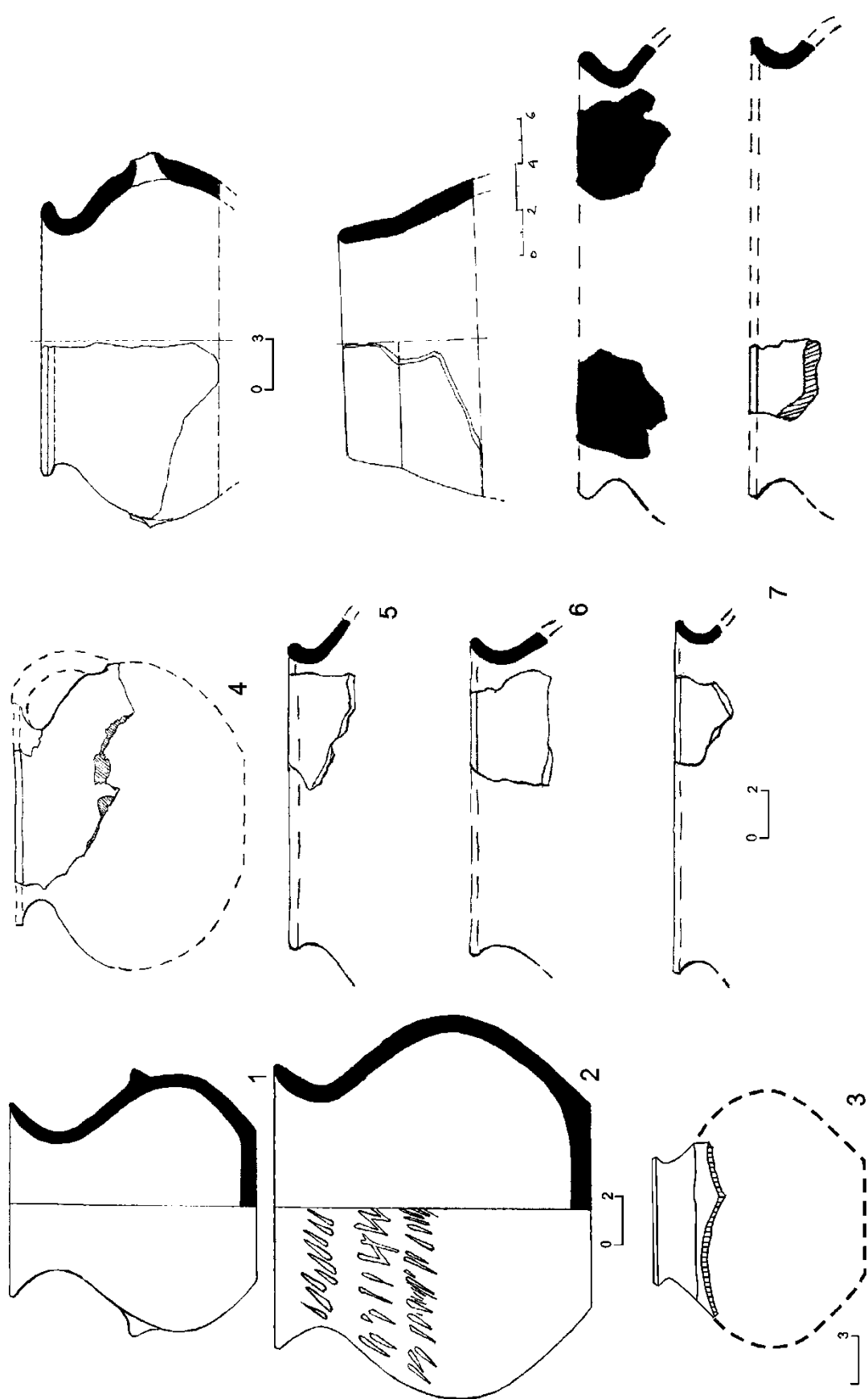

Таблица 36. Горшки.

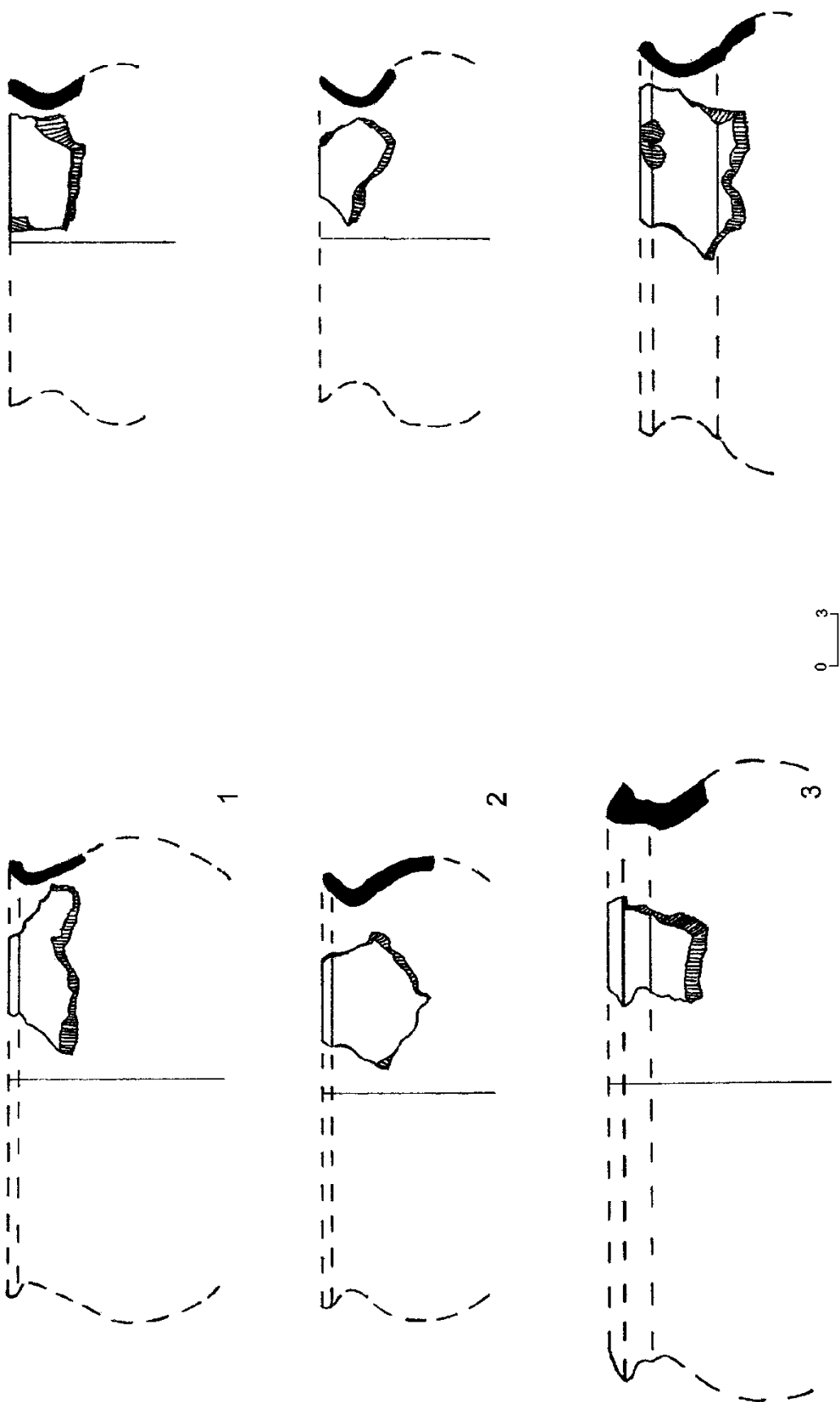

Таблица 37. Горшки.

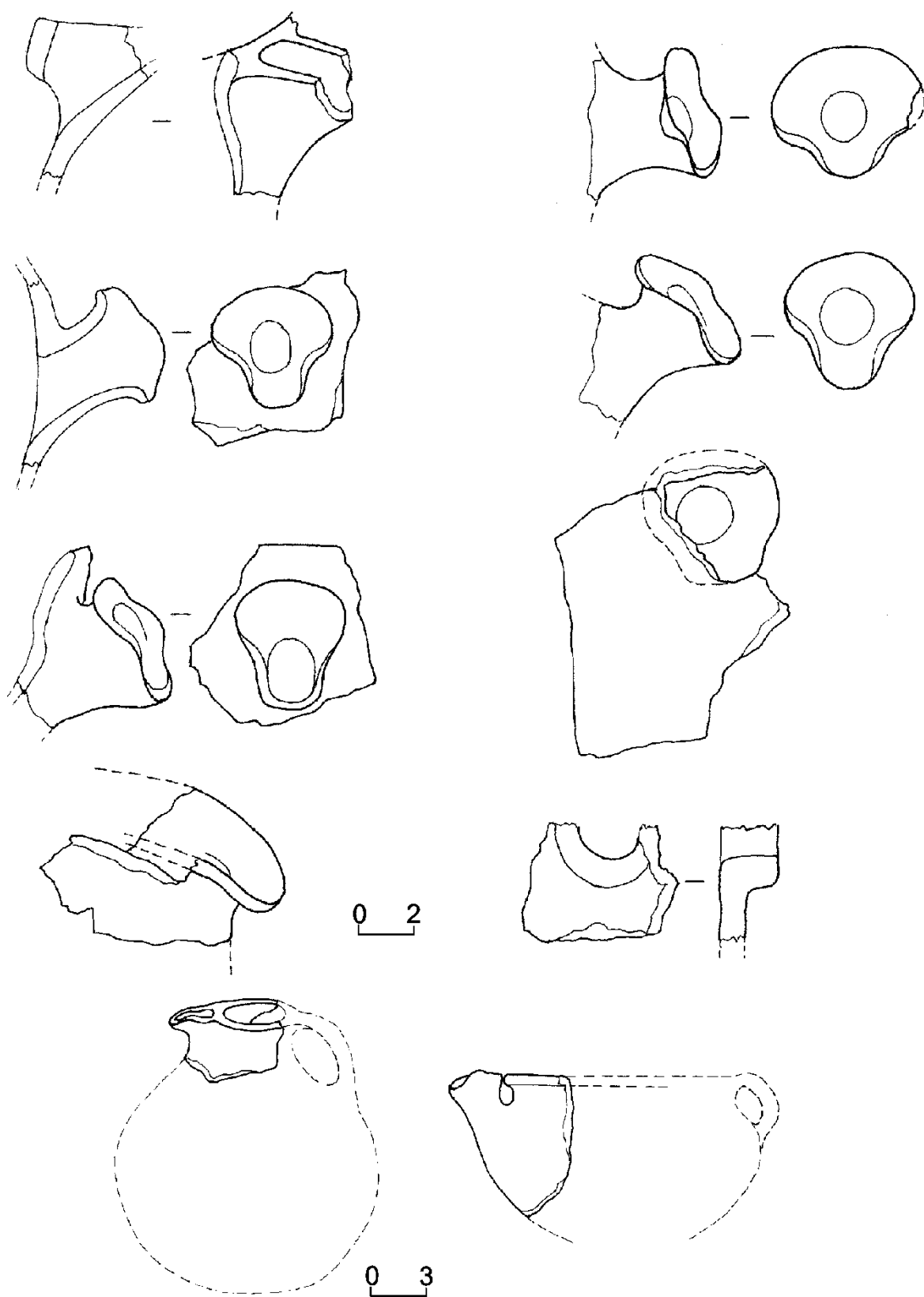

Таблица 38. Кухонная и столовая керамика. Сосуды со сливным носиком.

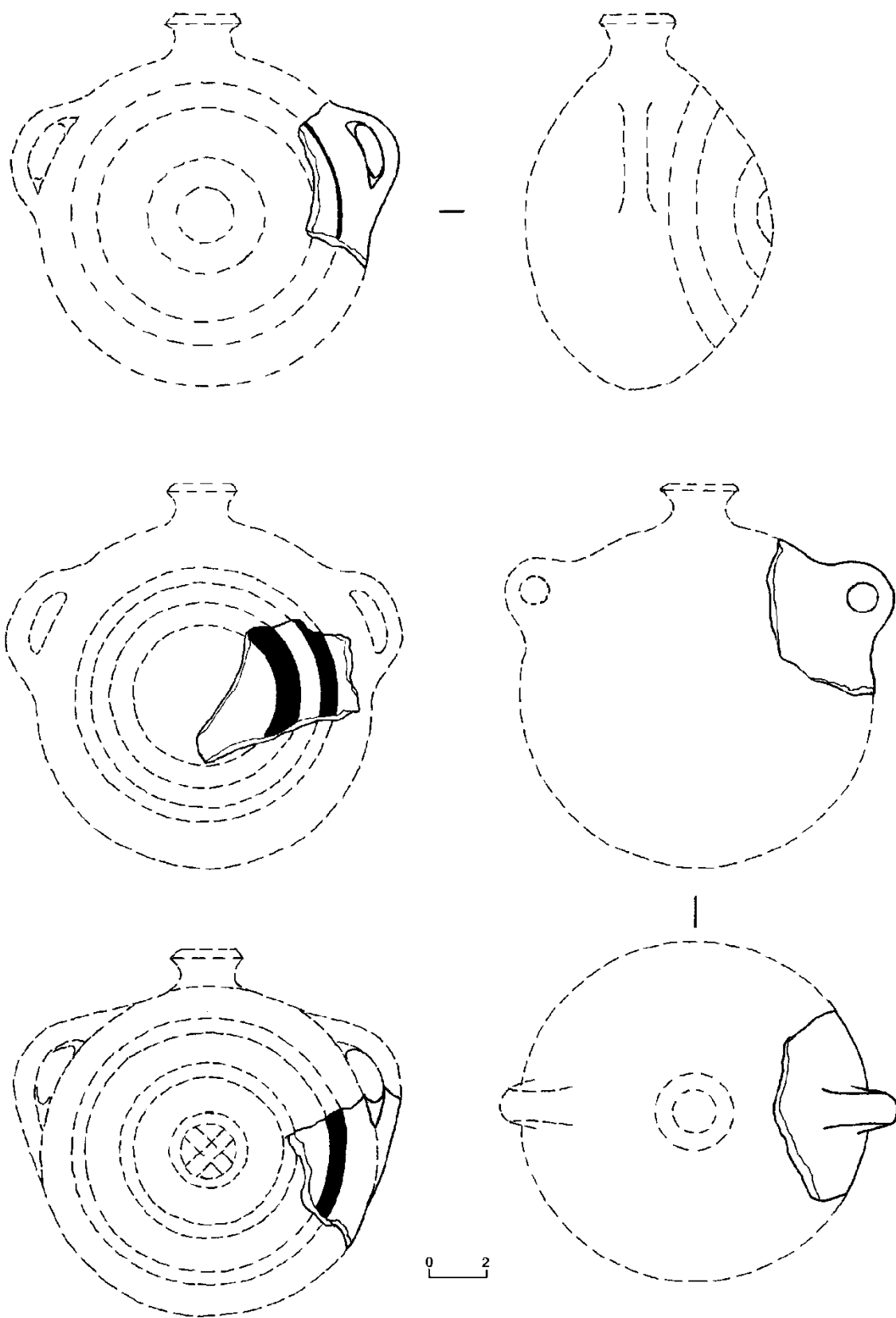

Таблица 39. Фляги.

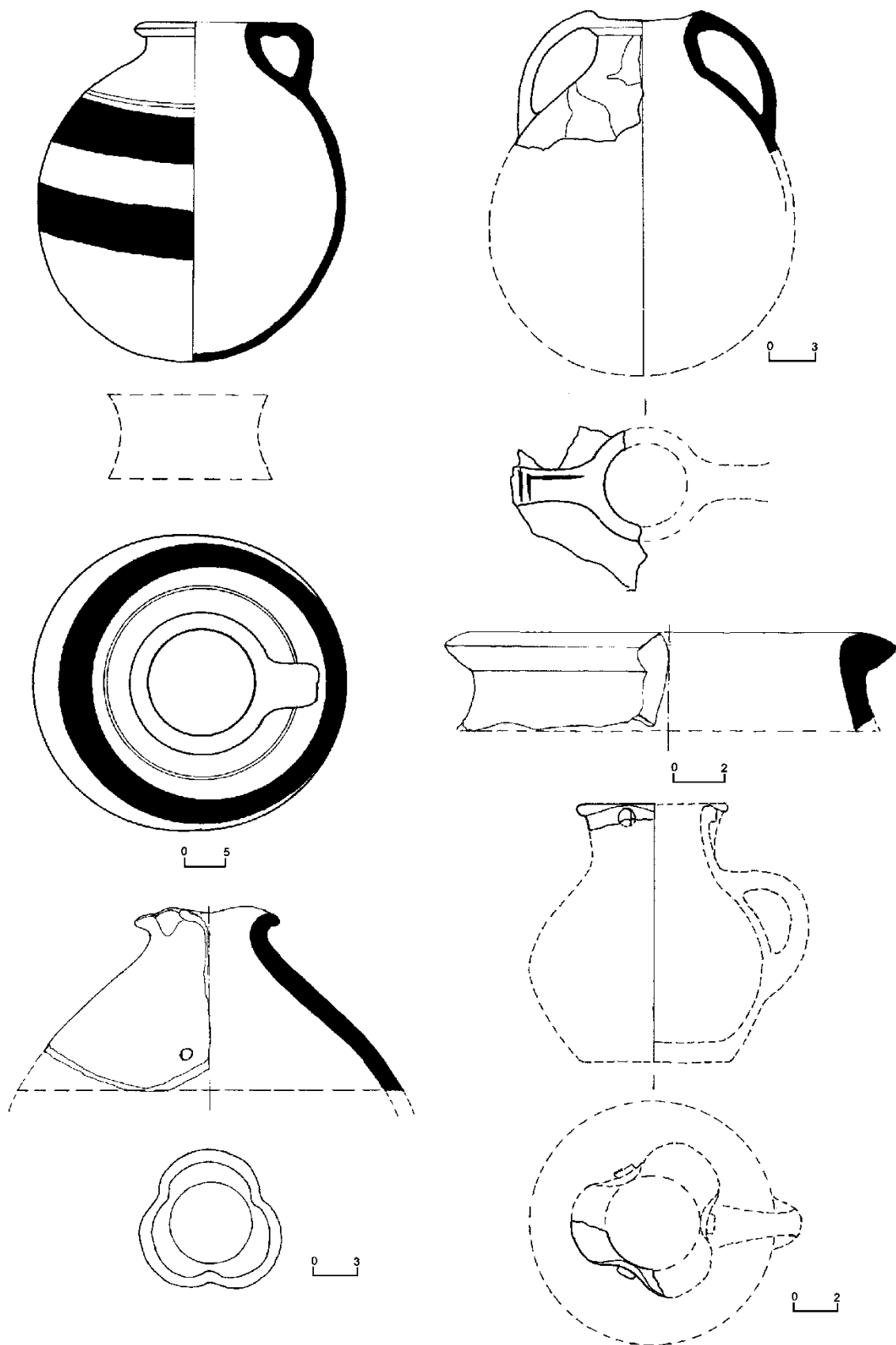

Таблица 40. Кувшины.

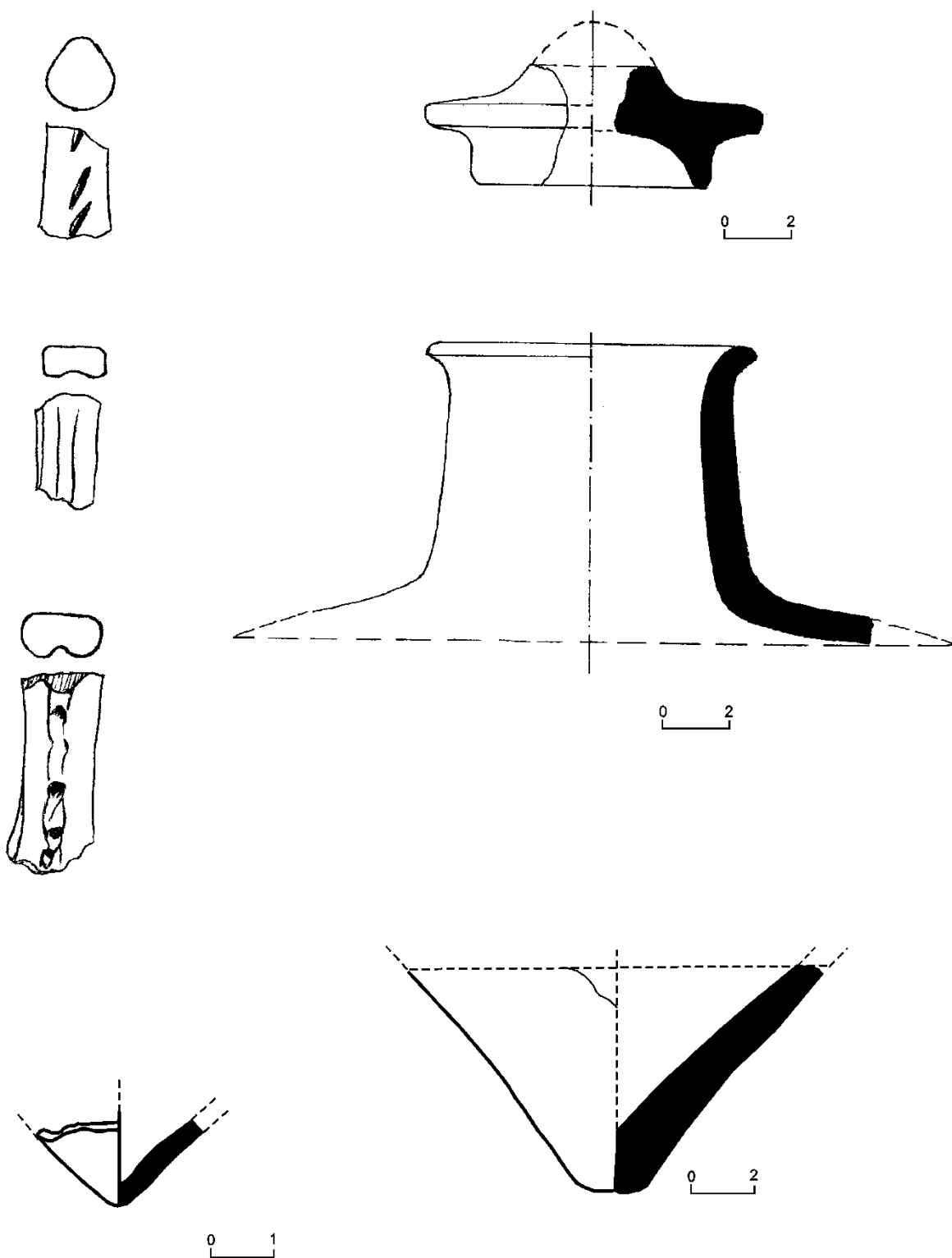

Таблица 41. Кувшины.

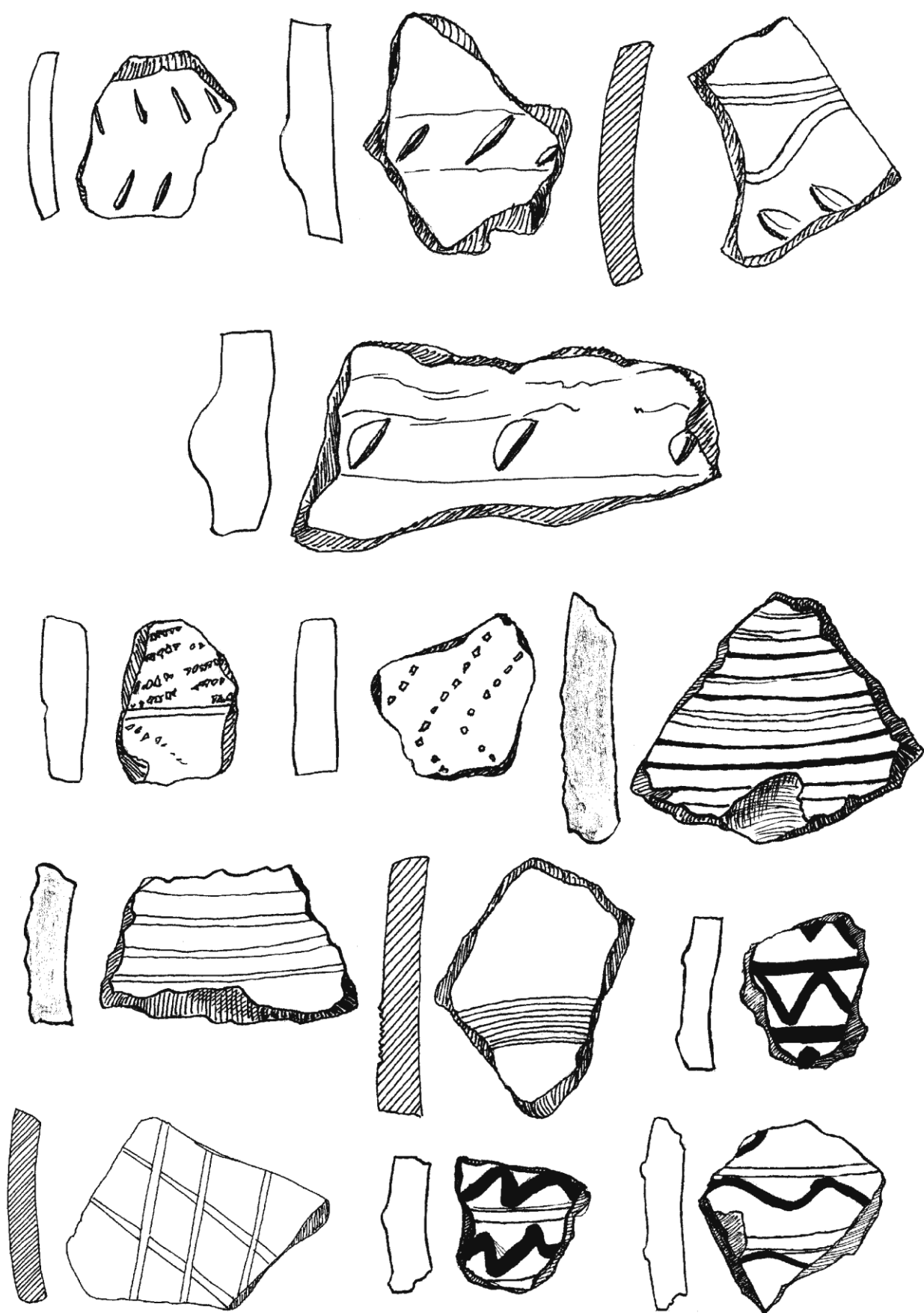

Таблица 42. Типы орнаментации. Семечковидный, точечный, врезной, лощеный.

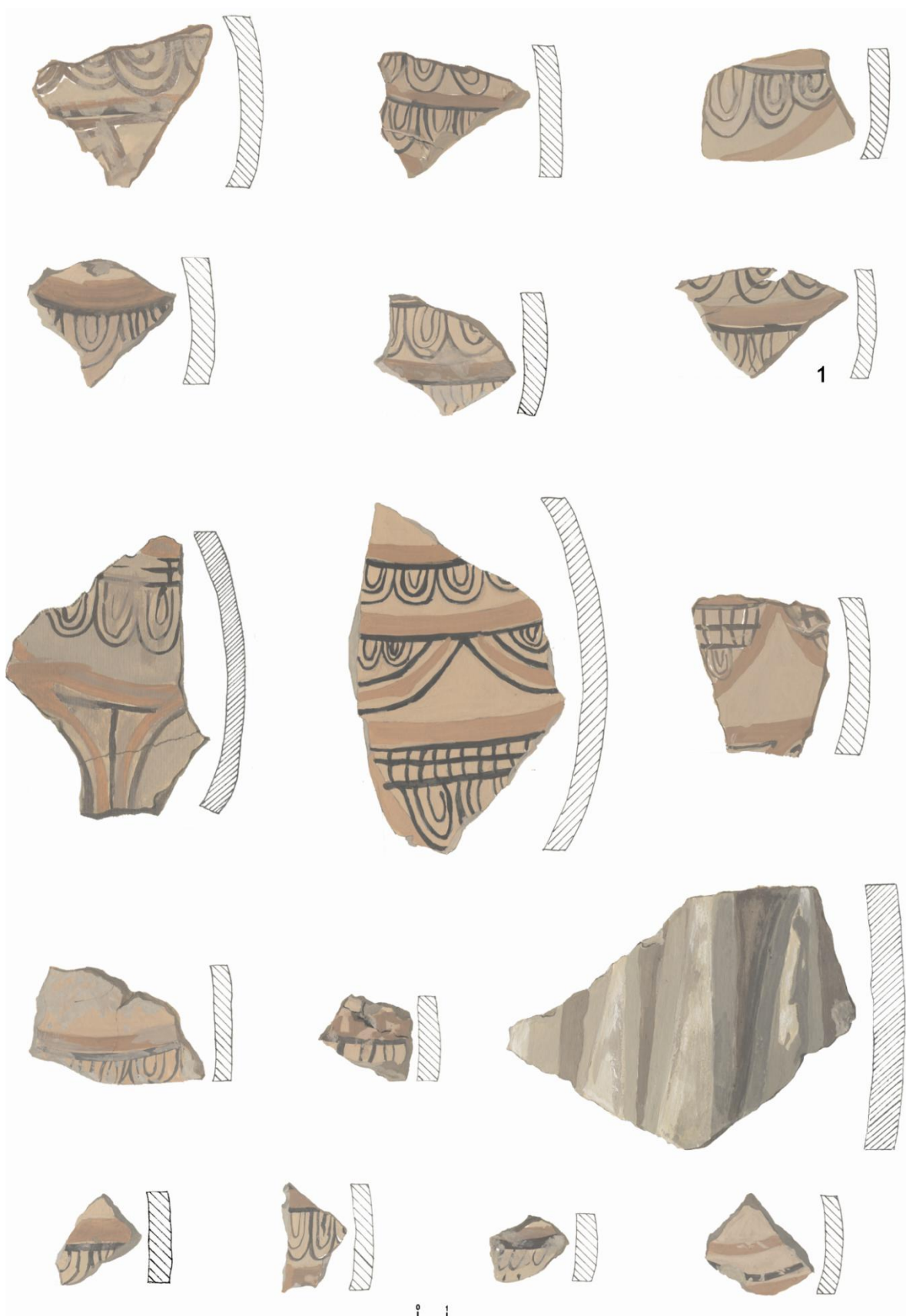

Таблица 43. Типы орнаментов расписных закрытых сосудов (кувшины).

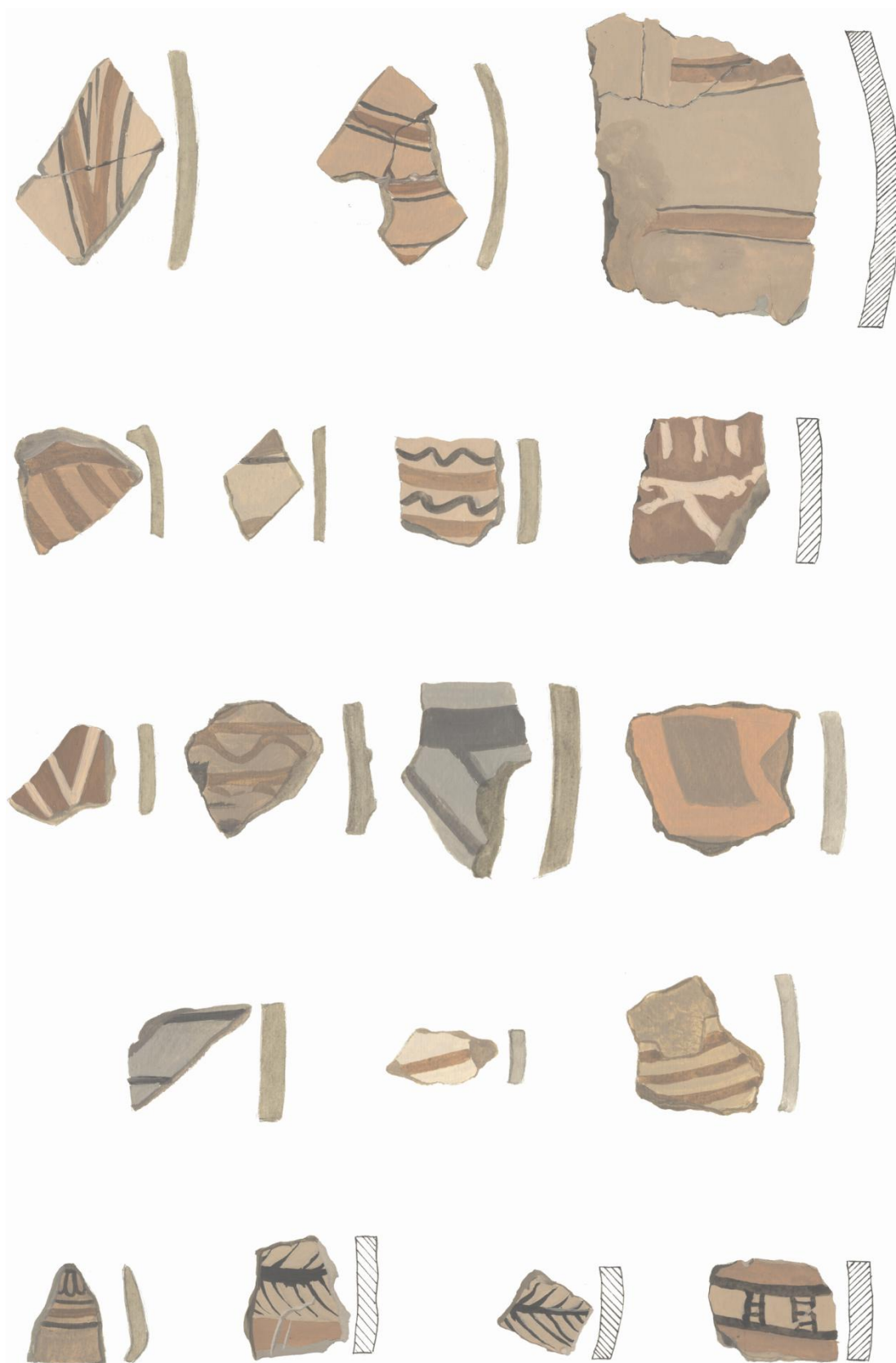

Таблица 44. Типы орнаментов расписных закрытых сосудов (кувшины, фляги).

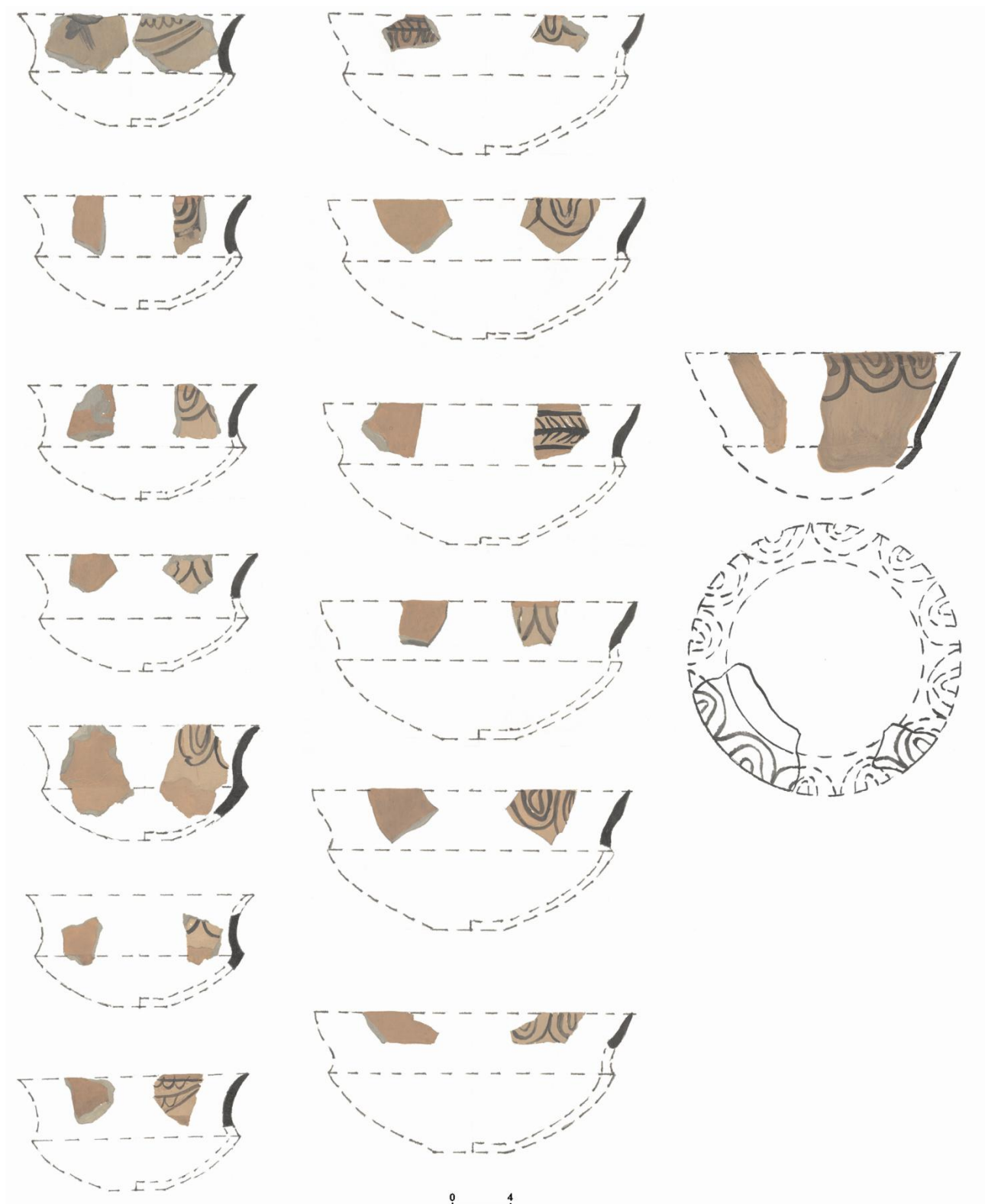

Таблица 45. Расписные пиалы (с отогнутым краем).

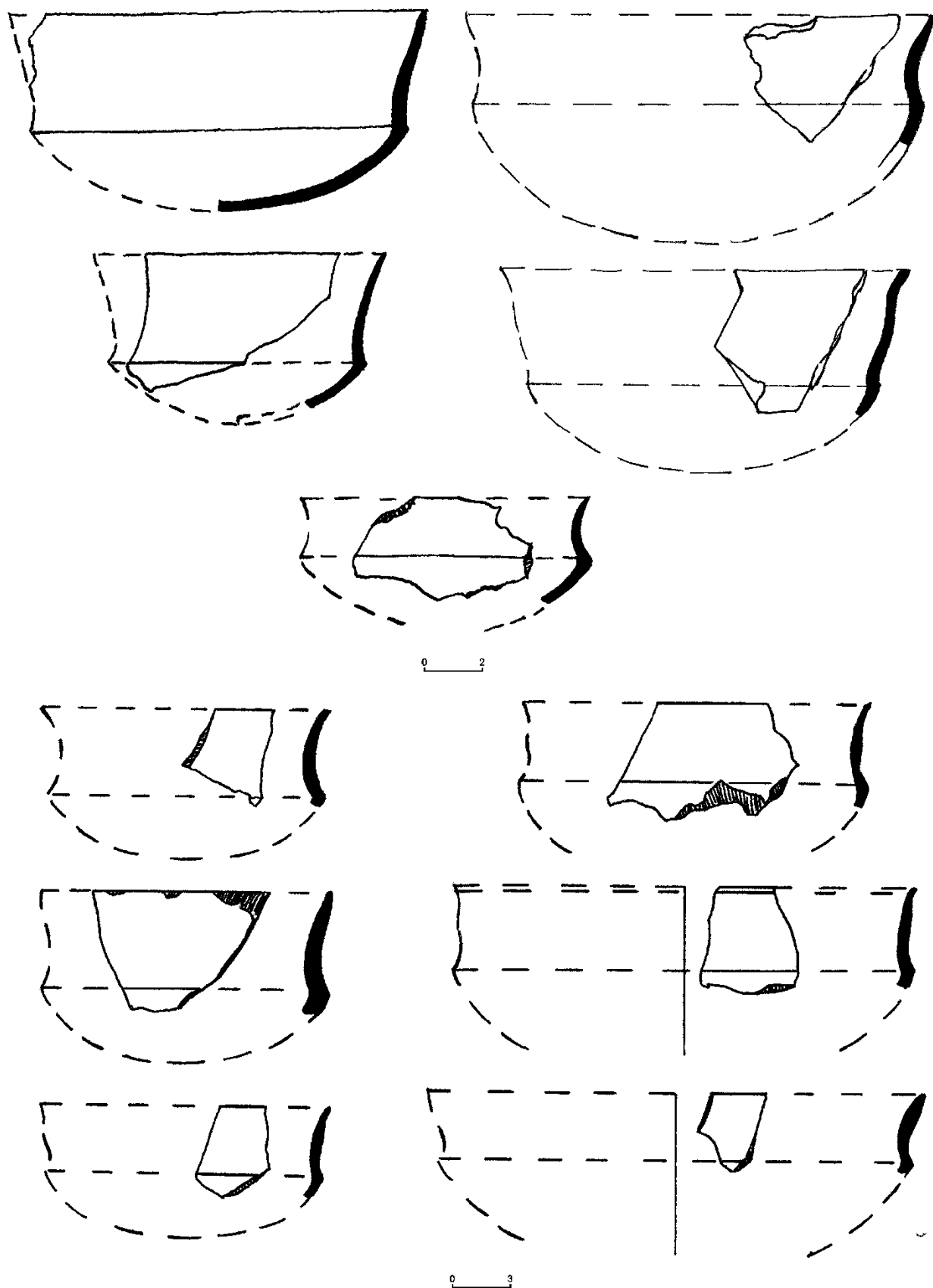

Таблица 46. Типы пиал и пиаловидных мисок (с лощеной поверхностью красного, черного, коричневого и серого цветов), с отогнутым наружу краем.

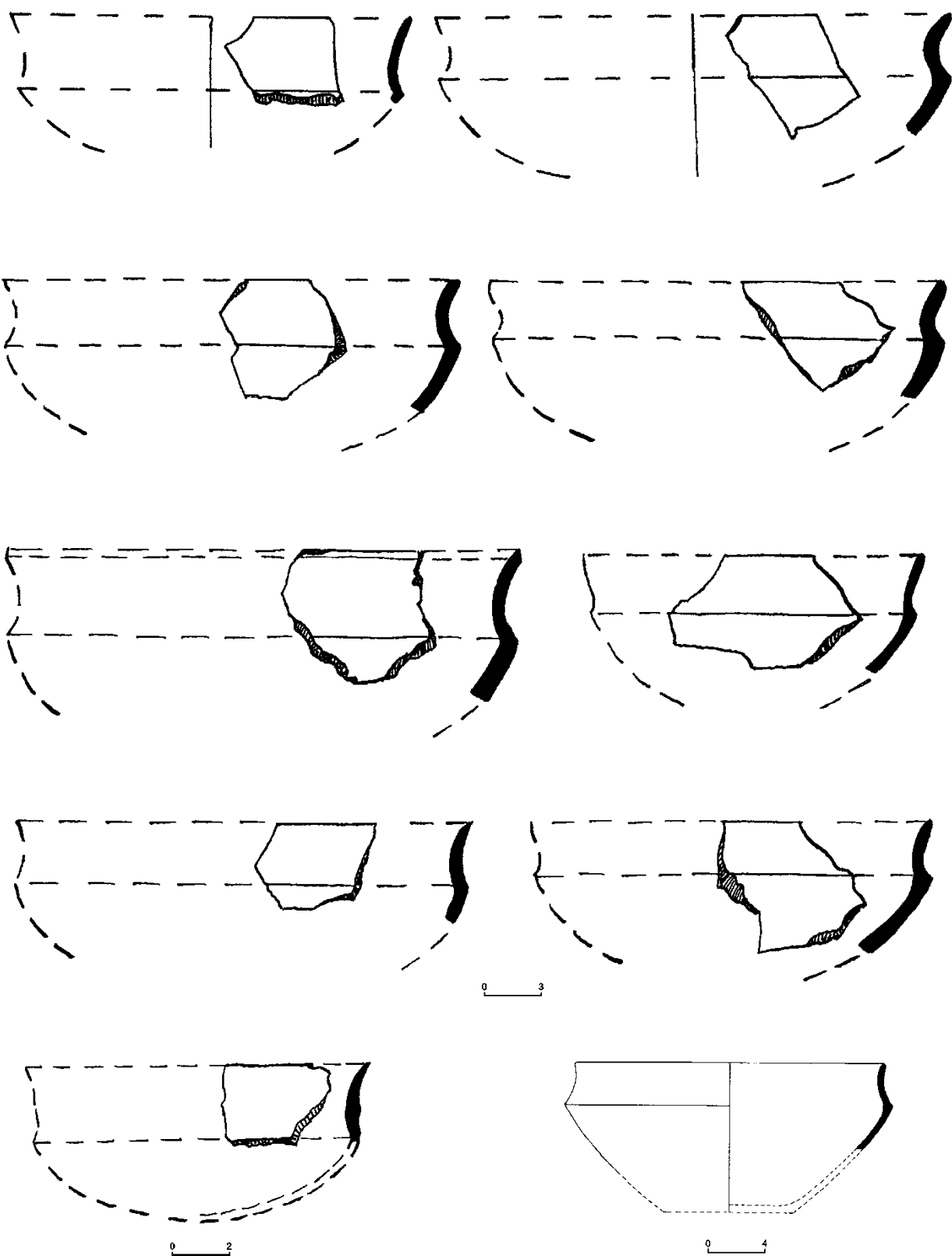

Таблица 47. Типы мисок и чаш.

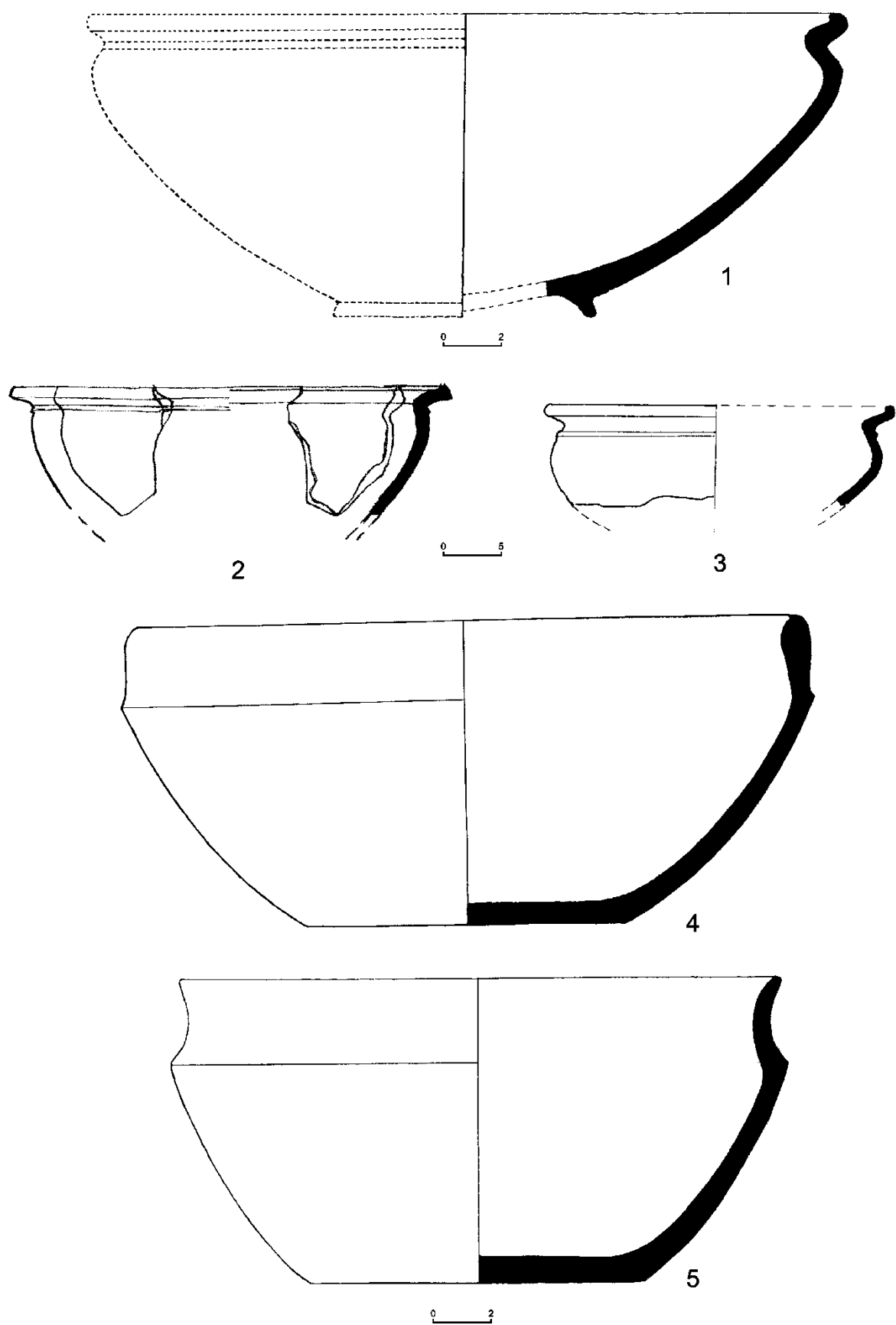

Таблица 48. Типы крупных чаш и мисок.

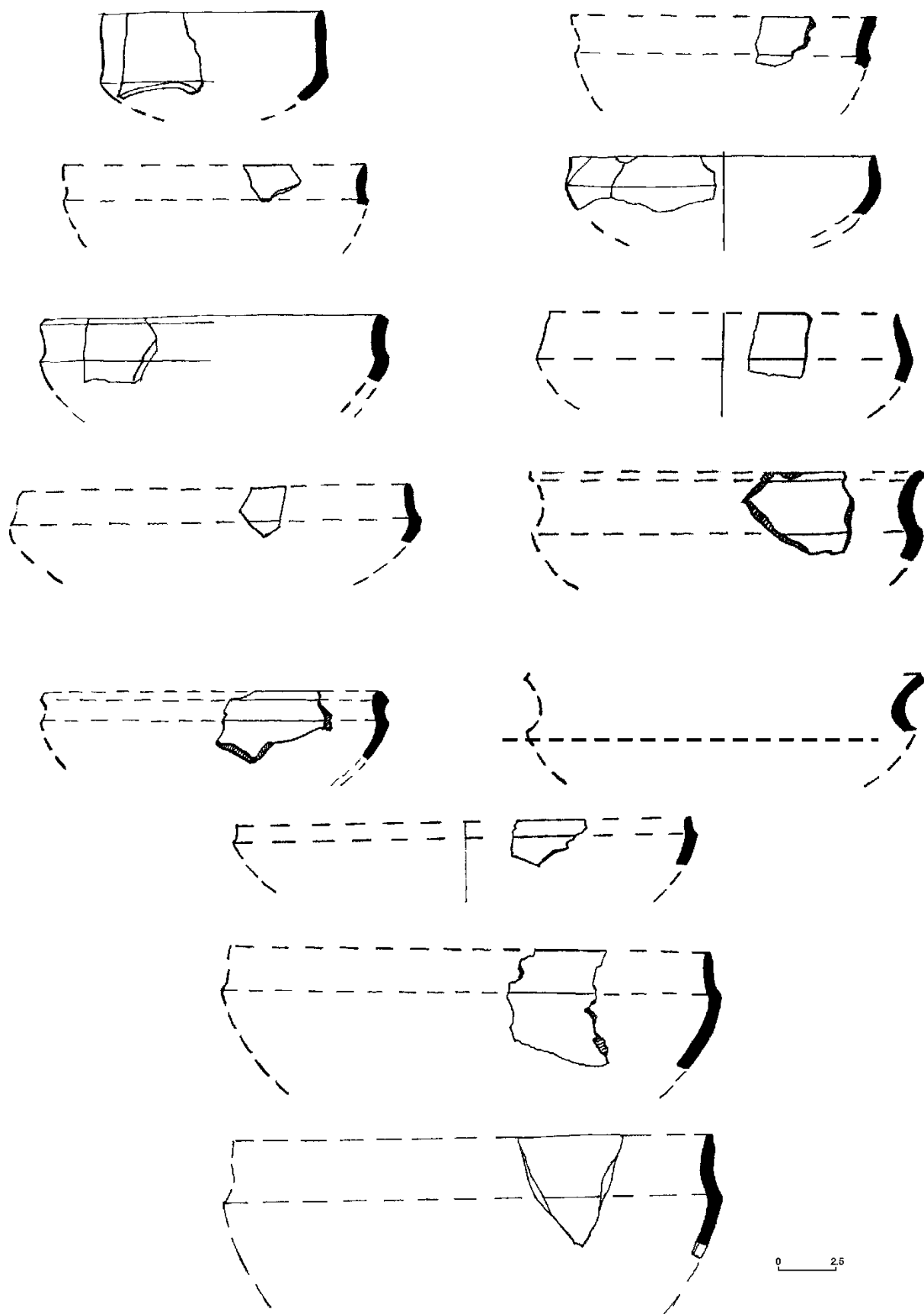

Таблица 49. Разновидные пиалы, чаши и миски с различной формой профилировки края.

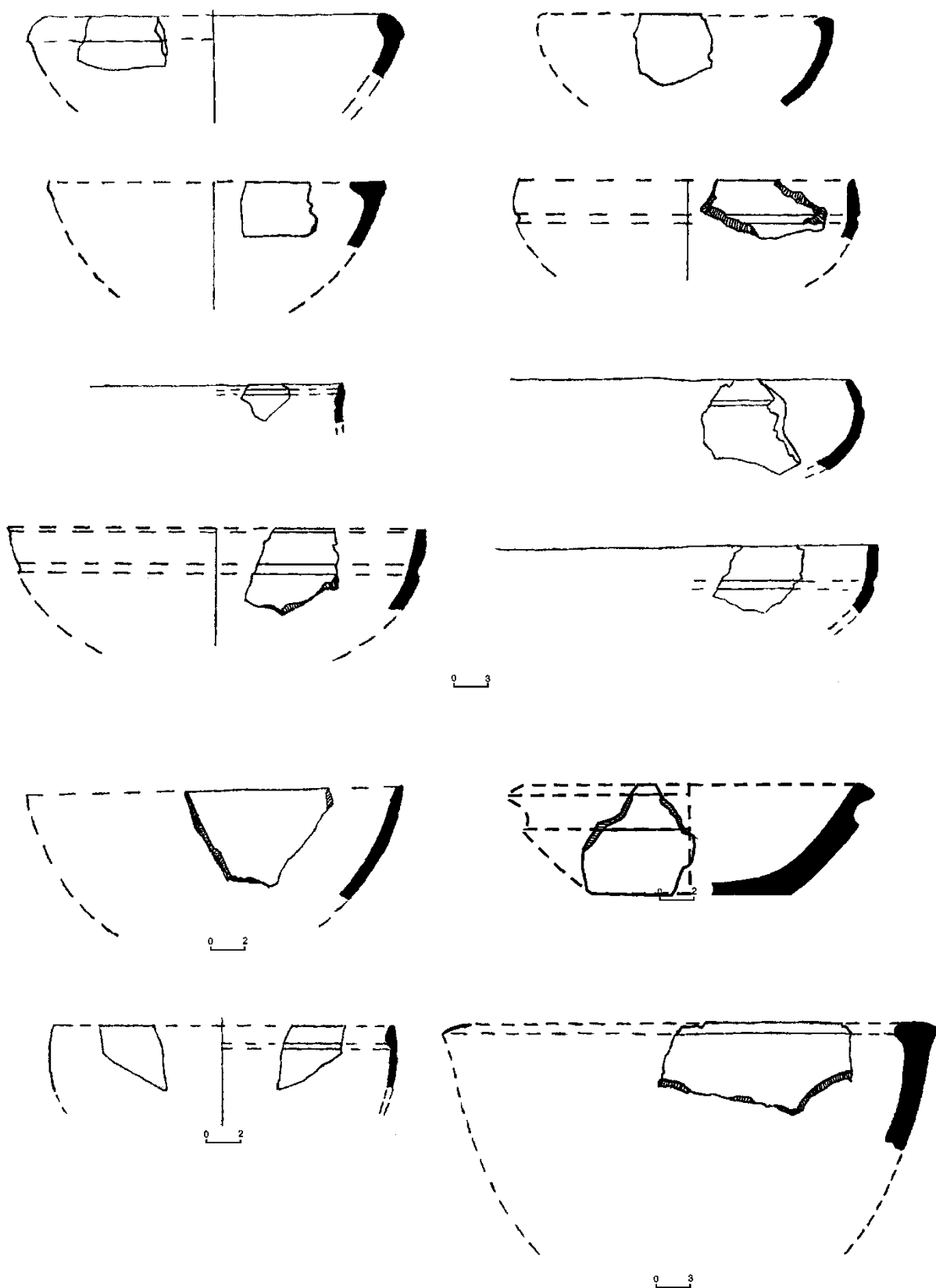

Таблица 50. Разновидные миски.

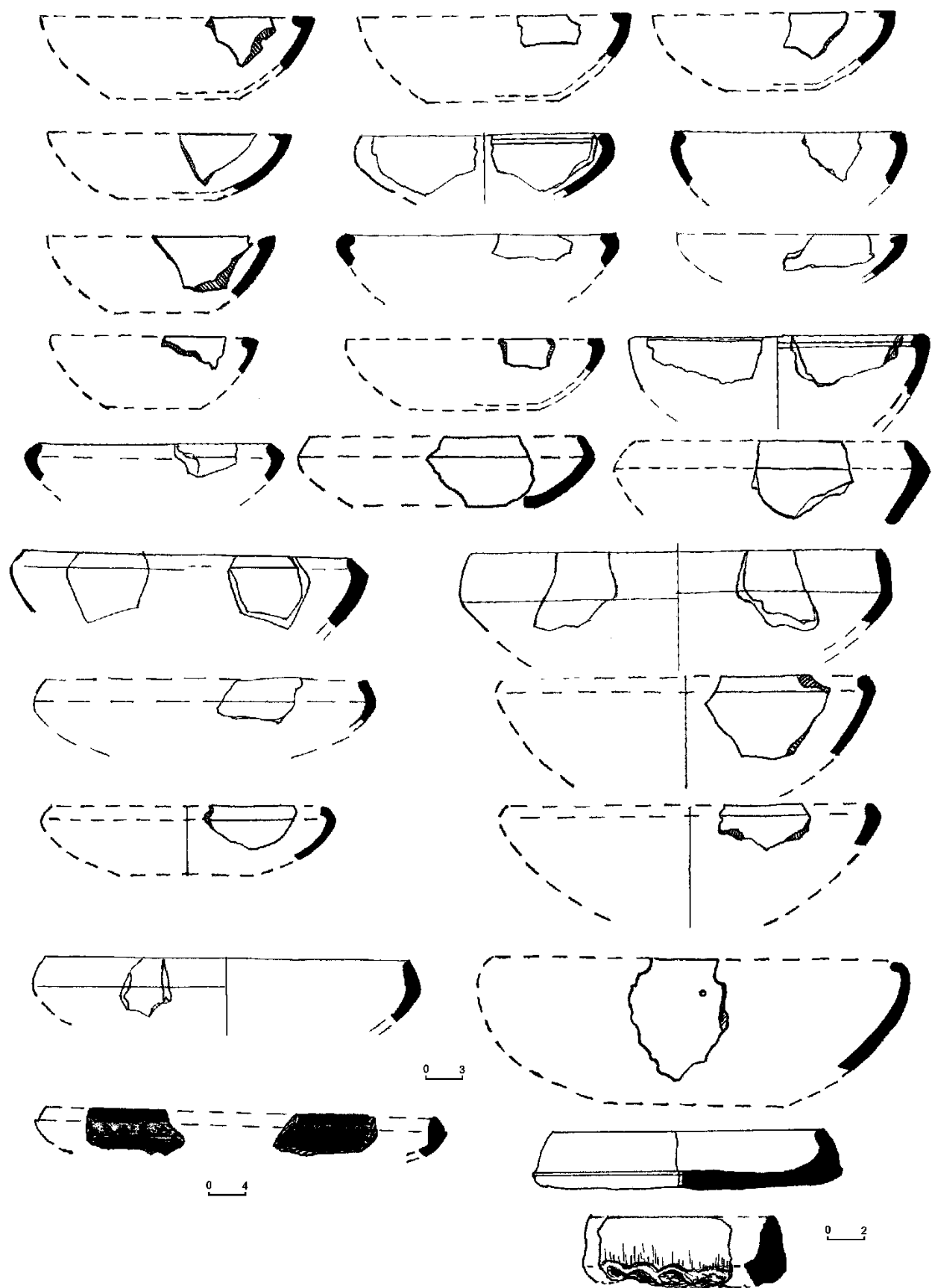

Таблица 51. Типы чаш и мисок с вогнутым краем.

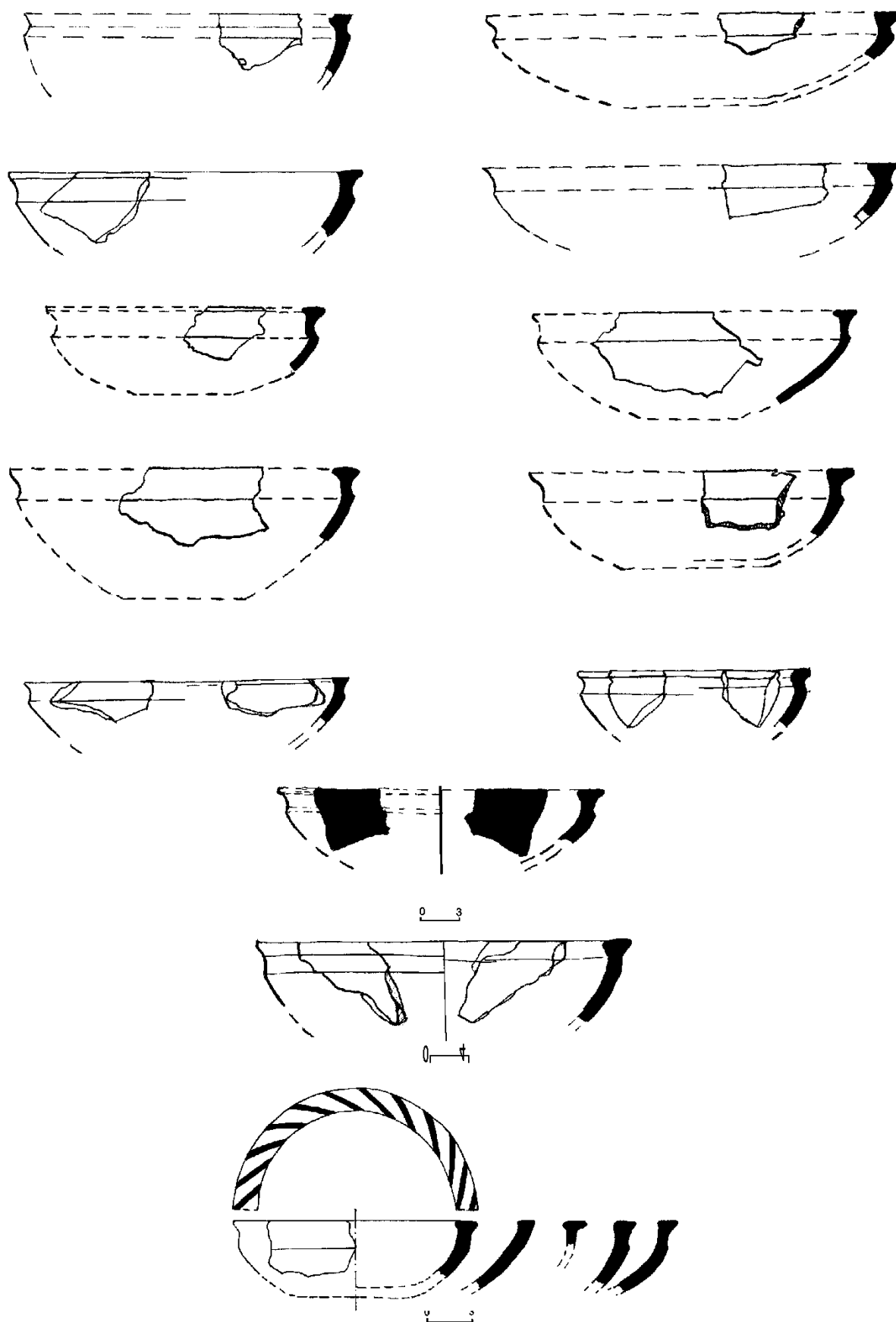

Таблица 52. Разновидные чаши и миски с Т-образной формой венчика.

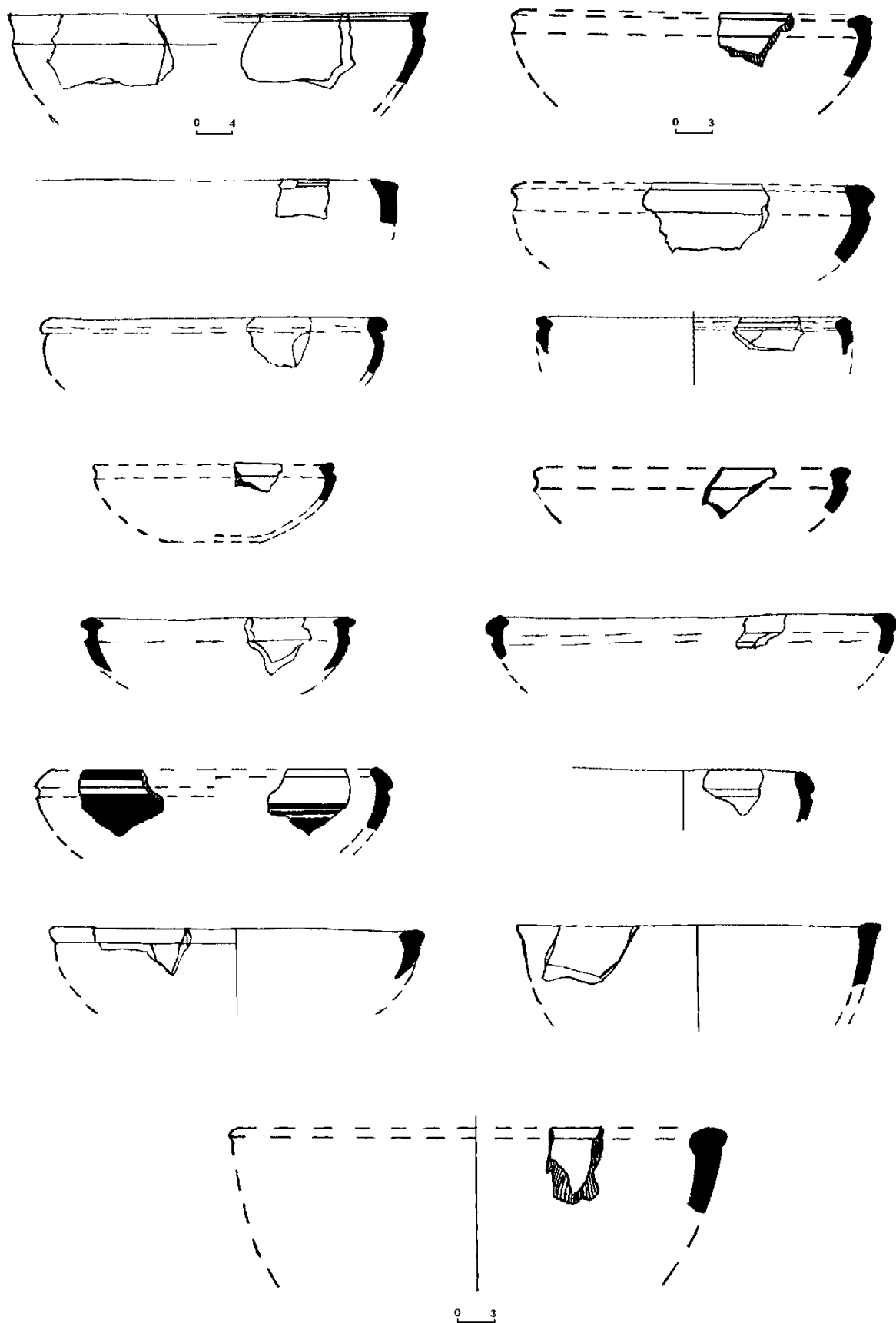

Таблица 53. Разновидные чаши и миски.

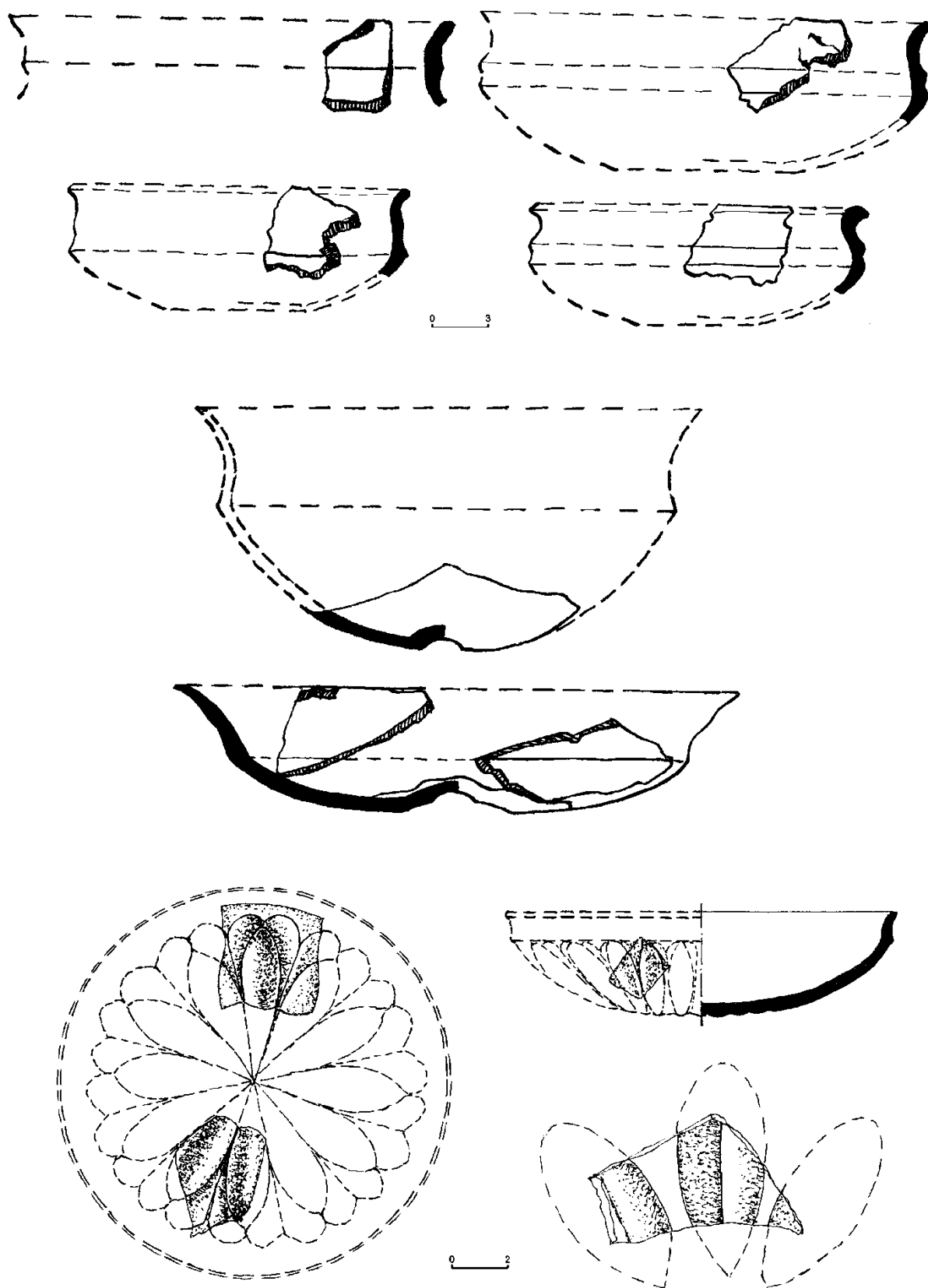

Таблица 54. Миски и пиалы с омфалосом и рельефным оформлением днища
в виде розетки.

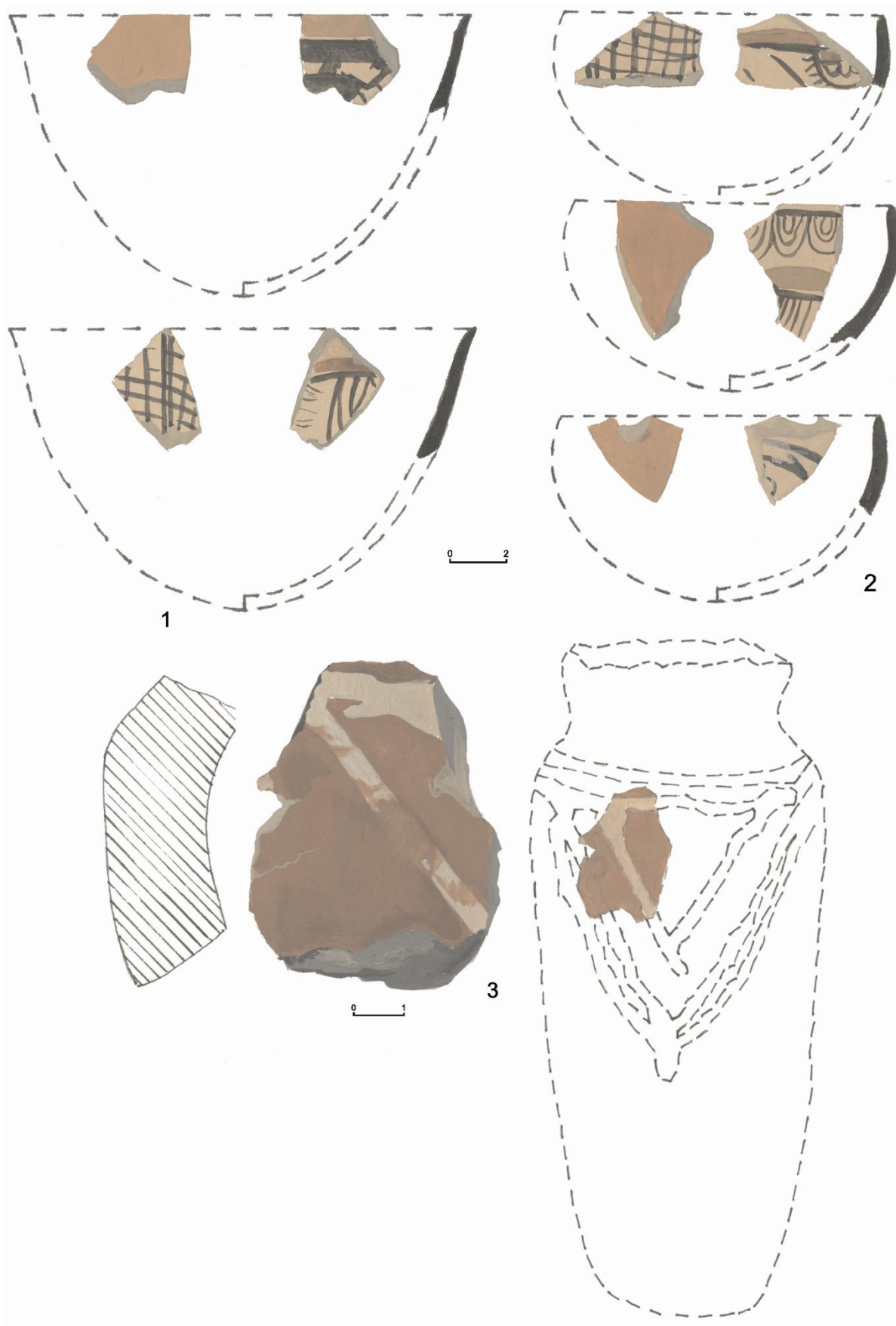

Таблица 55. 1.,2. Расписные чаши и пиалы яйцевидной и полушаровидной формы (мегарского типа). 3. Расписной сосуд в форме т.н. “алабастрона”.

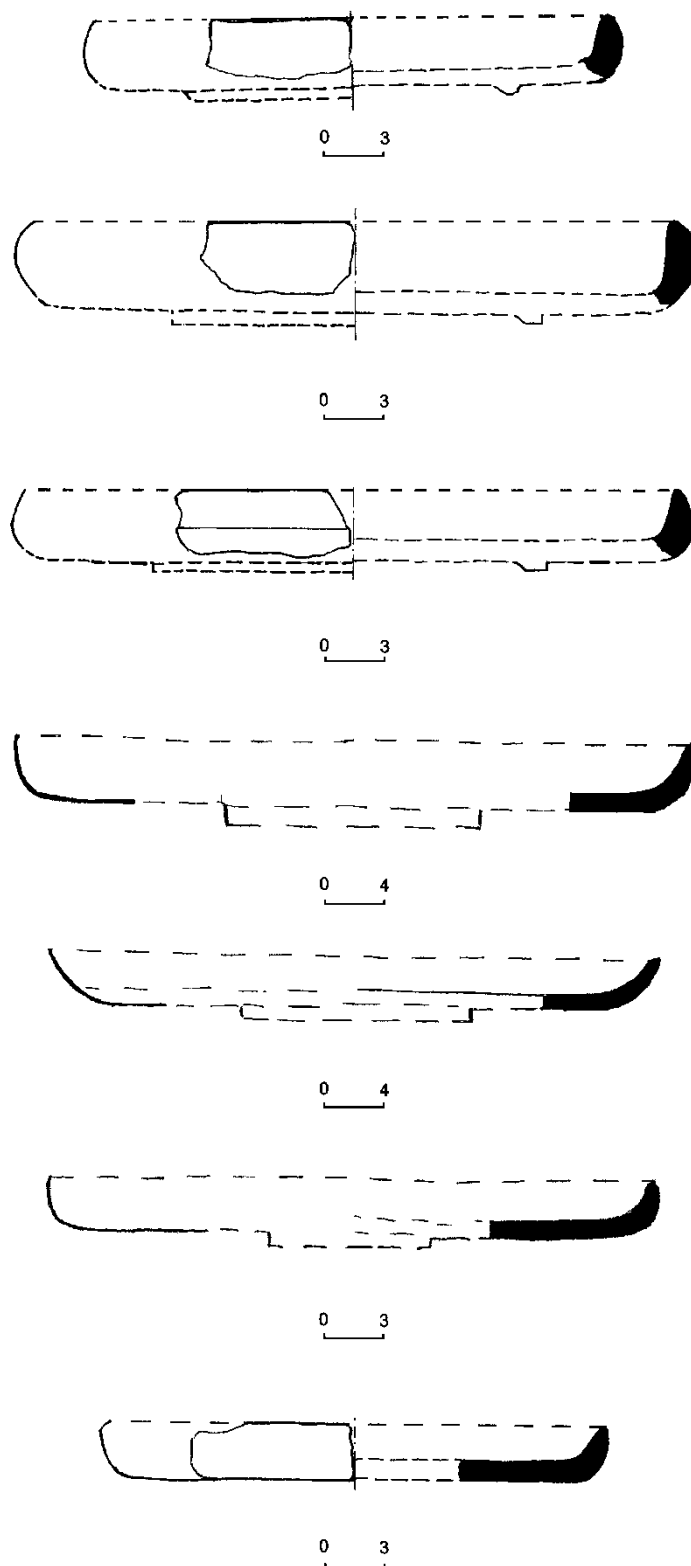

Таблица 56. Блюдца с горизонтальным дном и кольцевым поддоном, с краснолощеной поверхностью. Подражание т.н. “пергамской керамике”.

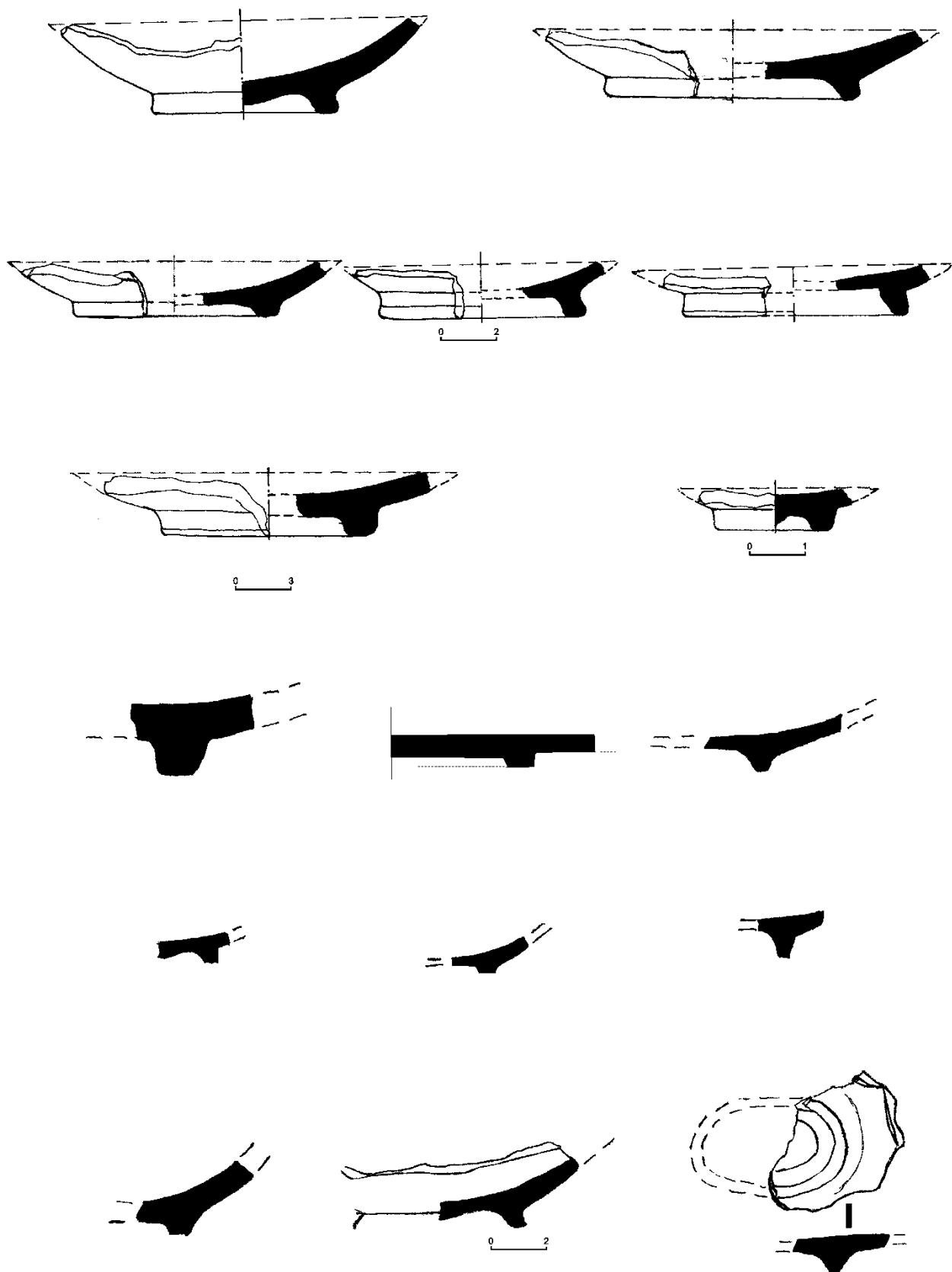

Таблица 57. Блюдца и чаши с кольцевым поддоном.

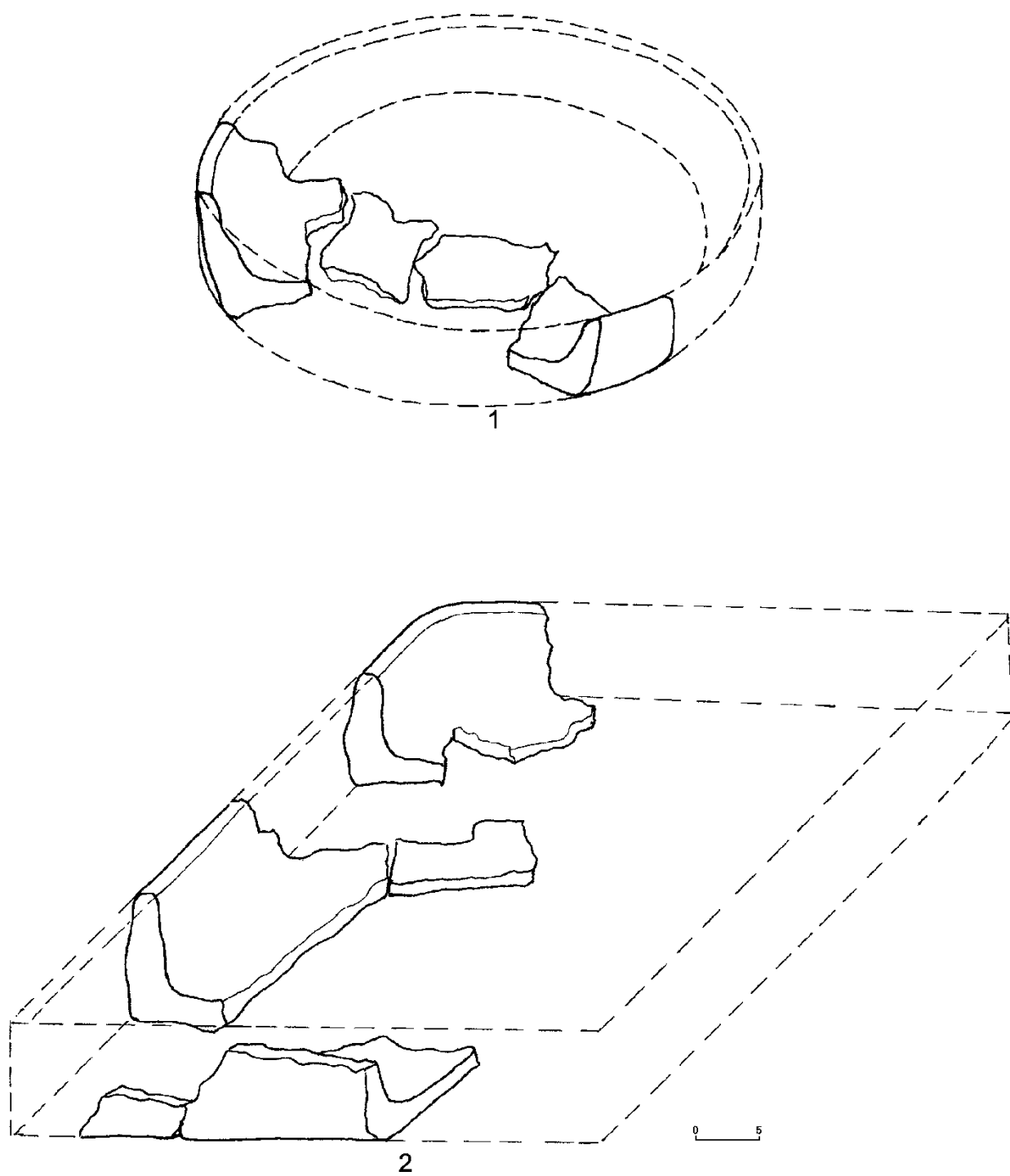

Таблица 58. Типы “жаровен”.

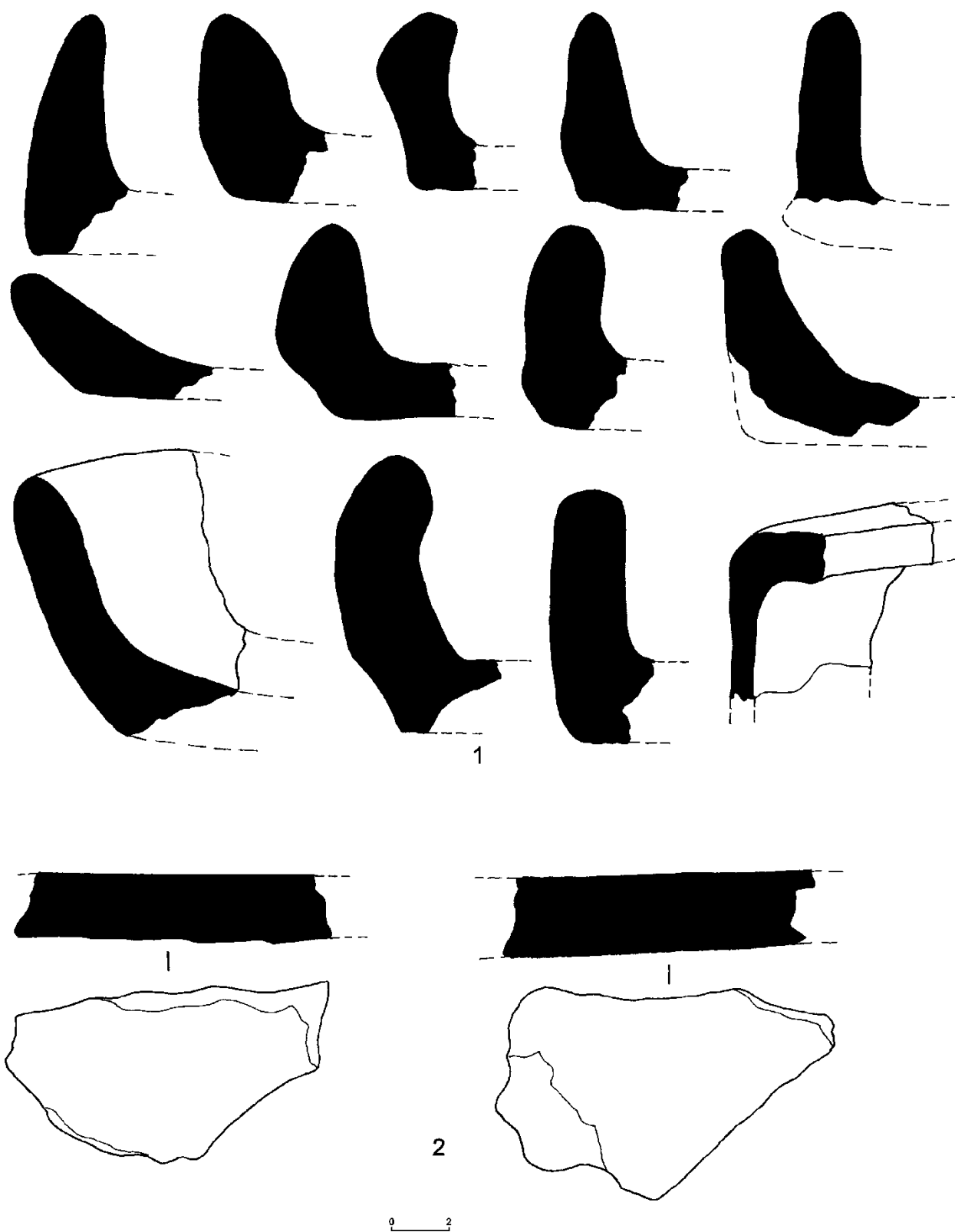

Таблица 59. Профили бортов и днищ "жаровен".

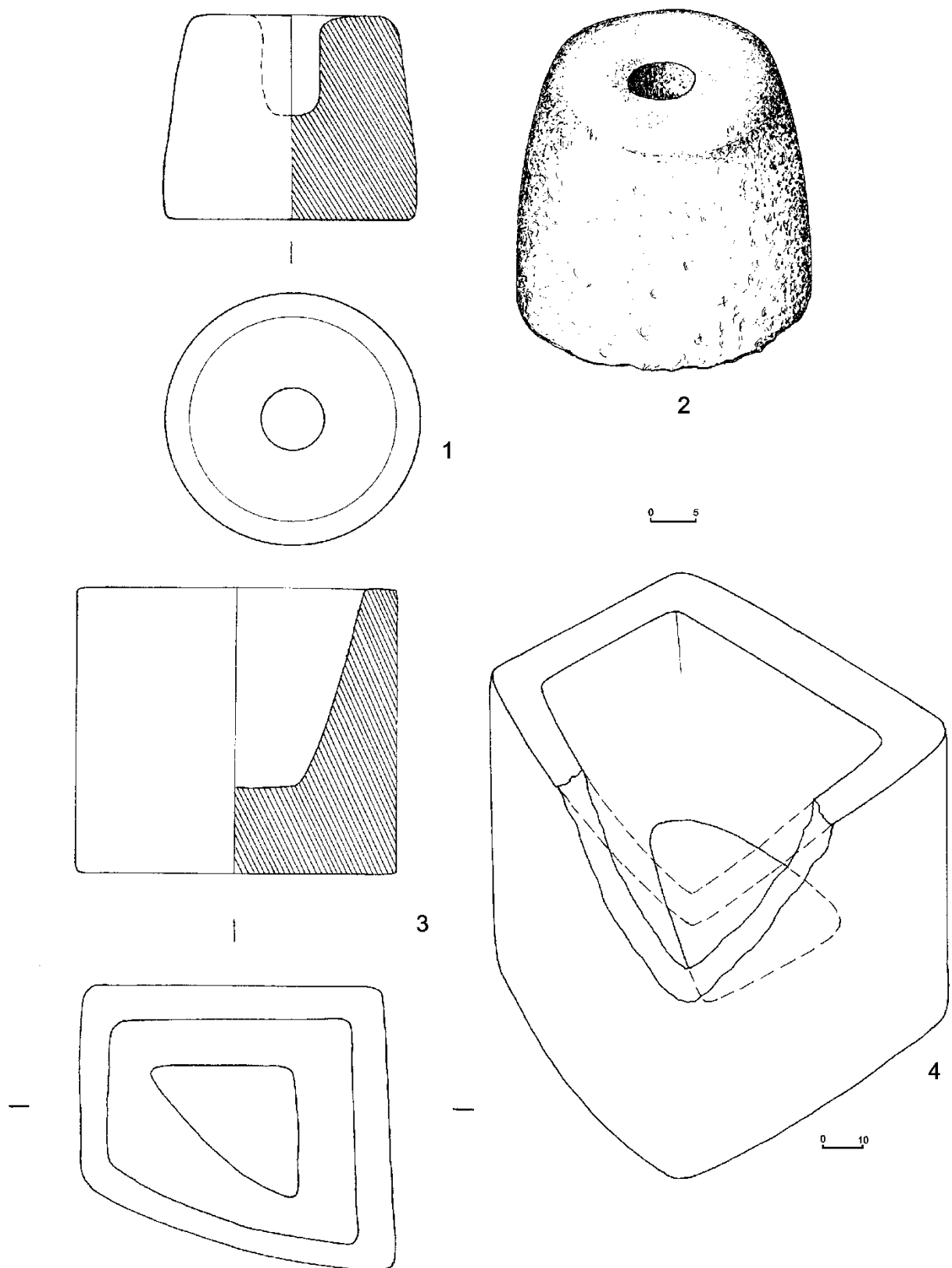

Таблица 60. 1-2. Предмет в виде усеченного конуса с углублением в верхней плоскости (базальт). 3-4. Ванна (чан) для сбора виноградной мезги (черный туф).

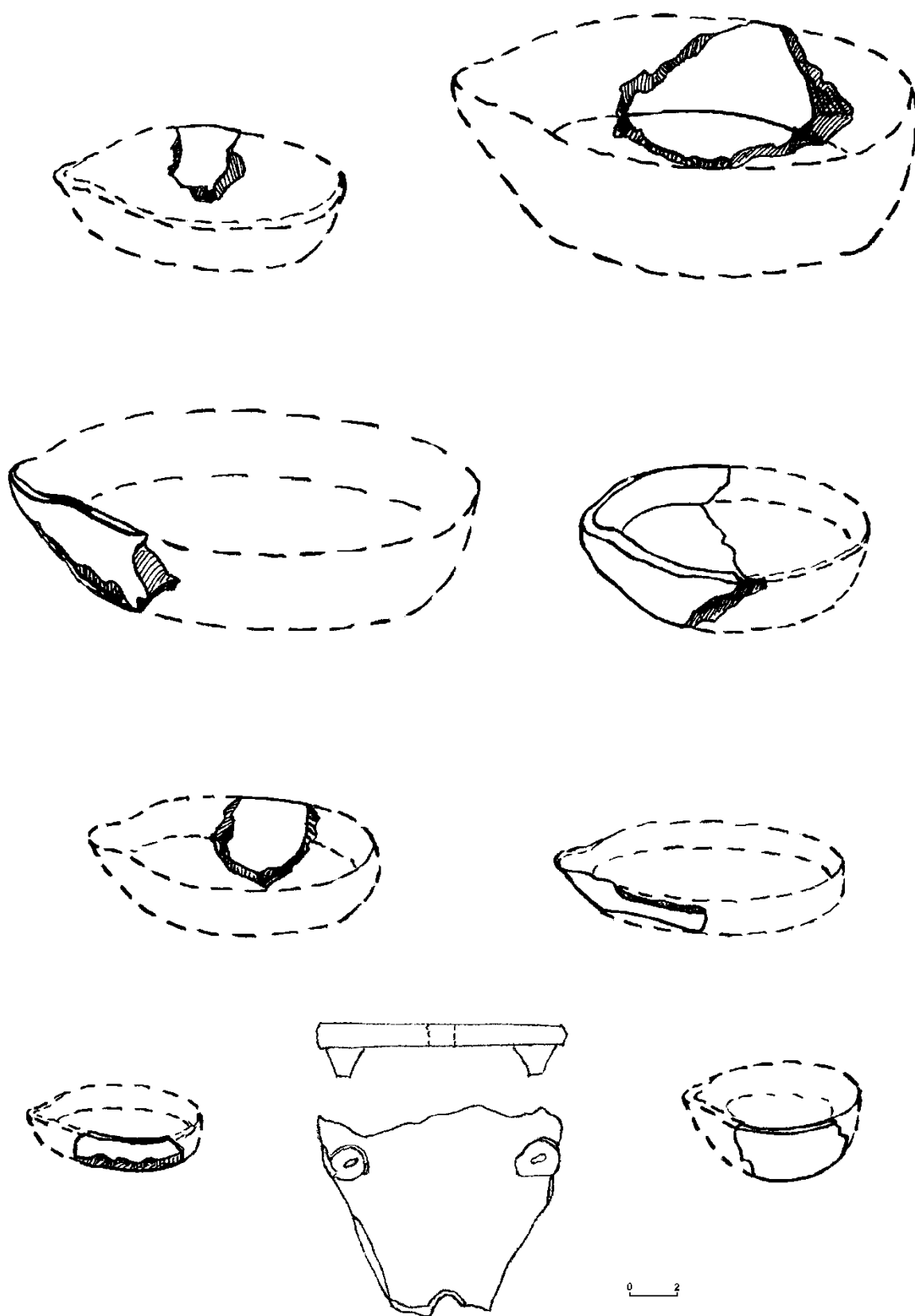

Таблица 61. Типы глиняных светильников. Подставка с тремя коническими ножками и центральным отверстием (для обжига керамики).

Таблица 62. Ручка сосуда с оттиском клейма. 2-3 Типы ручек кувшинов.

Таблица 63. Фрагменты разнovidных кувшинов.

Таблица 64. Фрагменты сосудов со сливными носиками.

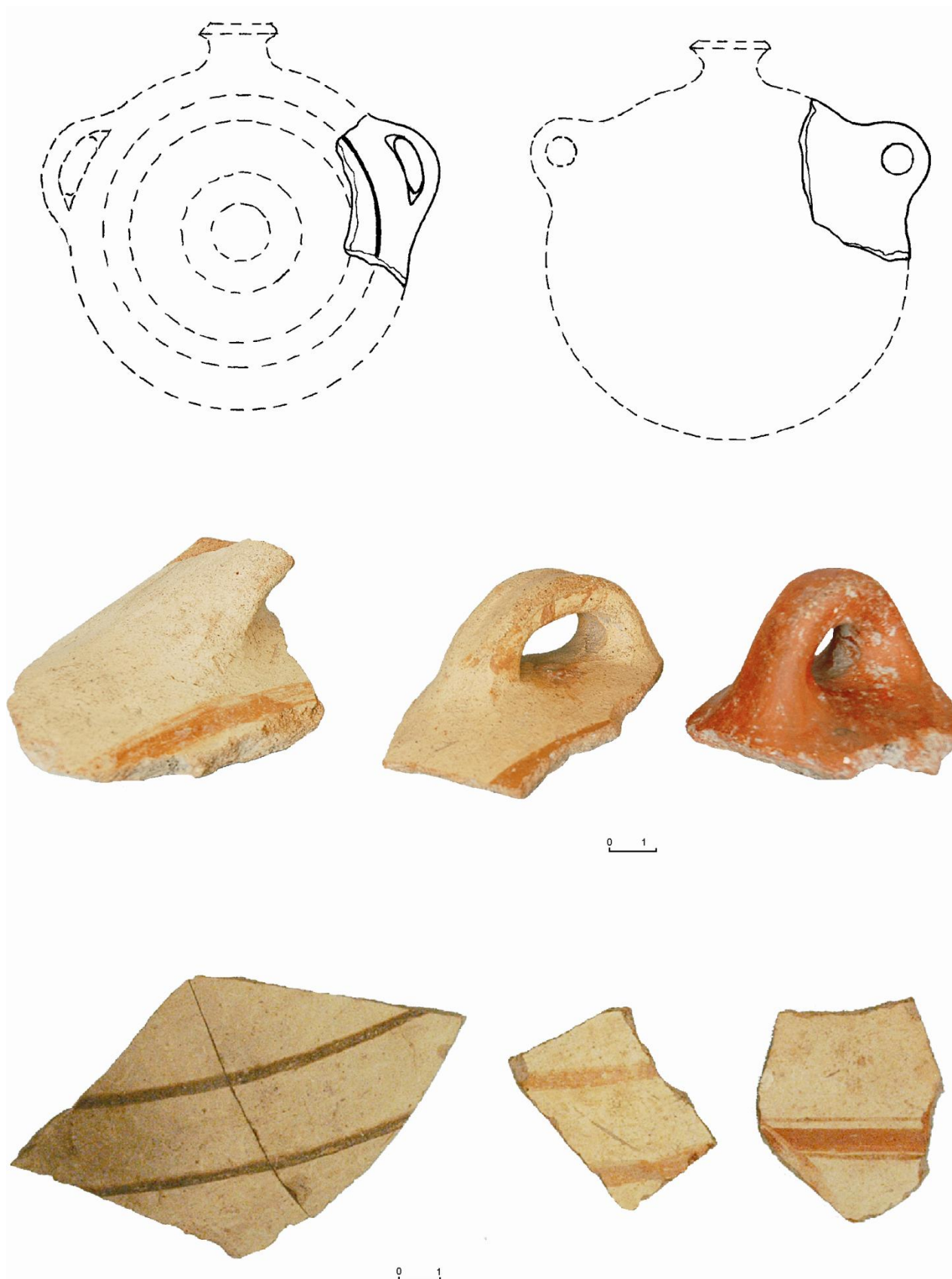

Таблица 65. Фрагменты фляг.

Таблица 66. Фрагменты расписных кувшинов.

Таблица 67. Фрагменты расписных пиал.

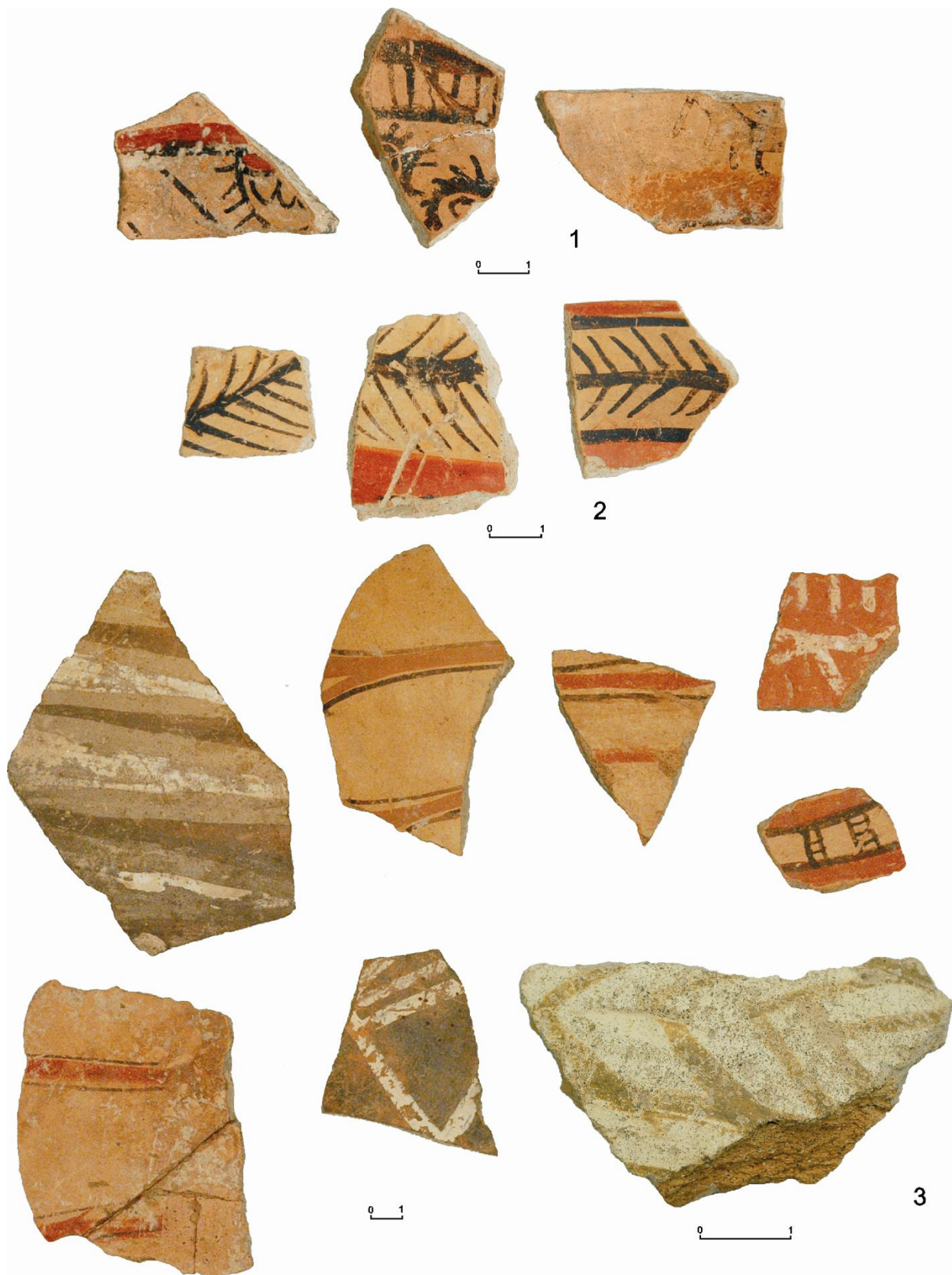

Таблица 68. Типы росписи.

Таблица 69. Карасы.

Таблица 70. Горшки.

Таблица 71. Типы орнаментации.

Таблица 72. Расписная пиала (реконструкция).

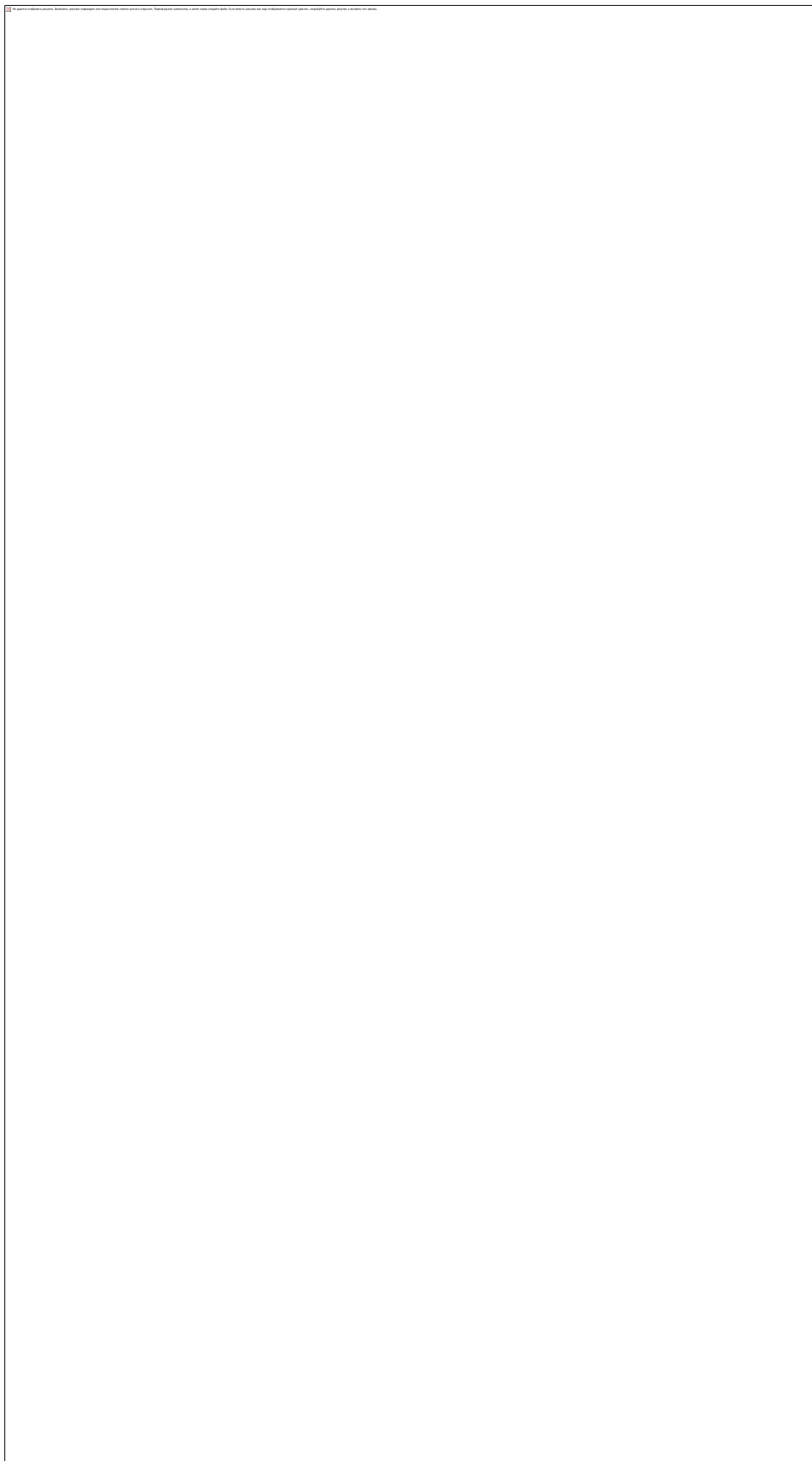

Таблица 73. Пиалы. Фрагменты омфалосов и рельефно оформленных днищ.

Таблица 74. Фрагменты пиал и чаш.

1

2

Таблица 75. Чаши-миски.

0 1

0 1

Таблица 76. Миски.

Таблица 77. Миски и блюда с кольцевым поддоном.

Таблица 78. Фрагменты мисок и чаш.

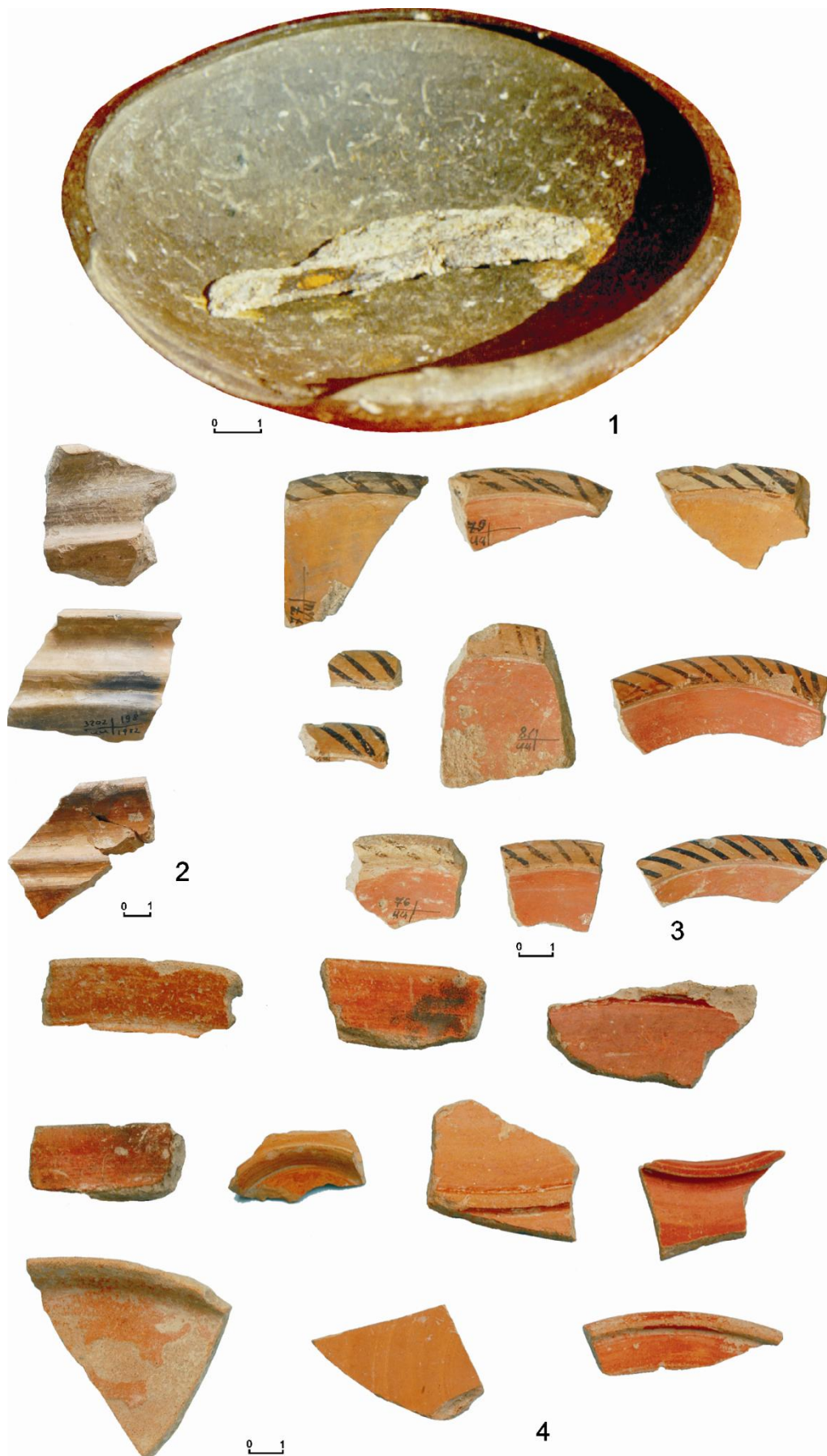

Таблица 79. Миски и блюда (фрагменты).

Таблица 80. Фрагменты бортов и днищ “жаровен”. Фрагмент днища
с отпечатком плетеной циновки.

Таблица 81. Изделия из железа.

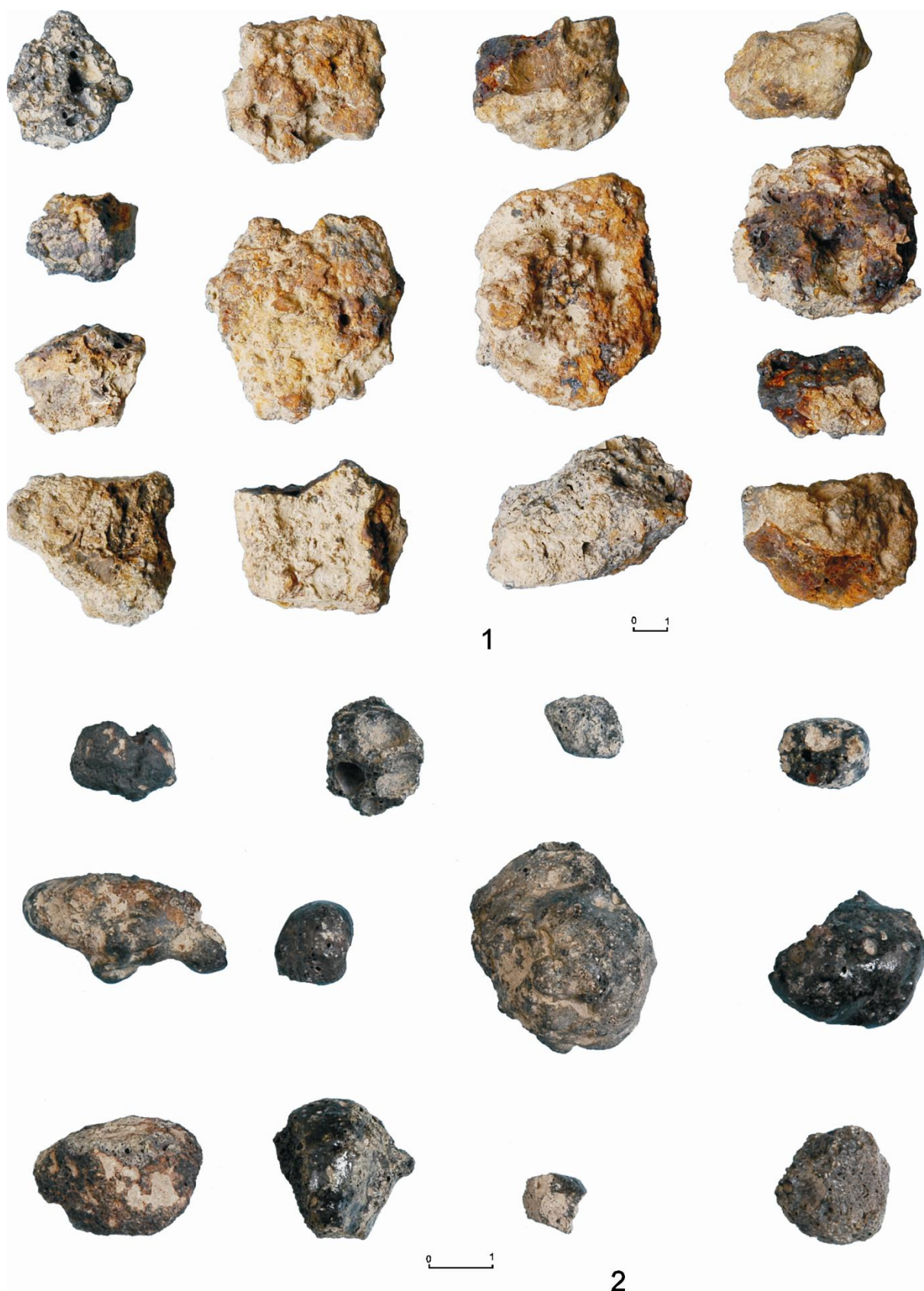

Таблица 82. Отходы кузнечного производства.

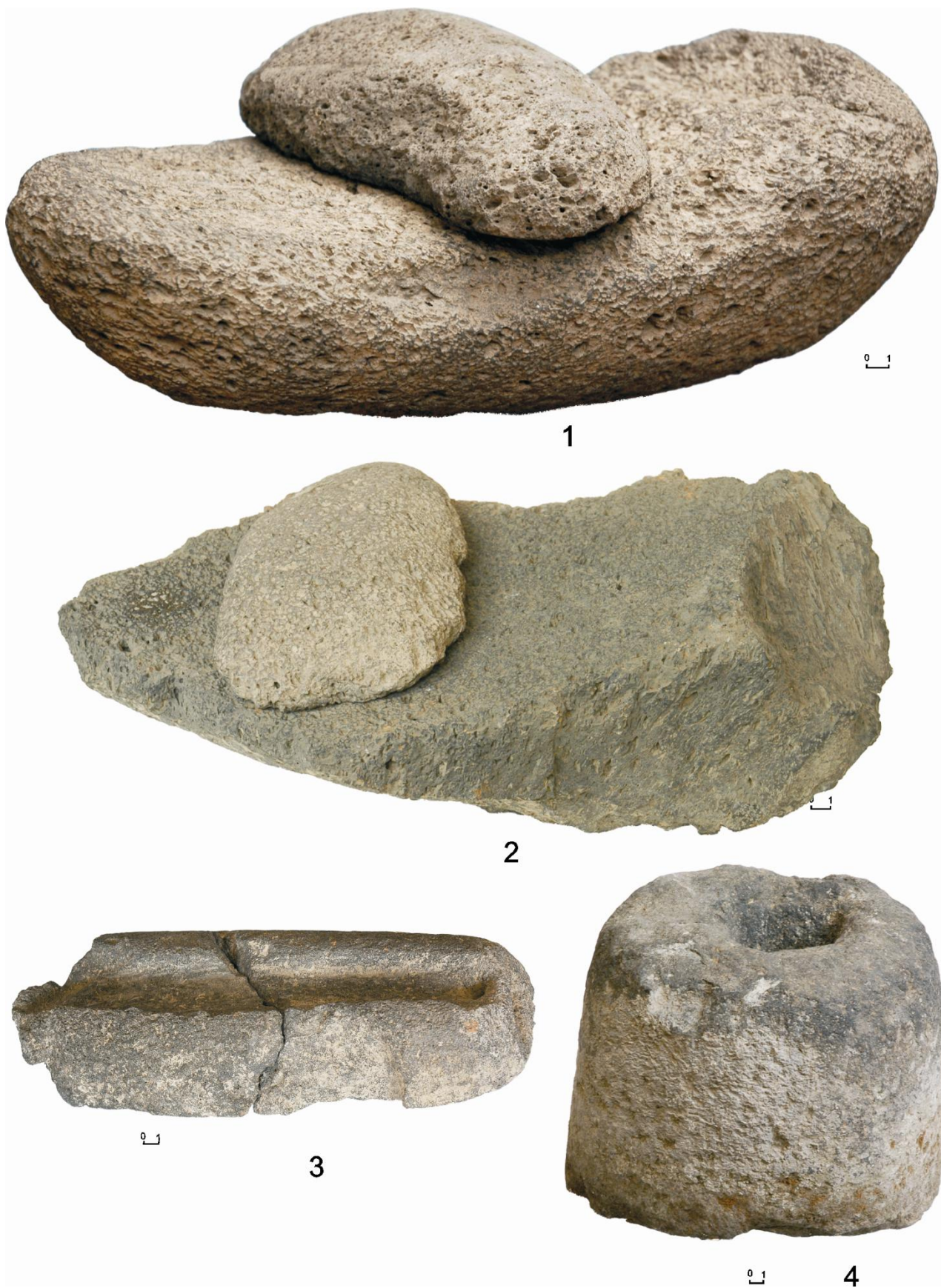

Таблица 83. 1-3. Зернотерки (пористый базальт). 1-2. Ладьевидного типа. 3. С рычажным управлением. 4. Ступа (пористый базальт).

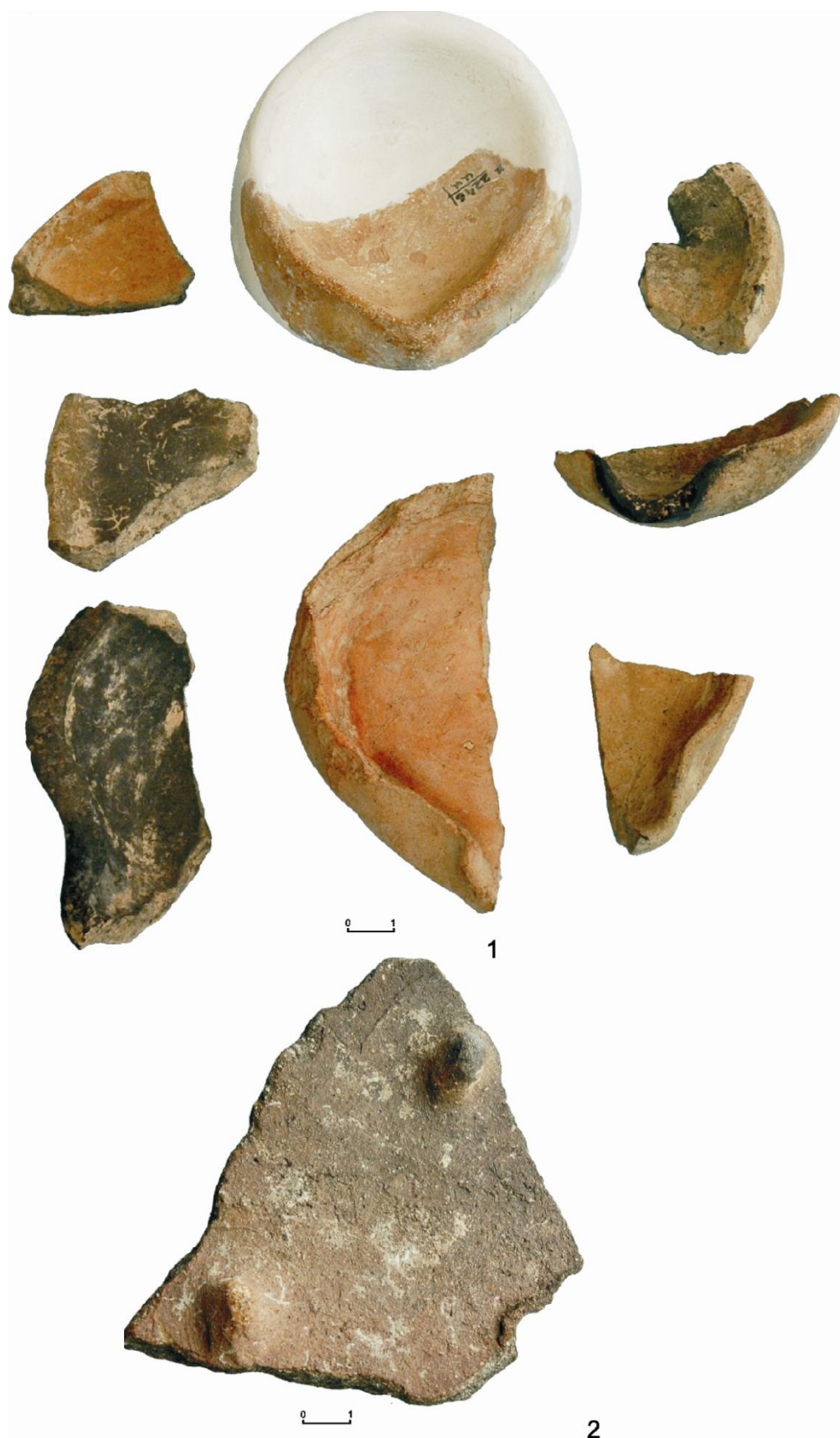

Таблица 84. 1. Фрагменты светильников; 2. Подставка для обжига керамики

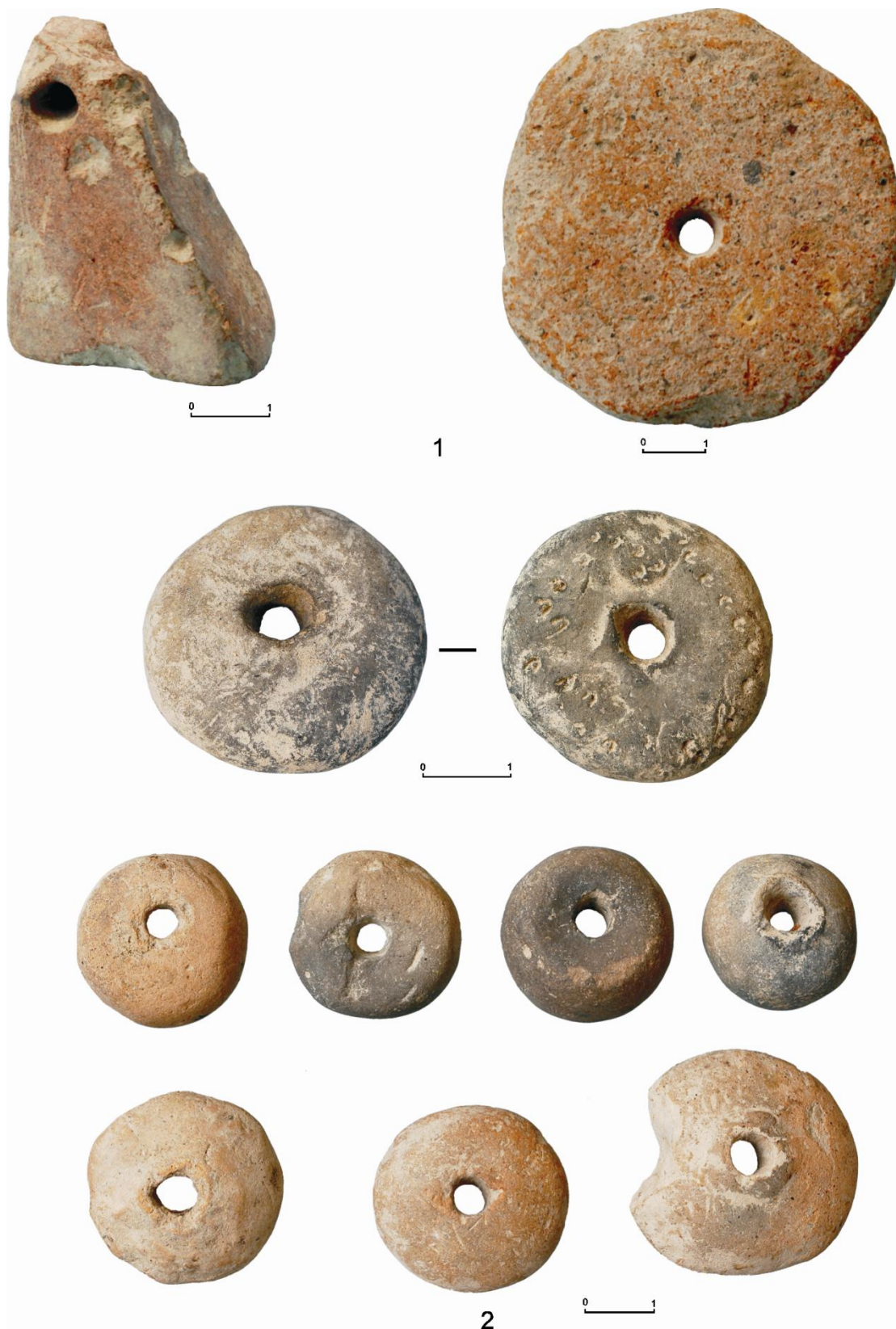

Таблица 85. 1. Каменные грузила для ткацких станков (пирамидального и дисковидного типа), 2. Глиняные пряслица от веретен.

Таблица 86. Лоцила и терочники (камень, глина).

Таблица 87. Идолы. 1. Аван-Ариндж, 2. Карашамб. (базальт), (Раскопки Фирдуса Мурадяна).
3. Шенгавит (глина).

Таблица 88. Идол-подвеска. Фаланговая кость конечности овцы (козы). Аван-Ариндж.
 (кувшинное погребение), I в.до н.э. 2. Идол. Фаланговая кость благородного
 оленя. Аван-Ариндж. III-II тыс.до н.э. 3-4. Идолы. Фаланговая кость овцы. Аван-
 Ариндж. II-Iвв.до н.э.

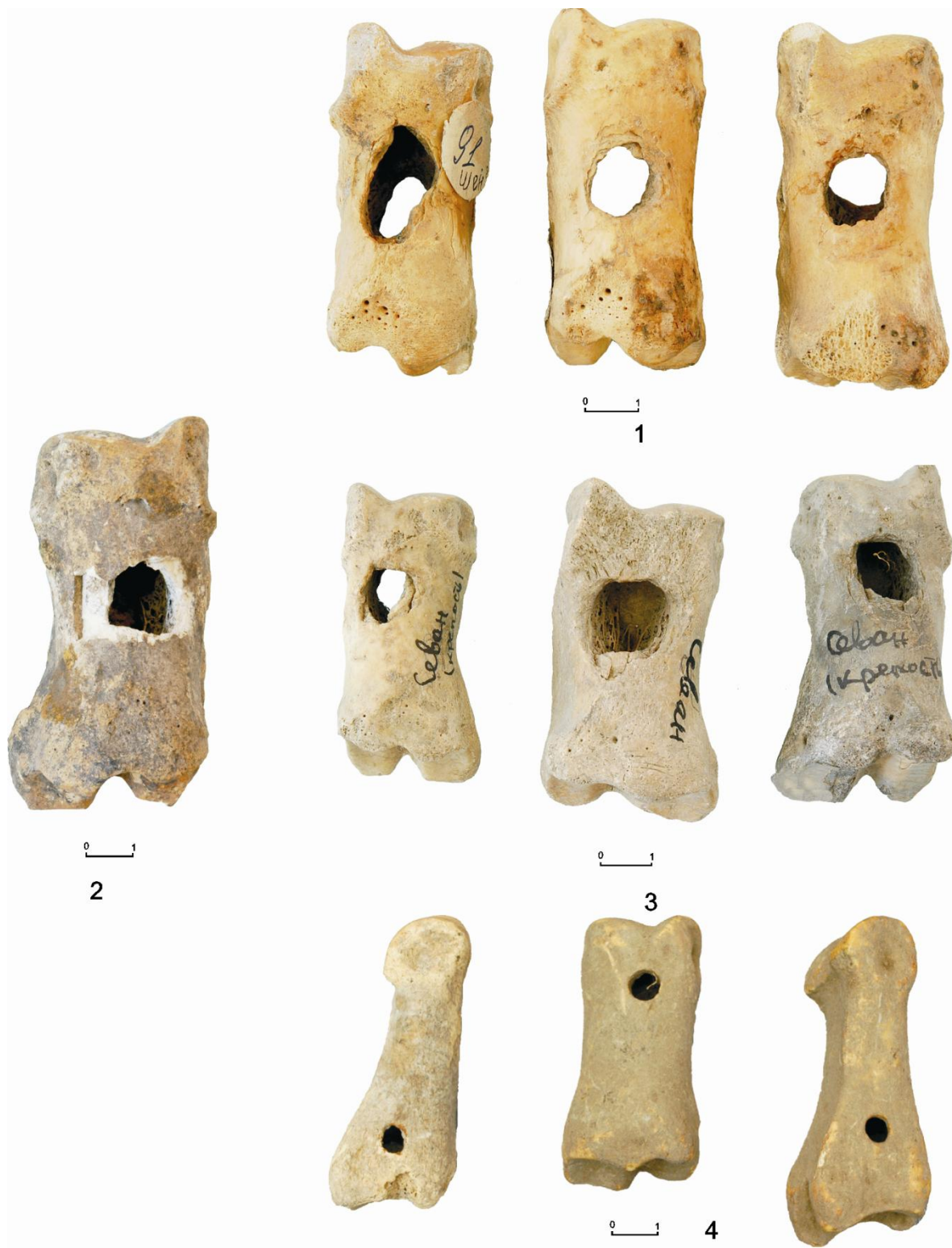

Таблица 89. Идолы. Фаланговая кость коровы или быка. 1.Шенгавит. Ш тыс.до н.э. 2. Идол.

Фаланговая кость коровы или быка. Цахкунк. V-IV тыс. до н.э. 3. Идолы.

Фаланговая кость коровы или быка. Севанская крепость. II-I тыс. до н.э. 4.

Идолы. Фаланговая кость мелкого рогатого скота и свиньи. Карнут, вторая
половина III тыс.до н.э.

